

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

Утраченный металл

18+

Двурожденные. Книга 4

Звезды новой фэнтези

Брендон Сандерсон
Утраченный металл

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Сандерсон Б.

Утраченный металл / Б. Сандерсон — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-23790-2

Ваксиллиум Ладриан много лет боролся с тайной криминальной организацией под названием Круг, возглавляемой его сестрой Тельсин. В конце концов возраст взял свое, и Вакс занялся политикой и воспитанием детей. Но теперь Уэйн и Мараси обнаружили свидетельства того, что Круг возобновил свою деятельность, чрезвычайно опасную для страны. На руку преступникам играет конфликт между столицей Эленделем и Отдаленными Городами. Соседи, жители недавно открытого Южного Континента, грозят если не войной, то серьезными неприятностями, а у Гармонии, бога – покровителя Скадриаля, полно своих забот. В ходе эксперимента над редкими металлами Вакс совершает пугающее открытие, и ему приходится вернуться к ремеслу законника... Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-23790-2

© Сандерсон Б., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Благодарности	6
Пролог	11
Часть первая	17
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Брендон Сандерсон

Двурожденные. Книга

4: Утраченный металл

Brandon Sanderson
THE LOST METAL

Copyright © 2022 by Dragonsteel Entertainment, LLC Interior illustrations by Isaac Stewart and Ben McSweeney © Dragonsteel Entertainment, LLC All rights reserved

Published by permission of the author and his literary agents, JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Брендон Сандерсон вырос в Линкольне, штат Небраска, а сейчас живет с семьей и трудится в Юте. Он лауреат премии «Хьюго», и его романы занимали первые позиции в списках бестселлеров «Нью-Йорк таймс» и «Санди таймс». Суммарный мировой тираж книг Сандерсона превысил двадцать миллионов экземпляров. Наиболее известны его серии в жанре эпической фэнтези «Рожденный туманом» и «Архив Буресвета», но также стали сенсацией «Устремленная в небо» и книги о супергероях-мстителях. По черновикам Роберта Джордана Сандерсон дописал три романа из международного цикла-бестселлера «Колесо Времени».

* * *

Талант демиурга – один из главных козырей Сандерсона.

Мир фантастики

С точки зрения писательского мастерства Сандерсон выглядит одним из лучших. Поражает не только его умение создавать героев, но и то, как они внедряются в нашу жизнь. Каждый герой как будто вышел из-под резца гениального скульптора, со всеми своими достоинствами и изъянами он буквально спрыгивает со страниц.

Fantasy Book Review

Невозможно устоять перед гипнотической силой героев Сандерсона и очень трудно оторваться от чтения.

Amazon.com

* * *

Посвящается Итэну Скарстедту, человеку чести

Благодарности

Шестнадцать лет назад, в тусклой кабинке местного стейк-хауса, я рассказал жене о сумасшедшей идее, пришедшей мне в голову: взять мир эпического фэнтези и развивать его на протяжении нескольких эпох. Фэнтези с научной фантастикой смешивали и до меня. Использование индустриальных технологий в эпическом фэнтези тоже было. Но мне не доводилось встречать авторов, развивающих свой мир таким образом: подробно описывая, как планета движется в будущее, в то время как события ранних книг служат основой для религии и мифологии.

Это был рискованный ход. Читатели предпочитают, чтобы границы жанра были строго очерчены. В моем проекте жанровые границы ломались по принципу, который исторически встречался с изрядным скепсисом. Но я был убежден, что столь масштабный проект (изображение планеты и магии на протяжении веков) стоил риска. И вот мы пришли к заключительной книге второй эпохи «Рожденного туманом», завершающей мой жанровый эксперимент.

Только вам, читатель, судить, был ли он успешен. От себя могу сказать одно: я бы точно не достиг цели, если бы не помощь множества людей. Я понимаю, что сейчас перечислю целое море имен, но я искренне благодарен каждому из них. Эти люди не закатывали глаза, когда я выкладывал им новые безумные планы. Они закатывали рукава и помогали воплотить их в жизнь.

С изданием книги мне, как всегда, помог замечательный агент Джошуа Билмес. Сьюзен Веласкес и Кристина Зобел из его команды тоже проделали большую работу, ведя переговоры с зарубежными издателями и агентами.

Говоря о загранице, не могу не отметить огромный вклад Гиллиан Редферн – это мой редактор из Великобритании, проделавшая работу, которой обычно занимаются американские редакторы. Она превосходно справилась; мне с ней очень повезло. Также хочу поблагодарить Эмада Ахтара и Брендана Деркина из британского «Gollancz», а также моих британских агентов Джона Берлайна и Стиви Финегана из «Zeno Agency».

Главным редактором этого проекта в США была Деви Пиллай. Ее традиционно профессиональный взгляд на сюжет и персонажей был крайне важен. Кроме того, я благодарен Молли Макги, Тессе Виллануэве, Люсиль Реттино, Эйлин Лоуренс, Алексису Саареле, Хезер Сондерс, Рафалу Гибеку, Фелипе Крузу, Амели Литтел и Хейли Йозвяк из издательства «Tor». К печати книгу готовил наш давний знакомый и соратник Терри Макгэрри.

Что касается аудиокниги, то персонажей – и меня, рассказчика, – вновь озвучил незамеченный Майкл Крамер. Майкл, ценю твою работу. Спасибо за все, что ты сделал. Также благодарю Стива Вагнера, Саманту Эдельсон и Дрю Килмана из «Macmillan Audio».

В последнее время в моих книгах появляется все больше иллюстраций. Поэтому выделяю отдельно мастеров карандаша и кисти, пусть даже некоторые из них заслуживают упоминания сразу в нескольких категориях. Во-первых, спасибо Питеру Лютену, ведущему художнику издательства «Tor». Обложку проиллюстрировал Крис Макграт. Внутренние иллюстрации выполнил – художник, прежде известный как Айзек Стюарт. Он нарисовал карты, символы и оформил газетные вставки, включая текст. Ждите в скором будущем его собственные книжки. (Да, я выдумал всю эту историю с псевдонимом из символов. Могу позволить себе вольности: у меня есть лицензия.) Наш хороший друг Бен Максуйни, с которым мы давно сотрудничаем, нарисовал почти все иллюстрации к газетам. Рэйчел Линн Бьюкенен была помощником иллюстратора, а Дженнифер Нил немного помогла с газетами.

Внутренний редакторский отдел моей компании «Dragonsteel» возглавляет Ненасытный Питер Альстром, в то время как Карен Альстром следит за целостностью повествования,

а Бетси Альстром помогает с редактурой. Новым выпускающим редактором стала Кристи С. Гилберт.

Командой по обработке заказов и организации мероприятий руководит Кара Стюарт. Также в команду входят Кристи Якобсен, Лекс Уиллхайт, Келлин Нойманн, Мем Грейндж, Майкл Бейтман, Джой Аллен, Кэти Айвс, Ричард Руберт, Шон Ванбускирк, Изабель Крисман, Тори Мекэм, Алли Рип, Джейкоб Крисман, Алекс Лайон и Оуэн Ноултон.

Отдел по маркетингу и рекламе возглавляет Адам Хорн, а директором по маркетингу является Джереми Палмер. Операционной деятельностью компании заведует Мэт «На самом деле я Мэтт с двумя „т“» Хэгч, а помогают ему Джейн Хорн, Эмма Тан-Стокер, Кэтлин Дорси Сандерсон, Макена Салуоне и Хейзел Каммингс.

Моя прекрасная жена, Эмили Сандерсон, ныне является операционным директором «Dragonsteel». А еще она самая милая из списка.

Участники моей писательской группы не такие милые, но весьма полезные. В работе над этой книгой принимали участие: Кейлинн Зобелл, Питер Альстром, Карен Альстром, Алан Лейтон, Эрик Джеймс Стоун, Дарси Стоун, Кэтлин Дорси Сандерсон, Эмили Сандерсон и Бен «Посторонний Рик» Олсен. Также нельзя не отметить Итэна Скарстедта, которому книга посвящена. Он стал прототипом Скара из Четвертого Моста, и вот уже двадцать лет помогает мне оттачивать боевые и стрелковые навыки. Спасибо, Итэн, за то, что помогаешь с умным видом говорить о том, в чем я ничего не смыслю.

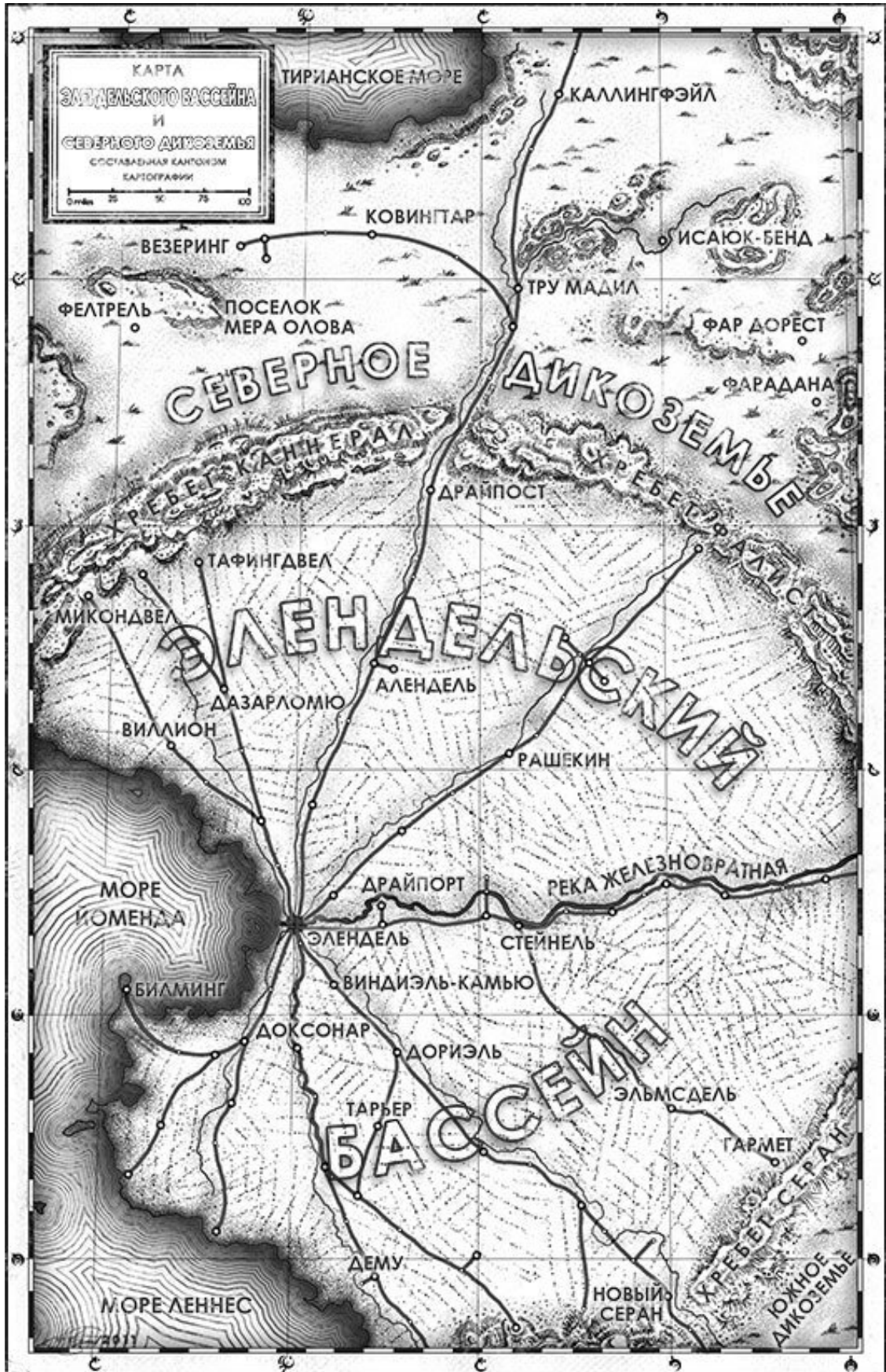
Мишель Уокер заслуживает благодарности за создание весьма полезной базы данных для бета-ридеров. В их состав вошли: Трэй Купер, Тим Челленер, Тед Херман, Сюзанна Мьюсин, Сумейя Муратагич-Тадич, Пейдж Филлипс, Шеннон Нельсон, Шон Ванбускирк, Росс Ньюберри, Розмари Уильямс, Ричард Файф, Рахул Пантула, Пунам Десай, Филип Воруоллер, Пейдж Вест, Мишель Уокер, Меган Канн, Мэтт Винс, Марк Эксис Линдберг, Марни Петерсон, Линдси Лютер, Линнея Линдстрем, Лорен Маккэффри, Кендра Уилсон, Кендра Александер, Келлин Нойманн, Кальяни Полури, Джой Аллен, Джошуа Харки, Джори «Главный по курочкам» Филлипс, Джесси Лейк, Джессика Эшкрафт, Дженнифер Нил, Иэн Макнатт, Крис «Gunner» Макграт, Гари Сингер, Фрэнки Джером, Евгений «Argent» Кирилов, Эрика Кута Марлер, Эрик Лейк, Дрю Маккэффри, Диана Ковель Уитни, Дэвид Фэллон, Дэвид Беренс, Дарси Коул, Крэйг Хэнкс, Кристина Гудман, Кристофер Коттингем, Чана Ошира Блок, Брайан Т. Хилл, Брендон Коул, Линтин «Botanica» Сю, Боб Ключц, Бен Мэрроу, Бекка Репперт, Бао Фам, Энтони Экер, Аликс Ходж, Элис Арнесон, Алексис Хорайзон, Аарон Биггс, Джо Дирдефф, Роб Уэст и Джейден Кинг.

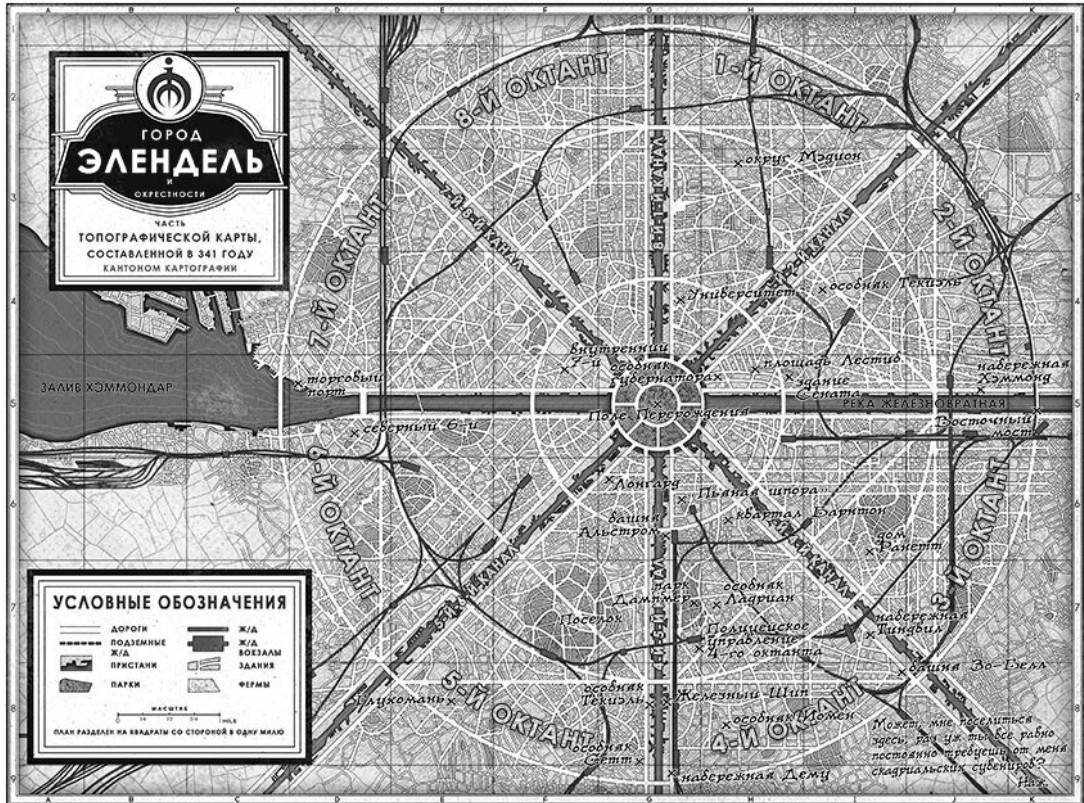
В число гамма-ридеров вошли многие из вышеперечисленных плюс Сэм Баскин, Глен Вогелар, Дейл Винс, Билли Тодд, Ари Куфер, Мэттью Соренсен. Рам Шохам, Элияху Береловиц Левин и Аарон Форд.

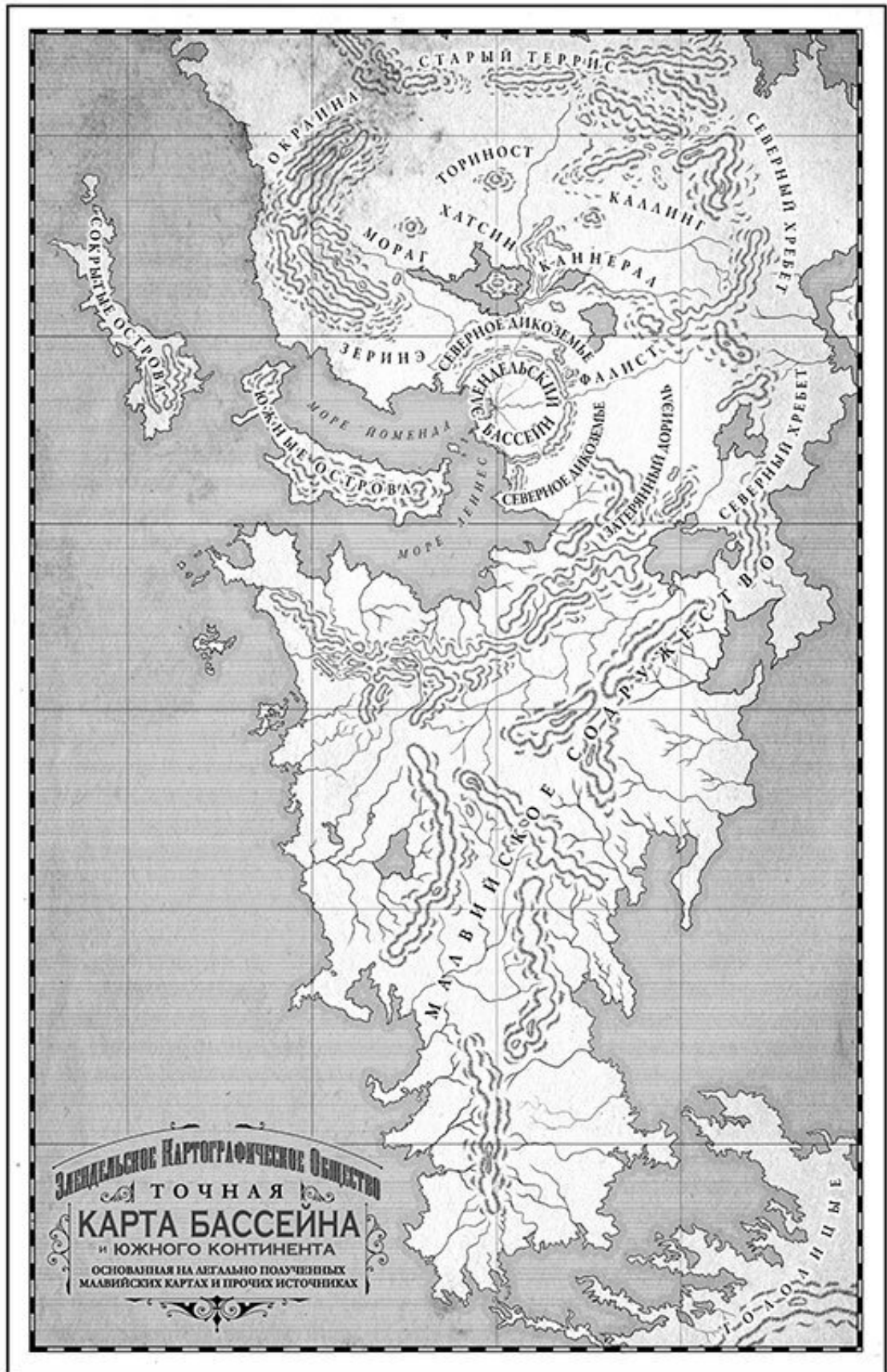
Также нам крайне помогла специальная группа людей, которую я попросил проследить за системой магии и сообщать мне, когда требуются более подробные объяснения или в случаях, если я противоречу сам себе. Мы назвали эту группу «Команда Магической Последовательности», но в дальнейшем я буду именовать их просто «Аркистами». Это Джошуа Харки, Эрик Лейк, Евгений Кирилов, Дэвид Беренс, Иэн Макнатт и Бен Мэрроу.

Особую благодарность объявляю своим добрым друзьям Кальяни и Рахулу, давним бета-ридерам, которые уже много лет вдохновляют меня на чтение индийских мифов, где я черпаю вдохновение для книг. Они подробно проконсультировали меня при работе над одним персонажем, которого мы втроем придумали для расширения горизонтов Космера.

Спасибо всем, кого я перечислил. И конечно, читателям. «Рожденный туманом» был необычным приключением, растянувшимся на шестнадцать лет, и я чувствую, что станет еще необычнее и, если повезет, – удивительнее.

Пролог

Уэйн знал, что такое кровать. У других детей в поселке Мера Олова они были. Вот бы обзавестись кроватью вместо голого матраса на полу, который холодными ночами приходилось делить с мамой, потому как не было угля, чтобы растопить печь.

А еще под кроватями водились чудовища.

Да, Уэйн слышал истории о туманных призраках. Они прятались под кроватями и крали лица твоих знакомых. Кровати были сверху мягкими и пружинистыми, а под ними обретались интересные собеседники. Красота! Сушая благодать, ржавь побери.

Другие дети боялись туманных призраков, но Уэйн подозревал, что друзья просто не умели находить с ними общий язык. Подружиться с подкроватной тварью? Раз плюнуть. Нужно лишь дать то, чего ей хочется. Например, скормить кого-нибудь.

Так или иначе, у него кровати не было. Да и стульев тоже. Был у них стол, сколоченный дядей Грегром. Самого дядю давным-давно завалило и расплющило миллиардом камней, так что больше он никого не ударит. Время от времени Уэйн пинал стол, чтобы побесить дух Грегга на случай, если тот смотрит. Стол в их доме с одиноким окошком был единственным, на что дядя Грегг не плевал с высокой горки.

Уэйн обходился табуреткой. Садился на нее и играл, пока ждал: сдавал карты и прятал некоторые в рукаве. Это время суток всегда было самым беспокойным. Каждый вечер он боялся, что Ма не вернется. Нет, не потому, что она его не любила. Ма была настоящим весенним цветком в этой сточной канаве. Просто Па однажды взял и не вернулся. А потом и дядя Грегг – Уэйн пнул стол. Вот и Ма...

«Не думай об этом, – сказал себе Уэйн, сбившись с перемешивания карт и рассыпав их по столу и полу. – И не смотри, пока свет не увидишь».

Он чувствовал шахту всем нутром. Никто не хотел жить рядом с ней, поэтому здесь пришлось жить Уэйну с мамой.

Он нарочно думал о других вещах. О сложенной у стены стопке белья, которое недавно выстирал. Раньше стиркой занималась Ма, но платили за это крайне мало. Поэтому она пошла на шахту тягать вагонетки, а стирать поручила Уэйну.

Работа его не тяготила. Он украдкой наряжался в чужие вещи – в том числе стариковские и женские – и притворялся их владельцами. Ма несколько раз ловила его за этим и отчитывала. Уэйн до сих пор не понимал, что ей не нравилось. Одежда ведь создана для того, чтобы ее носили. Почему бы не примерить несколько вещей? Что в этом такого странного?

А иногда хозяйева что-нибудь забывали в карманах. Например, колоду карт.

Уэйн снова неудачно перетасовал карты и принялся собирать их, не глядя в окно, хоть и чувствовал близость шахты. Этой зияющей артерии, похожей на рану на шее, алой внутри, источающей свет, как кровь и жар. Ма копалась внутри этого зверя в поисках металла, стараясь избегать его гнева. Но везение рано или поздно кончалось.

Тут он заметил его. Свет. С облегчением выглянул в окно и увидел на тропинке женщину с фонарем в руке. Пока не открылась дверь, Уэйн по-быстрому спрятал карты под матрас и улегся сверху, притворившись спящим. Конечно, мама наверняка заметила, как сын потушил свет, но она ценила его старания.

Она села на табурет, и Уэйн приоткрыл глаза. На маме были брюки и блузка на пуговицах. Волосы собраны в высокий пучок, лицо и одежда перепачканы. Она сидела и смотрела, как мерцает и приплясывает пламя в фонаре, и ее лицо показалось Уэйну еще более худым, чем прежде.словно его методично стесывали стамеской.

«Эта шахта ее пожирает, – подумал он. – Она не проглотила ее разом, как Па, но каждый день гложет все сильнее».

Ма моргнула и перевела взгляд на комнату. Заметила на столе забытую карту. Ох, проклятье!

Она подняла ее и посмотрела на Уэйна. Больше не было смысла притворяться спящим. В таком случае Ма окатила бы его холодной водой.

– Уэйн, – спросила она, – откуда у тебя эти карты?

– Не помню.

– Уэйн...

– Нашел, – ответил он.

Она протянула руку, он неохотно вытащил колоду из-под матраса и отдал. Ма вложила в нее отдельную карту. Тьфу. Теперь она целый день будет разыскивать владельца по всей Мере Олова, если Уэйн не выложит правду. А ему не хотелось, чтобы мама лишний раз из-за него переживала.

– Тарк Вестингдоу, – буркнул Уэйн. – Они были у него в комбинезоне.

– Спасибо, что признался, – ласково сказала мама.

– Ма, мне нужно выучиться игре в карты. Так я смогу зарабатывать и прокормить нас.

– Прокормить? Игрой в карты?

– Не волнуйся, – поспешно ответил он. – Я буду жульничать! Иначе как заработать, если постоянно не выигрывать?

Ма вздохнула и потеряла виски.

– Этот Тарк. – Уэйн покосился на карты. – Он террисиец. Как Па.

– Да.

– Террисийцы всегда делают то, что им велено. Так что со мной не так?

– Все с тобой так, сынок, – ответила мама. – Просто с родителями не повезло.

– Ма! – Он приподнялся с матраса и взял ее за руку. – Не говори так. Ты лучшая мама.

Она обняла его, но как-то отстраненно.

– Уэйн, – спросила она. – А ножик Демми тоже ты присвоил?

– Он проболтался?! – воскликнул Уэйн. – Ржавь разбери этого говнюка!

– Уэйн! Не ругайся так.

– Ржавь разбери этого говнюка! – повторил он с говором бывалого железнодорожника.

Он невинно улыбнулся, и Ма невольно улыбнулась в ответ. Подражание чужим голосам всегда веселило ее. У Па это неплохо получалось, а у Уэйна и того лучше. К тому же теперь Па умер и больше не мог имитировать голоса.

Но улыбка быстро померкла.

– Уэйн, нельзя брать чужие вещи. Так поступают только воры.

– Не, воров я быть не хочу, – тихо ответил Уэйн, выкладывая карманный ножик на стол рядом с картами. – Хочу быть паинькой. Это как-то... само собой получается.

Ма обняла его крепче.

– Ты и так паинька. Всегда был таким.

Она говорила убедительно, и он поверил.

– Хочешь сказку, сынок? – спросила она.

– Староват я уже для сказок, – солгал он, хотя и очень хотел послушать. – Мне уже одиннадцать. Через год я смогу пить алкоголь в таверне.

– Что? Кто тебе такое сказал?

– Даг.

– Дагу всего девять.

– Зато он много чего знает.

– Дагу всего девять.

– То есть со следующего года мне придется таскать для него бухло, потому что самому ему не нальют? – Он посмотрел маме в глаза и захихикал.

Уэйн помог приготовить ужин – холодную овсянку с горсткой фасоли. Ладно хоть не голую фасоль. Затем лег обратно на матрас, закутался в одеяло и приготовился слушать, представив, что снова стал маленьким ребенком. Это было легко. Он ведь до сих пор носил старую детскую одежду.

– Это история, – начала мама, – о Неисправимом Барме, немытом бандите.

– О-о-о, – протянул Уэйн. – Никак что-то новенькое!

Мама наклонилась и помахала перед носом ложкой.

– Уэйн, он был самым отъявленным бандитом. Злобным, гадким, вонючим. Он никогда не мылся.

– Потому что хорошенько испачкаться стоит больших усилий?

– Нет, потому что... постой, чтобы испачкаться, нужно приложить усилия?

– Конечно. Нужно тщательно вывалиться в грязи.

– А зачем, во имя Гармонии, это делать?

– Чтобы научиться мыслить, как грязь, – ответил Уэйн.

– Чтобы... – Мама улыбнулась. – Ох, Уэйн. Золотце ты мое.

– Спасибо, – ответил он. – Почему ты мне раньше про этого Неисправимого Барма не рассказывала? Раз он такой знаменитый, не стоило ли с него начать?

– Ты был еще мал для таких историй, – ответила она, садясь обратно. – Она, прямо скажем, страшновата.

О-о-о-о... Уэйн заерзал, предвкушая отличный рассказ.

– И кто его победил? Законник?

– Алломант Джек.

– Серьезно? Этот? – простонал Уэйн.

– Он же тебе нравился.

Как и всем ребятам. Джек был интересным и необычным и за последний год раскрыл кучу запутанных дел. По крайней мере, если верить Дагу.

– Джек всегда ловит преступников, – пожаловался Уэйн. – Хоть бы одного пристрелил.

– В этот раз все иначе, – сказала Ма, запуская ложку в кашу. – Он прекрасно знал, насколько мерзок Неисправимый Барм. Прирожденный убийца. Даже пособники Барма, Гуд Душегуб и Джо Облом, были в десять раз хуже любого бандита в Дикоземье.

– В десять раз?! – изумился Уэйн.

– Угу.

– Ничего себе! Это ж почти вдвое!

Мама на миг нахмурилась, но затем снова наклонилась и продолжила:

– Они ограбили зарплатный фонд. Похитили не только сбережения элендельских богачей, но и зарплаты простых граждан.

– Говнюки! – воскликнул Уэйн.

– Уэйн!

– Ну ладно! Просто старые какахи!

Мама снова задумалась.

– Послушай... ты вообще знаешь, что означает слово «говнюк»?

– Это большая неприятная кашка, от которой тебе крайне хотелось бы избавиться, но никак не получается.

– И кто тебе это сказал?

– Даг.

– Ну разумеется. В общем, Алломант Джек не мог стерпеть такое обращение с простыми работягами Дикоземья. Одно дело быть бандитом, другое – красть деньги, идущие на благо города. К несчастью, Неисправимый Барм прекрасно ориентировался на местности. Он уехал

в самый труднодоступный район Дикоземья и оставил поделщиков сторожить ключевые точки на подходе. Но Джек был нахрабрейшим человеком. И сильнейшим.

– Если храбрее и сильнее его никого не было, почему он подался в законники? – спросил Уэйн. – Мог ведь бандитом стать, и никто бы его не остановил!

– Сынок, а что, по-твоему, труднее? – спросила Ма. – Совершать справедливые поступки или несправедливые?

– Справедливые.

– Тогда кто станет сильнее? Тот, кто ищет легких путей, или тот, кто выбирает трудный?

О. Он кивнул. Ну да. Да, теперь ему все стало понятно.

Ма придвинула фонарь поближе, и ее лицо заблестело в отблесках пламени.

– Первым испытанием на пути Джека стала река Человек, широкая водная преграда на границе бывших земель колоссов. Ее воды мчались со скоростью поезда, и нигде в мире нет другой такой быстрой реки. А еще в ней множество скал. На другом берегу устроил засаду на законников Гуд Душегуб. С его острым глазом и крепкой рукой он мог подстрелить кобчика с расстояния трехсот шагов.

– А зачем? – удивился Уэйн. – Лучше ниже кобчика стрелять, больше будет.

– Сынок, кобчик – это птица такая, – объяснила Ма.

– Ну и что сделал Джек? – спросил Уэйн. – Подкрался к нему? Как-то это не по-законнически. Никогда не слышал, чтобы они к кому-то подкрадывались. Джек тоже наверняка не стал.

– Ну... – Ма задумалась.

Уэйн взволнованно вцепился в одеяло.

– Джек стрелял еще лучше, – прошептала она. – Когда Гуд Душегуб прицелился в него, Джек выстрелил быстрее через реку.

– И как Гуд погиб? – также шепотом спросил Уэйн.

– От пули, сынок.

– Прямо в глаз?

– Наверное.

– То есть Гуд прицелился, Джек тоже, но Джек успел выстрелить первым и попал Гуду прямо в глазюку! Так, Ма?

– Угу.

– И его башка разлетелась, словно какой-нибудь фрукт с плотной и хрустящей кожурой, внутри которого склизкая мякоть. Как-то так?

– Именно.

– Блин, Ма, – произнес Уэйн. – Мерзость какая. Ты уверена, что мне стоит такое слушать?

– Могу на этом прекратить.

– Еще чего! Как Джек перебрался через реку?

– Перелетел, – ответила Ма. Закончив есть, она отложила тарелку и взмахнула руками. – С помощью алломантии. Джек умеет летать, разговаривает с птицами и ест камни.

– Чего? Ест камни?

– Угу. В общем, он перелетел через реку. Но следующее испытание было еще сложнее.

Каньон Смерти.

– О-о-о-о... – протянул Уэйн. – Там, наверное, красиво.

– С чего ты взял?

– Если бы там было некрасиво, никто бы и не сунулся в место с таким названием. А если кто-то там побывал и дал ему название, значит там красиво.

– Красиво, – согласилась Ма. – Каньон протянулся среди полуразрушенных скалистых шпилей, разноцветных, как будто их раскрасили вручную. Но это красивое место было смертоносным.

– Еще бы, – кивнул Уэйн. – Это само собой разумеется.

– Через каньон Джек перемахнуть не мог, потому что где-то там прятался второй бандит. Джо Облом. Он прекрасно владел пистолетами, летал, превращался в дракона и тоже ел камни. Если бы Джек попытался прокрасться мимо, Джо застрелил бы его в спину.

– Умно, – рассудил Уэйн. – Стрелять в спину – самое надежное, потому что противник не сможет выстрелить в ответ.

– Верно, – сказала Ма. – Поэтому Джек этого не допустил. Он спустился в каньон... а там кругом кишели змеи!

– Охренеть!

– Уэйн...

– Ну ладно, просто скучно обалдеть. Сколько там было змей?

– Миллион.

– Охренеть!

– Но Джек был умен, – продолжила Ма. – Он прихватил с собой змеиный корм.

– Миллион банок змеиного корма?

– Нет, только одну. Змеи за нее передрались и почти перебили друг дружку. Осталась, само собой, только сильнейшая змея.

– Само собой.

– Джек уговорил ее укусить Джо Облома.

– И Джо стал фиолетовым! – воскликнул Уэйн. – Кровь хлынула у него из ушей! Кости растаяли, и жидкий костный сок потек из носа! Он как будто сдулся и растекся лужей, шипя и булькая нечто несуразное, потому что зубы тоже растаяли!

– Точно.

– Блин, Ма. Твои истории просто обалденные.

– Самое интересное еще впереди, – тихо сказала она, наклоняясь на табуретке. Огонь в фонаре медленно затухал. – А в самом конце тебя ждет сюрприз.

– Какой сюрприз?

– Когда Джек миновал каньон, в котором теперь воняло дохлыми змеями и растаявшими костями, то заметил последнее испытание: Одинокую Гору. Гигантское плато посреди абсолютно плоской равнины.

– Так себе испытание, – сказал Уэйн. – Взял и взлетел на вершину, делов-то?

– Он попытался, – шепотом произнесла Ма. – Но гора оказалась Неисправимым Бармом.

– ЧТО?!

– А вот. Барм объединил силы с колоссами – с такими, что умели превращаться в громадных чудищ, а не нормальными вроде нашей старой госпожи Нок. Они показали ему, как превратиться в гигантское необъятное чудище. И когда Джек приземлился на горе, чудище проглотило его.

У Уэйна перехватило дух.

– И тогда, – начал он, – оно разжевало его, перемалывая зубами кости, как...

– Нет, – перебила Ма. – Оно лишь попыталось его проглотить. Но Джек был не просто находчивым и хорошим стрелком. Он был еще и...

– Кем?

– Большущей занозой в заднице.

– Ма! Не ругайся!

– В сказках можно, – парировала мама. – Так вот, Джек был той еще занозой. Творил добрые дела без усталости. Помогал людям. Ставил палки в колеса плохишам. Постоянно что-то вынюхивал. Его хлебом не корми, дай испортить жизнь бандитам.

Поэтому, когда его проглотили, Джек растопырил руки и ноги и уперся ими, став Неисправимому Барму поперек горла. Чудище не смогло дышать. Такой туше нужно много воздуха, сам понимаешь. Так вот, Алломант Джек задушил Барма изнутри. А когда чудище рухнуло

наземь, Джек выбежал наружу по его языку, как по ковровой дорожке, раскинутой перед каретой богача.

Ого.

– Крутая история, Ма.

Она улыбнулась.

– Ма, – произнес Уэйн. – Она ведь... о шахте?

– Ну, в некотором смысле мы все забираемся в пасть чудовищу. Поэтому... может быть.

– То есть ты как законник?

– Любой может быть законником, – ответила она, погасив фонарь.

– Даже я?

– Особенно ты. – Она чмокнула его в лоб. – Уэйн, ты можешь быть кем угодно. Хочешь, будь ветром, хочешь – звездой. Всем, что угодно душе.

Это была строчка из стихотворения, которое ей нравилось. Уэйну тоже. Когда мама произносила эти слова, он верил ей. Как не поверить? Ма никогда не обманывала. Поэтому он поглубже зарылся в одеяло и задремал. В мире творилось много несправедливого, но и добрые дела тоже случались. Пока мама была рядом, ее истории имели смысл. Они были реальны.

А на следующий день в шахте снова случился обвал. И вечером Ма не вернулась домой.

Часть первая

1

Двадцать девять лет спустя

Мараси прежде не доводилось бывать в канализации, но та полностью оправдала ее худшие ожидания. Вонь стояла ужасная. Но хуже всего, что сапоги то и дело поскользывались, отчего она замирала, опасаясь упасть в «грязь».

По крайней мере, она удосужилась надеть брюки и кожаные служебные сапоги до колен. Жаль, от запаха, ощущений и, к несчастью, звуков защиты не было. С каждым шагом – в одной руке у Мараси карта, в другой винтовка – ее сапоги отрывались от земли с оглушительным хлопанием. Самый гадкий звук, что ей доводилось слышать, не считая жалоб Уэйна.

– Вакс никогда не таскал меня по канализации, ржавь ее разбери, – пробормотал тот, поднимая повыше фонарь.

– В Дикоземье есть канализация?

– Не-а, – признался Уэйн. – Но Вакс таскал меня по пастбищам, а там воняет примерно так же. Зато пауков нет.

– Наверняка есть, – ответила Мараси, приближая карту к источнику света. – Ты просто не заметил.

– Наверное, – проворчал он. – Но здесь на каждом углу паутина. Глаза б мои ее не видели. Ну и, сама понимаешь, дерьмецо.

– Хочешь обсудить? – Мараси кивнула в сторону бокового тоннеля, и они направились туда.

– Что? – непонимающе спросил Уэйн.

– Твое настроение.

– Нормальное у меня настроение, ржавь его разбери, – парировал он. – Самое подходящее настроение, когда напарник тычет тебя носом в субстанцию, что обычно выходит с противоположного от носа конца.

– А на прошлой неделе ты чего дулся? Когда мы парфюмерную лавку обыскивали?

– Ох уж эти парфюмеры, ржавь бы их побрала! – Уэйн прищурился. – Мало ли что они прячут за своими ароматами. Не доверяю я людям, которые пахнут не по-людски.

– То есть не потом и алкоголем?

– Не потом и дешевым алкоголем.

– Уэйн, почему тебя так возмущает, что кто-то прихорашивается? Ты и сам постоянно шляпы меняешь, а вместе с ними и личины.

– А мой запах при этом меняется?

– Вроде нет.

– Ладно, твоя взяла. Разложила все по полочкам. Тема закрыта.

Они переглянулись.

– Думаешь, мне стоит воспользоваться духами, а? – спросил Уэйн. – Если я постоянно буду пахнуть потом и дешевым пойлом, меня ведь и раскрыть могут.

– Ты безнадежен.

– Что на самом деле безнадежно, – парировал он, – так это мои бедные туфли.

– Надел бы сапоги, как я предлагала.

– Нет у меня сапог, – ответил Уэйн. – Вакс спер.

– Вакс украл твои сапоги? Seriously?

– Ну, они у него в шкафу. Вместо трех пар его самых роскошных туфель, которые невероятным образом, по чистой случайности оказались в моем шкафу. – Он покосился на Мараси. – Чего? Честный обмен. Мне очень нравились те сапоги.

Мараси улыбнулась. Они работали вместе почти шесть лет, с тех пор как Вакс подал в отставку после того, как нашлись Браслеты Скорби. Уэйна официально произвели в констебли, и он перестал быть просто «сочувствующим гражданином», действующим на грани дозволенного законом. Он даже форму иногда надевал. И...

...сапог Мараси снова соскользнул. Ржавь побери. Если она упадет, он до конца дней будет над ней смеяться. Но пройти здесь было лучшим решением. Строительство подземных железнодорожных тоннелей в самом разгаре, и два дня назад один подрывник представил занятный рапорт. Он не спешил начинать взрывные работы на следующем участке, потому что сейсмические данные указывали на прежде не отмеченную пещеру.

Эту область под Эленделем буквально испещряли древние пещеры. В этом же районе орудовала банда, которая то появлялась, то бесследно исчезала, словно у них было тайное скрытое логово.

Мараси сверилась с картой. На ней красовались свежие пометки строителей и более старые надписи, указывавшие, что поблизости была некая аномалия, обнаруженная прокладчиками канализации много лет назад, и которую до сих пор никто толком не изучил.

– Боюсь, Ме-Лаан собирается со мной расстаться, – тихо проговорил Уэйн. – Наверное, поэтому я в последнее время непривычно хмур и уныл.

– С чего ты взял, что она хочет тебя бросить?

– Так она сама сказала: «Уэйн, думаю, через пару недель мы с тобой расстанемся».

– Как любезно с ее стороны.

– Похоже, у нее новое задание от босса. Но все равно, пусть наши отношения развивались и не слишком бурно, так объявлять о расставании нельзя.

– А как надо?

– Кинуть что-нибудь парню в лоб, – ответил Уэйн. – Продать его шмотки. Сообщить всем друзьям, какой он болван.

– Интересные же у тебя прежде были отношения.

– Какие там интересные. Просто неудачные. Я посоветовался с Джемми Уоллис насчет того, что делать... Ты ведь ее знаешь? Она завсегдатай в таверне.

– Знаю, – сказала Мараси. – Репутация у нее... так себе.

– Что? – возмутился Уэйн. – Кто это вздумал на нее поклеп наводить? У Джемми идеальная репутация. Она лучше всех шлюх в районе делает...

– Упаси меня от таких подробностей. Спасибо.

– «Так себе», – усмехнувшись, повторил Уэйн. – Мараси, я ей это передам. Она свою репутацию усердным трудом заработала. Расценки у нее в четыре раза выше, чем у остальных! Да уж, «так себе».

– И что она сказала?

– Сказала, что Ме-Лаан хотелось видеть от меня больше отдачи, – ответил Уэйн. – Но, думаю, тут Джемми ошиблась. Ме-Лаан не пудрит людям мозги. Говорит, что думает. Так что... сама понимаешь.

– Сочувствую, Уэйн, – сказала Мараси, убрав карту под мышку и положив руку ему на плечо.

– Я понимал, что это ненадолго. Знал это, ржавь разбери! Ей ведь, сколько там, тысяча лет?

– Примерно на триста меньше, – поправила Мараси.

– А мне еще сорок не стукнуло, – сказал Уэйн. – А если принять во внимание мою молодую внешность, то больше шестнадцати не дашь.

– Еще про чувство юмора забыл.

– Блин, точно, – согласился он и вздохнул. – В последнее время мне... тяжело приходится. Вакс нос задирает, Ме-Лаан месяцами где-то болтается. Такое чувство, что никому я не нужен. Хотя здесь, в канализации, жить оставайся.

– Не надо, – ответила Мараси. – Ты мой лучший напарник.

– Единственный.

– Единственный? А как же Горглен?

– Ну нет. Он же не человек. У меня есть документ, подтверждающий, что он замаскированный жираф. – Уэйн улыбнулся. – Но... спасибо, что интересуешься. Спасибо, что переживаешь.

Мараси кивнула и двинулась дальше. Когда она воображала себя великой сыщицей и законницей, такого и представить не могла. По крайней мере, пахнуть стало чуть лучше – а может, она просто привыкла.

Она крайне обрадовалась, когда точно в отмеченном на карте месте обнаружила в стене старую металлическую дверь. Уэйн поднес фонарь, и не нужно быть сыщиком, чтобы понять: ею совсем недавно пользовались. Сбоку виднелись серебристые царапины, а ручку очистили от вездесущей слизи и паутины.

Те, кто прокладывал канализацию, обнаружили эту дверь и отметили ее как потенциально исторически ценный объект. Но их заметки затерялись в бюрократической волоките.

– Ничего себе, – произнес Уэйн, наклоняясь к двери рядом с ней. – Первокласное чутье, Мараси. Сколько старых отчетов пришлось перерывать, чтобы обнаружить это место?

– И не сосчитать, – ответила она. – Кому скажи, сколько времени я провожу в архивах, не поверят.

– Про такого рода изыскания в сказках и легендах стараются не упоминать.

– А в Дикоземье вы этим занимались?

– Ну, в некотором роде, – ответил Уэйн. – В Дикоземье под этим обычно подразумевается, что ты опускаешь какого-нибудь проходимца мордой в канаву и держишь, пока не сознается, что присвоил чье-то старое разрешение на добычу руды и все в таком духе. Плюс ругательства.

Мараси передала Уэйну винтовку, а сама осмотрела дверь. Уэйн был от этого не в восторге, но, по крайней мере, теперь его руки не дрожали, когда держали огнестрельное оружие. Мараси так ни разу и не видела его стреляющим, но он утверждал, что сможет, если понадобится.

Дверь оказалась закрытой наглухо. Замка не наблюдалось. Очевидно, люди, которых Мараси разыскивала, тоже нашли ее запертой – с краю было множество царапин. В зазор между дверью и рамой можно было что-нибудь просунуть.

– Понадобится нож, – заметила она.

– А мой ум недостаточно остер?

– Увы, Уэйн, тут нужен другой инструмент.

– Ха! – воскликнул он. – Хорошо подколола.

Он достал нож из заплечного мешка, где также хранились веревки и запас металлов на случай встречи с металлорожденным. Бандиты были типичными рэкетирами, взимающими с торговцев плату за «защиту»; алломантам в такой компании делать было нечего. Однако Мараси получила настораживающие свидетельства того, что эту банду финансирует Круг.

Годы спустя она все еще искала ответы на вопросы, мучившие ее с самого начала карьеры законницы. Организацией, известной как Круг, управлял одно время дядя Вакса Эдварн, а впоследствии выяснилось, что в нее входила также его сестра Тельсин. Эта группировка следовала, поклонялась или каким-то иным образом участвовала в махинациях темной сущности, известной под именем Трелл. Какого-то древнего божества, насколько Мараси могла судить.

Поймав нужных людей, она бы наконец-то получила ответы. Но то и дело оказывалась лишь на волосок от разгадки. Ближе всего ей удалось подобраться шесть лет назад, но все задержанные погибли при взрыве. С тех пор она гонялась за тенями, а остатки элендельской элиты предпочитали не замечать угрозы. Без твердых доказательств Мараси и Ваксу не удалось убедить никого, что в Круг входило множество людей, а не только лакеи Эдварна.

С помощью ножа она открыла защелку, на которую дверь закрывалась изнутри. Засов упал с тихим звоном, и Мараси открыла дверь, за которой оказался грубо вытесанный тоннель, ведущий вниз. Таких в окрестностях было много. Их проложили еще в стародавние времена, до Пепельного Катаклизма. В эпоху мифов и героев, пеплопада и тиранов.

Они с Уэйном скользнули внутрь, оставив дверь в том же положении, в котором нашли. Из предосторожности приглушив фонари, они начали спуск.

2

Галстук? – зачитала Стерис с листа.

– Завязан, заколот, – ответил Вакс, затягивая узел.

– Туфли?

– Начищены до блеска.

– Первый аргумент?

Вакс подбросил и поймал серебристый медальон.

– Второй аргумент? – спросила Стерис, делая пометку на листе.

– На месте. – Вакс вынул из кармана несколько сложенных листов бумаги.

– Третий аргумент?

Вакс поискал в другом кармане, задумался, окинул взглядом тесный кабинет – свою резиденцию в здании Сената. Неужели оставил...

– Дома на столе, – произнес он, хлопнув себя ладонью по лбу.

– Я захватила копию. – Стерис порылась в сумочке.

– Ну разумеется, – улыбнулся Вакс.

– Даже две. – Стерис передала ему листок, который он сразу же убрал.

Затем продолжила сверяться со списком.

К ней подошел маленький Максиллиум и с серьезным видом принялся разглядывать собственный листок с каракулями. В пять лет он уже прекрасно знал алфавит, но предпочитал выдумывать свои буквы.

– Портрет собаки, – зачитал Макс со своего листа.

– Не помешал бы, – ответил Вакс. – Штука полезная.

Макс сунул ему рисунок, после чего продолжил:

– Портрет кота.

– И это давай.

– Коты у меня плохо выходят, – признался Макс, передавая другой рисунок. – Больше похоже на белку.

Вакс обнял сына и бережно убрал рисунки к другим бумагам. Сестра Макса, Тиндвил, – Стерис обожала традиционные имена – что-то лепетала в уголке под присмотром гувернантки Кэт.

Наконец Стерис один за другим передала ему пистолеты. Длинноствольные, тяжелые, они были сконструированы Ранетт таким образом, чтобы выглядеть угрожающе, но имели сразу по два предохранителя и не были заряжены. Ваксу уже давно не приходилось стрелять, но он продолжал пользоваться репутацией «Законника-сенатора Дикоземья». Горожане – особенно политики – трепетали при виде огнестрельного оружия. Здесь для убийства чаще использовались более современные виды вооружения – например, нищета и отчаяние.

- А поцелуй любимой жены есть в списке? – спросил Вакс.
- Как ни удивительно, нет, – ответила Стерис.
- Редкий просчет, – сказал он и наградил ее долгим поцелуем. – Стерис, тебе бы пойти туда вместо меня. Ты лучше подготовилась.
- Но ты же глава дома.
- Могу назначить тебя полномочным представителем.
- Умоляю, не надо, – ответила она. – Сам знаешь, мне нелегко с людьми.
- С правильными людьми очень даже легко.
- А политики что, правильные?
- Хотелось бы надеяться, – ответил Вакс, разглаживая сюртук и поворачиваясь к выходу. – Я ведь один из них.

Он вышел из кабинета и спустился на нижний этаж, где располагался Сенат. Стерис выделили удобное место на балконе – к этому времени все уже знали, как важно ей всегда занимать одно и то же место.

Войдя в большой зал, шумный и кишачий возвращающимися после короткого перерыва сенаторами, Вакс не сразу направился на свое место. Последние несколько дней сенаторы обсуждали новый законодательный акт, и ему предстояло выступать последним. Ради этого пришлось раздать немало обещаний и изрядно поторговаться, но Вакс надеялся, что завершающая речь даст ему преимущество и поможет отговорить сенаторов от принятия губительного решения.

Он встал сбоку трибуны, засунул пальцы за пояс, принял угрожающий вид и дождался, пока все усядутся. Угрожающий вид он научился принимать в Дикоземье, допрашивая арестантов, и порой сам дивился тому, что в городе это тоже работало.

Губернатор Варланс даже не взглянул на него. Он лишь поправил галстук, проверил, хорошо ли напудрено лицо – в последнее время по необъяснимой причине в моде была мертвенно-бледная кожа. Затем он по одной выложил на стол свои медали.

«Ржавь, как же я скучаю по Араделю», – подумал Вакс.

Компетентный губернатор был для него существом невиданным. Найти такого было так же сложно, как гостиницу с хорошей едой... или как обнаружить карманные часы на месте после визита Уэйна.

На губернаторском посту хорошие люди подолгу не задерживались, зато плохие процветали. Арадель вышел в отставку два года назад. Тогда, учитывая напряженные отношения с Южным Континентом, казалось логичным, что следующим губернатором избрали военного. В новых, прежде неизвестных землях, где летали воздушные корабли, а люди носили странные маски, многие были недовольны тем, как обернулись события шестилетней давности. В первую очередь тем, что Браслеты Скорби остались в Эленделе.

Сейчас у Эленделя были две основные заботы. Первая – жители Южного Континента, прежде всего граждане наиболее развитой страны, известные как малвийцы. Они то и дело позволяли себе агрессивные милитаристские выпады в адрес «маленького и слабого» Бассейна. Варланс должен был стать защитой от них, хотя Вакс недоумевал, откуда у того все эти медали. Насколько было известно, заново сформированная армия до сих пор даже не нюхала пороха.

Другой источник неприятностей находился куда ближе, в так называемых Отдаленных Городах, расположенных вдали от столицы. Между Эленделем и остальными областями Бассейна уже много лет и даже десятилетий назревало напряжение.

Угроза войны с другим континентом была неприятна. Но Вакс считал, что эта опасность не столь насущна. А вот перспектива гражданской войны, междоусобицы, была вполне реальной, и сильно беспокоила его. Все последние годы они со Стерис трудились, чтобы ее предотвратить.

Наконец Варланс кивнул вице-губернатору, женщине-террисийке. У нее были темные курчавые волосы и традиционное платье; Вакс решил, что встречал ее в Поселке, а может, это была ее сестра. Возможности спросить прямо ему не подвернулось. Так или иначе, теперь считалось почетным иметь в штате террисийцев. Большинство губернаторов назначали их на весьма высокие должности в своем кабинете, выставляя напоказ, как медали.

– Губернатор предоставляет слово сенатору из дома Ладриан, – объявила собравшимся Адаватвин.

Несмотря на то что Вакс ждал этой минуты, он не сразу поднялся на трибуну, освещенную с высоты громадным электрическим прожектором. Он медленно повернулся, оглядывая круглый зал. С одной стороны сидели избранные чиновники: сенаторы, представляющие различные гильдии, профессии и прочие существующие с давних времен организации. С другой – сидели лорды: сенаторы, занимавшие пост по праву рождения.

– Этот акт, – громко, твердо объявил Вакс на весь зал, – невероятно дурацкая идея.

Слова эхом отозвались от стен.

Однажды, на заре его политической карьеры, такая прямота вызвала гнев слушателей. Теперь он заметил, что многие сенаторы заулыбались. Этого они от него ожидали, за это ценили. Они понимали, что в Бассейне накопилось много проблем, и были рады, что у кого-то хватило отваги говорить о них прямо.

– Отношения с малвийцами хуже некуда, – продолжил Вакс. – В такой ситуации Бассейн должен объединиться; не время вбивать клинья между собственными городами!

– Вот и объединимся! – раздался в ответ другой голос. Сенатор от портовых рабочих Мелстром. Он был, по сути, марионеткой Гастинга и Эрикелла, аристократов, постоянно ставивших Ваксу палки в колеса. – Бассейну нужен единый лидер. Официально!

– Согласен, – ответил Вакс. – Но каким образом должно объединить людей предоставление особых полномочий губернатору Эленделя, за которого не может проголосовать никто, кроме жителей нашего города?

– Они получат сильного, способного лидера. Пример для подражания.

«Это, что ли, способный лидер? – подумал Вакс, глядя на Варланса. – Среди бесчисленных светских мероприятий он на заседания-то едва время находит». А еще за два года правления Варланс разбил в городе семнадцать парков. Он просто обожал цветы.

Следуя заранее продуманному плану, Вакс достал медальон и потряс им в воздухе.

– Шесть лет назад мне довелось пережить небольшое приключение, – сказал он. – Вы все о нем слышали. Я нашел разбитый малвийский корабль и раскрыл заговор Отдаленных Городов, желавших воспользоваться малвийскими технологиями против Эленделя. Я этому помешал и вернул Браслеты Скорби в безопасное место.

– И едва войну не развязали, – буркнул кто-то с дальних рядов.

– То есть не нужно было мешать заговорщикам? – парировал Вакс. Не дождавшись ответа, он подбросил медальон и поймал. Это был один из малвийских медальонов, воздействующих на массу. С их помощью малвийские корабли становились достаточно легкими, чтобы летать. – Если у кого-то есть сомнения в моей верности Эленделю, пусть скажет в лицо. Хотите дуэль? С превеликим удовольствием. Я даже уступлю вам право первого выстрела.

Молчание. Он это заслужил. В этом зале многие его недолюбливали, но уважали. И наверняка знали, что он не шпион Отдаленных Городов.

Он щелчком подкинул медальон и толкнул его выше, почти до самого потолка. Сверкая в свете прожектора, медальон стремительно упал вниз. Поймав его, Вакс покосился на адмирала Йоннес, нынешнего малвийского посла. Она сидела на почетном месте на одном ярусе с сенаторами, там, где предоставлялись места приезжим главам Отдаленных Городов. На это заседание никто из них не явился. Очевидно, предложенный акт их возмутил.

В случае принятия акт ставил элендельского губернатора выше всех глав Отдаленных Городов и наделял правом вмешиваться в локальные споры, лишать должности мэров и одобрять кандидатов для местных выборов. Вакс соглашался с тем, что избрание единого руководителя – важный шаг к объединению Бассейна, но акт составили так, что он оскорблял всех, кто жил не в столице.

– Мне лучше, чем кому бы то ни было, известно наше положение. – Вакс покрутил медальон пальцами. – Вы хотите продемонстрировать малвийцам силу. Доказать, что все наши города способны подчиняться правилам. Для этого нужен данный акт.

Но он лишь наглядно показывает, почему народ за пределами Эленделя так нами недоволен! Революционеры в других городах опираются на поддержку населения. Мы не оказались бы в этой ситуации, если бы среднестатистические жители Отдаленных Городов не были столь взбешены нашей торговой политикой и банальным высокомерием.

Принятие акта не успокоит их! Это не «демонстрация силы». Это намеренная попытка спровоцировать народный бунт. Если акт будет принят, от гражданской войны не уйти.

Он дал собравшимся время осмыслить это. Многие сенаторы были слишком озабочены тем, чтобы казаться сильными перед внешним врагом. Без строгого надзора они рисковали втянуть себя и страну в войну из-за внутренних противоречий. Трения с малвийцами были очевидны, но не грозили скорым конфликтом. А вот гражданская война станет катастрофой.

Хуже всего, что некоторые втайне стремились к ней. Вакс не сомневался, что в политику Эленделя вновь вмешивался Круг. Его... сестра. Он не знал, зачем им гражданская война, но уже много лет они ее добивались. Если оставить все как есть, если плясать под дудку истинных врагов, то плачевные последствия ждали и собравшуюся в этом зале элиту, и революционеров из Отдаленных Городов.

Вакс вынул из левого кармана пачку бумаг. Убрав рисунки собаки и кота, он показал остальные бумаги залу.

– Здесь шестьдесят писем от политиков Отдаленных Городов. Они представляют большую фракцию, не желающую конфликта. Это разумные люди. Они готовы – они стремятся к сотрудничеству с Эленделем. Но в то же время озабочены тем, на что может пойти их народ, если мы продолжим навязывать им тиранические, угнетательские законы.

Я предлагаю отклонить акт и проработать другой законопроект. Такой, что будет поощрять мир и согласие. Предлагаю создать национальную ассамблею, куда войдут представители всех Отдаленных Городов, и сделать ее органом, который будет избирать единого верховного руководителя.

Он ожидал, что его освищут, и кое-кто в самом деле засвистел. Но большинство собравшихся внимали молча, глядя на стопку писем в его руке. Они боялись выпускать власть за пределы столицы. Боялись, что их культура не выдержит влияния Отдаленных Городов. Они трусили.

Пожалуй, Вакс и сам трусил. Его пугала мысль о том, что Круг продолжает дергать за ниточки. Кто в этом зале был его тайным агентом? Ржавь, он даже не понимал мотивов этой организации. Она хотела войны, потому что война дает власть, это очевидно. Но не только этого.

Члены Круга подчинялись приказам некоего Трелла.

Вакс медленно повернулся, не убирая письма, и почувствовал легкую тревогу, когда оказался спиной к Мелстрому. «Он выстрелит», – подумал Вакс.

– При всем уважении, лорд Ладриан, – сказал Мелстром, – вы лишь недавно стали отцом и еще не понимаете, каково воспитывать детей. Вы не должны потакать любым их просьбам, вы должны сохранять твердость и понимать, что ваши решения служат для их же блага. Рано или поздно они это поймут. А Элендель для Отдаленных Городов все равно что отец для сыновей.

«Прямо меж лопаток», – подумал Вакс, разворачиваясь.

Он возразил не сразу. Перед ответным выстрелом требовалось тщательно прицелиться. Свои доводы он уже неоднократно излагал – с глазу на глаз – многим сенаторам. Он достиг определенного успеха, но требовалось еще время. Располагая письмами, он мог снова обратиться к каждому сенатору, особенно к колеблющимся, и поделиться своими мыслями. Идеями. Уговорить их.

Нутро подсказывало, что в случае немедленного голосования акт примут. Поэтому он пришел сюда не для того, чтобы повторяться. Он пришел с заряженным и готовым к выстрелу оружием.

Он плотно сложил письма и убрал в карман. Затем вынул из другого кармана два тонких листа. Копии, что Стерис принесла на случай, если он забудет. Скорее всего, с писем она тоже сняла копии. И подготовила кучу других вещей, которые наверняка ему не понадобятся, но которые на всякий случай лучше держать в сумочке. Ржавь, что за чудесная женщина!

– «Дорогой Мелстром, – демонстративно подняв листы к свету, чтобы было удобнее читать, начал он. – Мы рады, что вы проявили благоразумие и желание поддерживать торговое превосходство Эленделя в Бассейне. Это мудрый выбор. В обмен на ваш голос в пользу акта мы будем перечислять в вашу пользу полпроцента наших доходов за ближайшие три года. Дома Гастинг и Эрикелл».

Зал взорвался. Вакс застыл, сунув пальцы за пояс, дожидаясь, пока возмущенные крики прекратятся. Он встретился взглядом с Мелстромом, и тот тяжело опустился в кресло. Что ж, будет уроком ржавому идиоту: не оставляй обличающие тебя бумаги на видном месте, если твой противник – опытный сыщик. Болван.

Когда крики стихли, Вакс продолжил речь.

– Я требую собрать отдельное заседание, чтобы обсудить очевидную продажу голоса сенатором Мелстромом. Это наглое нарушение закона о противодействии коррупции.

– И таким образом отложить голосование по акту о главенствующей роли Эленделя? – подал голос губернатор.

– Разве можно голосовать, будучи неуверенными в честности голосующих? – парировал Вакс.

Последовал очередной всплеск возмущения. Вакс стойко терпел, пока губернатор советовался с вице-губернатором. Женщина была умна. По собственной инициативе Варланс только разрезал ленточки и целовал детей, а все прочие идеи наверняка подсказывала она.

– Ладриан, полагаю, у вас есть доказательства подлинности этого письма? – обратился губернатор к Ваксу, когда в зале восстановилось спокойствие.

– У меня есть нотариально заверенные заключения трех независимых экспертов, подтверждающих, что это не подделка, – ответил Вакс. – Также моя жена составила подробный и неопровержимый отчет о том, как письма попали в мои руки.

– В таком случае я одобряю проведение заседания о нарушении этических норм, – сказал губернатор. – Сразу после голосования по акту о главенствующей роли Эленделя.

– Но... – начал Вакс.

– Разумеется, – перебил его губернатор, – Мелстром, Гастинг и Эрикелл не будут допущены до голосования, чтобы обеспечить его чистоту.

Проклятье.

Проклятье, проклятье, проклятье!

– Кто за проведение голосования? – Вице-губернатор ударила молотком, прежде чем Вакс успел возразить.

Большинство сенаторов подняли руки. Для выявления результата достаточно было подсчитать на глаз, если только число поднявших руки не равнялось примерно числу тех, кто этого не сделал. В данном случае не равнялось.

Пришла пора переходить к настоящему голосованию по акту.

– Ладриан, мы можем приступить? – спросил губернатор. – Или хотите еще какую-нибудь бомбу взорвать?

– Взрывать не будем, Ваша честь, – со вздохом ответил Вакс. – В этом мой старый напарник был мастак. Я лишь хочу обратиться к Сенату с последней просьбой.

Его план провалился. Оставался лишь туз в рукаве. Просьба – но не от имени Ваксиллиума Ладриана.

От имени Рассветного Стрелка, законника.

– Вы все меня хорошо знаете. – Он обвел взглядом собравшихся, глядя каждому в глаза. – Я простой человек из Дикоземья. В политике я немного смыслю, но знаю тяготы рабочих мужчин и женщин и понимаю, почему они сердятся. Если нам выпала роль родителей, мы должны справедливо относиться к отпрыскам. Позволять им высказываться. Если мы всегда будем считать их неразумными детьми, в лучшем случае они рано или поздно перестанут обращать на нас внимание. Хотите сделать громкое заявление? Заявите, что они вам небезразличны и вы готовы их выслушать.

На этом он спустился и занял свое место рядом с Янси Ясечко, добродушным и терпеливым сенатором, который разделял мнение Вакса.

– Хорошая речь, – шепнул Янси. – Очень хорошая. Всегда приятно вас слушать.

Янси был за него. На самом деле Вакса поддерживали многие аристократы. Несмотря на последние замечания Мараси, заставившие Вакса чувствовать себя неловко из-за доставшейся по наследству должности, лорды были менее коррумпированы, чем их коллеги с другой стороны зала. Избранные сенаторы отчаянно держались за свои места, и голосование в пользу акта могло существенно улучшить их материальное положение.

В этом была главная проблема. Согласно последней переписи, за пределами города теперь проживало больше людей, чем внутри него. Большинство законов писались еще во времена, когда, помимо города, в Бассейне существовала лишь горстка деревень, и больше ничего. Теперь эти деревни разрослись и сами превратились в города, и их жители хотели принимать активное участие в политике Бассейна.

Элендель больше не был неряшливым поселением, восстанавливающимся после катаклизма. Бассейн стал полноценным государством, и даже Дикоземье менялось, развивалось и принимало новые порядки. Ржавь, да скоро там будет больше жителей, чем в остальном Бассейне.

Этим людям нужно было предоставить политические права, а не игнорировать их. Надежда еще теплилась. Они со Стерис и другими союзниками несколько месяцев подрывали поддержку акта. Устраивали многочисленные званые ужины и приемы. Ему даже пришлось дать несколько уроков стрельбы представителям городской элиты.

Всё ради перемен в мире. Голос за голосом.

Губернатор объявил о начале голосования, и леди Ми'шелль Йомен проголосовала первой – против акта. Вакс ерзал в кресле, словно вскоре ему предстояло в одиночку сразиться с целой бандой. Ржавь... это даже хуже. Каждый голос был сродни выстрелу. Леди Фаула и сенатор Виндель. Что они решат? А Марайя? Удалось ее убедить, или...

Двое из них проголосовали за принятие акта, а заодно с ними и другие, в ком Вакс сомневался. Голосование шло, и он падал духом. Лучше бы его подстрелили. В итоге «за» проголосовали сто двадцать два сенатора, «против» – сто восемнадцать.

Акт был принят. Внутри Вакса все оборвалось. Придется искать новый способ предотвратить гражданскую войну.

19 МЭЙРВИЛЯ, 348 г. Изд. 32, № 247

Хандервим представляет
НИКИ СЭВИДЖ
 и
Призрачный компас

В последнем письме я рассказывала, как стрелок Вила Мекант схватила Призрачный компас и бросилась с обрыва в туман на глазах у нас с Одержимым и двух наших спутников, Безликих Бес- смертных. Однако у меня остался алюминиевый ключ, которым компас заводился. Зная, что Вила вернется, я вручила ключ Одер- жимому, который с помощью своих адских пистолетов поднялся на другой обрыв, а я осталась убеждать наших безликих друзей в том, что у меня есть план... План у меня, разумеется, был.

Глава 8: «Полет Орнизавра»

Ке-Сун закатила глаза.
 — И как мы собираемся про- следовать за Вилой и выманить ее?
 — С помощью алюминиевых костей, которые мы нашли в шахте с орнизаврами, — сказала я, хлопнув по огромному рюкзаку Табаару.
 Из глубин его тучного тела раздался стон.
 — О нет!..
 — Ты недопражам в искус- стве перевоплощения! — вооду- шевила я его. — Помнишь, как ты играл колосса Человека в «Ге- рое Веков»? Блестяще! У тебя получится!
 — Не получится. — Ке-Сун сложила руки. — Без меня — не получится. Только у меня есть опыт перевоплощения в птиц. — Она повернулась к Табаару. — Если готов передать мне бразды

правления, то мы сможем пере- нести мисс Соваж через пропасть.
 — Но как же моя коллек- ция... — протянул он под шорох костей в рюкзаке.
 — Потом за ней вернемся, — уверила Ке-Сун с нежностью, ко- торую проявляла только к Таба- ару. — Обещаю. — Она посмот- рела на меня, вздернув бровь. — Будь добра отвернуться. Мы предпочитаем, чтобы другие не видели, как мы...
 — ...сливаемся, — закончил Табаар.
 Далее случилось одно из уди- вительнейших чудес, что я когда- либо видела, удивительнее, чем Зверь Бельмона Кутюра и все, что я пережила, пока была по- мощницей Алломанта Джека.
(Продолжение на следующей странице.)

БИЛЛЬ О ГЛАВЕН УГРОЖАЕТ ЕДИНСТВУ ИЛИ РАЗОБЩЕНИЮ

Губернатор и вице-губернатор

В ближайшие дни в сенате Элендела состоится голосование по вопросу, который ведущий политический эксперт Билминга, профессор Гарвен Мюнц, называет «самым монументаль- ным вызовом нашей правитель- ственной системе со времен Слов Основания».
 Голосованию предшествуют обсуждения, выступления и де- баты. Наши взгляды направлены на так называемого сенатора-за- конника Дикоземья, чьи недав- ние визиты на север Бассейна укрепили его солидарность с жи- телями Отдаленных Городов: «Да!» равноправно, «Нет!» гос- подству.

Губернатор Варланс и его при- спешники яростно препятствуют такому мышлению. Их позицию красноречиво суммировала вице- губернатор Адаватвин: «В случае нападения наших южных друзей в масках нам понадобится силь- ный, опытный лидер». Малвий- ский представитель адмирал Джоннес была шокирована таким заявлением и не вернулась на за- седание Сената после перерыва.
 В ответ на вопрос, разделяет ли сам Варланс мнение о неиз- бежности войны с малвийцами, губернатор лишь похлопал себя по груди, нарочито увешанной медалями за боевые заслуги.
(Продолжение на обороте.)

«Времена года» приносит извинения за комментарий нашего дорогого редактора Киндлин Тернавил, сделанный две недели назад, до ее исчезнове- ния, в котором она допустила сравнение нашего достопочтенного моря с «кабаном секачом: столь же тупым, менее привлекательным и не способ- ным удержаться от того, чтобы не повалиться в каждой встречной луже».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
 Я не устаю возмущаться, что Вы продолжаете размещать рекламу компании «Сунн», производителя «Щенков Сунн», которая проигнорировала мои многочисленные письма относительно вопиюще исторических неточностей в образе компаньона Вознес-

ГОСТЕВАЯ КОЛОНКА
Джеймс Малли, приглашенный редактор
НУЖНО ЗАПРЕТИТЬ НОСБОЛ!
 Они заполонили все площадки и свободные парковки. Беспри- зорники и бездельники, а иногда и наши с вами дети, собираются в команды и «играют» в игру, изоб- ретенную самим Смертью: нос-

Человек, электрифицировавший время!
 Новый роман уроженца Билминга, простого рабочего Скриба Вел- фора. Теперь во всех книжных магазинах города!
ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ ♦ Кафе быстрого питания ищет повара- скользуна. Платим хорошие бок-

Полет Орнизавра
 Мне крайне хотелось посмотре- ь, но уважение к давним компа- ньонам заставило выполнить их просьбу, несмотря на то что их «слизние» сопровождалось звуками, похожими на поцелуй

3

Мараси внимательно разглядывала следы в пыли. Те и сами почти покрылись пылью, а значит, их оставили несколько недель назад. Она подошла к Уэйну, который изучал тропу, спускающуюся еще ниже; опасный на вид тоннель с крутым уклоном. Уэйн обернулся к ней.

– Если им нужно быстро покинуть город и возвращаться, – сказал он, – то наверняка есть другой путь. Здесь они нечасто появляются.

– Согласна. Но лучше сильно не высовываться; вдруг у них выставлены часовые?

– Хочешь продолжить без подкрепления? – спросил Уэйн шепотом, притушив фонарь.

– Пока да. Нужно посмотреть, что впереди. Вдруг я поставлю всех на уши, а там тупик.

Они вместе двинулись дальше по тоннелю. Трудность тропы и ее очевидная нехоженность вдохновляли Мараси. Если прячущиеся внизу враги пользовались другим маршрутом, их с Уэйном сложнее будет обнаружить.

Они спускались аккуратно. Ржавь... хорошо, что она надела брюки. По крайней мере, если она поскользнется и проломит себе череп, то сделает это с достоинством. Насколько это возможно после часовой прогулки по канализации.

Мараси отвлекалась от дурных мыслей, думая о том, что эти пещеры наверняка ровесницы Вознесшейся Воительницы, а то и старше. Тоннели пережили всемирное разрушение, Пепельный Катаклизм, рождение и падение Последней Империи. На пути им попались какие-то камни – могли они выпасть из потолка во время извержения Пепельных гор?

Она воображала, как они натываются на мифическую Колыбель Выжившего – Ямы Хат-сина, – хоть и понимала, что это глупо. Вакс утверждал, что бывал в них, но не нашел легендарных волшебных металлов.

Наконец они добрались до крайне глубокой штольни; почти вертикальной, но со стенами достаточно неровными и изрытыми эрозией, чтобы за них цепляться. Уэйн с сомнением разжег фонарь.

– Они точно здесь проходили? – шепотом спросил он.

– А кто еще мог так наследить?

– А тут были какие-то следы?

– В пыли. А у входа я нашла остатки грязи из канализации. Уэйн, какой же ты сыщик, если даже очевидных вещей не замечаешь?

– Это вы с Ваксом сыщики, а я – нет.

– Тогда кто ты?

– Ловец пуль, – ответил он. – Сокрушитель черепов. Бедолага, которого время от времени взрывают.

– Не сегодня, – прошептала Мараси. – Мы просто заглянем, убедимся, что я права, и отправимся за подмогой.

– Значит, возвращаться будем этим же путем, – со вздохом произнес Уэйн и вытащил веревку из холщового заплечного мешка. Он отыскал прочный на вид каменистый уступ и привязал к нему веревку, а другой конец сбросил в темноту.

Он начал спускаться первым. Мараси за ним, закинув винтовку за спину. Спуск оказался легче, чем она предполагала, – помогали завязанные на веревке узлы. Но ладони она все равно стерла.

– Мараси, – тихо обратился к ней висящий внизу Уэйн. Он подстраивался под ее темп, не спускаясь далеко вниз. – Хочешь, расскажу о том, как женщины нарушают законы физики?

– Может быть, – ответила Мараси. – Смотря насколько твой список шовинистический. Можешь оценить по какой-нибудь шкале?

– Ну... баллов тринадцать?

– Из скольких?

– Из семнадцати?

– Что это за шкала такая? – прошептала Мараси, останавливаясь на широком уступе и глядя на Уэйна сверху вниз. – И почему вообще семнадцать? Почему не шестнадцать?

– Откуда мне знать? Ты попросила, я ответил. Короче, это вообще улет. Женщины. Нарушают законы физики. Я давно об этом задумывался. Как минимум пару дней. Тебе понравится.

– Не сомневаюсь.

– Итак, пункт первый, – начал он, соскальзывая на следующий уступ. – Когда женщины раздеваются, то становятся горячее. Удивительно, а? Нормальные люди становятся холоднее, когда снимают...

– Нормальные люди? – переспросила Мараси, следуя за ним. – То есть мужчины?

– Ну... типа того.

– То есть половина населения мира ненормальны? Женщины ненормальны?

– Да, пожалуй, после твоих аргументов я начинаю понимать, что глупость сморозил.

– В самом деле?

– Послушай, я лишь хотел отметить занятный факт. Полезное наблюдение об устройстве Космера и взаимоотношениях полов.

– Думаю, ты просто придумал кое-что забавное и искал повод этим поделиться. – Она приземлилась рядом с ним на небольшую платформу, с которой уже виднелось дно.

Они преодолели приблизительно полпути.

– Ну... э-э... тогда четырнадцать? – промямлил Уэйн, глядя ей в глаза. – Из семнадцати.

– Все выше и выше. Уэйн, это в любом случае неправда. Многие мужчины тоже становятся горячее, снимая одежду. От человека зависит.

– А Аллик? – с ухмылкой спросил Уэйн.

– Весь его шарм в маске.

– Да он ее так часто приподнимает, ржавь побери, что непонятно, зачем вообще носит.

– Движением маски малвийцы... вроде как расставляют акценты. Нет ничего дурного в том, чтобы позволить другим заглянуть под маску; они лишь притворяются, что это табу. Возможно, когда-то было. Теперь они используют маски для самовыражения.

Уэйн соскочил с уступа и продолжил спуск. Мараси немного отпустила его, затем двинулась следом.

– Ну... – неуверенно спросил он. – Будешь слушать дальше?

– На самом деле... давай.

– Ха! Так я и думал. А вот Вакс бы отказался.

– Уэйн, за столько лет Вакс привык к твоей безнравственности. А я все не перестаю удивляться, как ты опускаешься все ниже и ниже.

– Справедливо. Итак, пункт второй: спроси женщину, сколько она весит, а потом подними. Ее вес увеличится. Не иначе, они все ферухимики.

– Уэйн, у этой шутки уже давно борода выросла.

– Чего? Серьезно?

– Вполне. С детства помню, как мой отец отпускал глупые замечания о женщинах, скрывающих свой вес.

– Блин. Старый фанфарон Хармс так шутил? – Уэйн вытаращил глаза. – Проклятье, Мараси, неужели я старею? И шуточки у меня стариковские?

– Без комментариев.

– Распроклятые копы и их привычка держать язык за зубами. – Уэйн достиг дна и легко соскочил с веревки, лишь тихо шаркнув туфлями по камню, после чего придержал веревку для Мараси.

Она преодолела остаток пути и спрыгнула рядом.

– А каков третий пункт?

– Еще не выяснил.

– То есть у тебя список из двух пунктов, один из которых тупой?

– Оба тупые, – понуро ответил Уэйн. – А один еще и стариковский. Шутки как у лорда Хармса. Да уж, совсем я хватку потерял. – Он посмотрел Мараси в глаза и улыбнулся. – Выходит, в нашей команде я старый ворчун, а ты – лихая юная напарница, которая постоянно сквернословит и совершает глупости?

– А счастливая шляпа мне положена? – улыбнулась Мараси в ответ.

– Если пообещаешь хорошо за ней ухаживать, – ответил Уэйн, положив руку на сердце, – и будешь снимать перед неудачами, чтобы не нарушить череду удач.

– Запомню. – Мараси всмотрелась в тоннель, протянувшийся на дне штольни. – Давай ненадолго отложим болтовню. Мне нравится выяснять, что там еще отпочковалось в твоём мозгу, но нельзя, чтобы нас услышали.

Уэйн снова притушил фонарь, и они двинулись по тоннелю. Другие констебли нередко сочувствовали Мараси из-за того, что ей в напарники достался Уэйн, но, по правде говоря, при желании он мог стать отменным констеблем. И желание у него обычно было.

Теперь он наглядно это подтвердил, захлопнув рот и сосредоточившись на задании по первому напоминанию. Уэйну не доставало манер, и порой он совершенно не следил за языком, но напарником был хорошим. Отличным. Нужно было только проникнуть в его пузырь – не алломантический, а личный. Уэйн был неприступной крепостью с высокими стенами и фортификациями. Если тебе повезло и он пускал тебя внутрь, то вы становились друзьями навек. И даже если ты бросал вызов самим богам, на Уэйна можно было положиться.

«Трелл, мы тебя найдем, – думала Мараси, пробираясь вперед. Впервые она услышала это имя много лет назад из уст умирающего и с каждым днем все крепче убеждалась, что этот Трелл был божеством, чье могущество сопоставимо с Гармонией. – Рано или поздно выследим, особенно если ты продолжишь вмешиваться в мирские дела».

Уэйн схватил ее за руку и остановил, не говоря ни слова. Указал на крошечный огонек, сияющий далеко впереди. Они прокрались до конца тоннеля, осторожно выглянули из-за угла и увидели то, что надеялись увидеть: в нескольких футах от них пара мужчин в пиджаках и шляпах играли в карты на перевернутом ящике. Источником света был маленький фонарь, поставленный на импровизированный стол.

Мараси качнула головой назад. Они с Уэйном украдкой отступили подальше, чтобы их не услышали. Она посмотрела на него во мраке, гадая, что посоветует. Продолжать разведку или удовлетвориться увиденным и пойти за подмогой?

– Печально, – прошептал Уэйн.

– Что?

– Хорошая комбинация у бедолаги. Одна на миллион. И надо ж так, пришла ему в игре против нищего приятеля. Полная последовательность Выжившего коту под хвост...

Мараси закатила глаза и указала на узкий темный тоннель, ответвлявшийся от основного.

– Проверим, куда он ведет?

За спинами эхом разнеслась громкая ругань; похоже, парень с хорошими картами выложил их на стол. Узкий тоннель поворачивал направо, огибая пост часовых, и вскоре стало понятно, почему он не охранялся: в конце Мараси и Уэйна ждал тупик. Однако сквозь двухфутовое отверстие среди камней пробивался свет.

Они подкрались к нему и заглянули в пещеру, по размеру сравнимую с пакгаузом. Внутри обнаружилось множество мужчин и женщин. Одни раскладывали что-то по ящикам, другие отдыхали на импровизированных диванах. Отверстие, судя по всему, было естественного происхождения; от постоянно капающей с потолка воды стена покрылась причудливыми наро-

стами, прикрывшими дыру, которая когда-то наверняка была больше. Мараси и Уэйн стояли примерно в пятнадцати футах над уровнем пола.

Мараси тяжело выдохнула и осмотрелась. То, что она искала, было перед ней. Месяцы работы. Месяцы заверений Редди в том, что ее зацепки обязательно к чему-то приведут. Месяцы сопоставлений рапортов о кражах, свидетельских показаний и денежных следов. И – вот она. Крупная база контрабандистов под городом, финансируемая – почти наверняка – кем-то из Отдаленных Городов и Кругом.

Она в самом деле здесь. Мараси готова была поклясться истинным именем Гармонии... ее поиски увенчались успехом.

– Круто, – с широкой улыбкой прошептал Уэйн и легонько пихнул в плечо. – Просто обалдеть.

– Спасибо, – шепнула она в ответ.

– Когда будешь докладывать главному констеблю, – сказал Уэйн, – не упоминай, как я жаловался на нечистоты.

– А глупые шутки?

– Их оставь. Если хочешь, чтобы тебе верили, говори людям то, что они ожидают услышать.

Мараси снова присмотрелась. Насчитала тридцать семь человек, включая часовых. Все вооружены. Даже у рабочих были кобуры. Судя по имеющимся сведениям, в ящиках должны храниться боеприпасы, в частности – огромные запасы взрывчатых компонентов. Для прикрытия банда совершала и банальные кражи, но Мараси не сомневалась, что ее догадки верны.

Элендель был центральным железнодорожным узлом и оказывал давление на Отдаленные Города, запрещая вывозить со своей территории определенные категории товаров, включая оружие. Эта организация притворялась обычной бандой воров и вымогателей, но Мараси была на сто процентов уверена, что их истинная цель – контрабанда оружия в Билминг, нынешнюю столицу Отдаленных Городов.

Ей не нравилось, что Отдаленные Города притесняли таким образом, но эти бандиты убили немало невинных граждан. Вдобавок они наверняка связаны со злым божеством, намеревающимся покорить или уничтожить весь мир.

– Так, погляди, – прошептал Уэйн, указывая пальцем. – Вон тот парень в модном костюме наверняка из Круга. Может, новый Цикл.

Мараси кивнула. Циклами звались самые младшие офицеры Круга. Главари районных банд или наемники. Стожильный Майлз был Циклом, отвечавшим перед дядей Ваксиллиума. Этот мужчина был одет с иголки, выделяясь на фоне остальных в пещере. Он был подтянутым, высоким и мускулистым. Возможно, металлорожденным. В случае драки с ним нельзя его недооценивать.

– Вышиби ему мозги из винтовки, – предложил Уэйн, – и все остальные сразу нам сдадутся.

– Уэйн, в реальном мире такое не работает, – прошептала Мараси.

– Почему нет? Если он больше не сможет им платить, у бестола не будет причин с нами драться.

– Даже если ты прав, в чем я сильно сомневаюсь, мы этого делать не станем. Нужно доложить, обсудить, заручиться подкреплением и необходимыми разрешениями. Помнишь?

– Стараюсь не вспоминать, – проворчал Уэйн. – Почему никогда нельзя сделать по-моему? Эти ребята просто наемная сила, я против них ничего не имею, но пока мы барахтаемся в бюрократическом болоте, они могут отсюда и свинтить. Лучше сейчас всех повязать.

– Нет, – отрезала Мараси. – Твои методы приведут только к беспорядку.

– И что в этом плохого?..

– Ну, мы все-таки служители закона.

- Ладно, ладно. – Он порылся в сюртуке и извлек блестящий жетон.
- В городе такими не пользовались, ограничиваясь бумажными удостоверениями.
- Это же... старый значок Вакса из Дикоземья? – удивилась Мараси.
- Я его выменял.
- На что?

– На половину булочки из пивного теста с фаршем, – ухмыльнулся Уэйн. – Он ее рано или поздно найдет. Они довольно быстро дают о себе знать.

Мараси покачала головой и махнула рукой, показывая, что пора уходить. Они не зажигали фонарей, и в тоннеле приходилось красться на ощупь. Поэтому, несмотря на все предосторожности, на пересечении тоннелей они лицом к лицу столкнулись с часовым, который отошел облегчиться.

Тот вытаращился на них и закричал. Уэйн за полсекунды повалил его и вырубил, но из главной пещеры все равно раздались встревоженные крики.

- Ну теперь-то будет по-моему! – с ухмылкой воскликнул Уэйн, наступив на тело.

4

Мараси с Уэйном никак не могли скрыться тем же путем, каким пришли сюда, пока их преследовала вся банда. Вдобавок ей хотелось задержать того Цикла, иначе он наверняка заметет следы.

К сожалению, все это доказывало правоту Уэйна. Протокольные инструкции вылетели в трубу.

Пришло время делать по-уэйновски.

Они выскочили в главный тоннель и оказались на мушке у другого часового. Уэйн поднял скоростной пузырь, чтобы вместе с Мараси обойти и окружить бандита.

Когда пузырь упал, гангстер выстрелил в пустоту. Миг спустя Уэйн уже обхаживал его дуэльными тростями. Мараси не вмешивалась, выбирая место для укрытия. За карточным столом открывался еще один широкий тоннель, вероятно ведущий в складскую пещеру. Припав на колени, Мараси подняла винтовку, отдышалась и прицелилась в ожидании...

Как только из тоннеля кто-то появился, она выстрелила. Немедля захотела передернуть затвор, но вспомнила тренировки на стрельбище и не сделала этого. Винтовка была новая, полуавтоматическая и называлась «Бастион». Мараси не опустила ее и новым выстрелом свалила еще одного бандита, запнувшегося о тело первого. Следующий предупредил остальных, и больше никто не отважился высунуть из тоннеля нос.

Уэйн оставил избитого гангстера валяться без сознания и стер пот со лба.

- Волшебные коробочки у тебя есть? – спросил он.

– Уэйн, они не волшебные, – поправила Мараси. – Малвийские технологии просто отличаются от...

- Волшебные коробочки от твоего парня. Сколько?

– Три алломантические гранаты, все новой модели. Две светошумовые. Перед уходом Вакс мне одну зарядил.

- Неплохо, – ответил Уэйн. – Каков план?

– Обороняй тоннель. Я вернусь к смотровому окошку и брошу туда алломантические гранаты, чтобы накрыть как можно больше врагов, а потом прикрою тебя. Когда уйдешь с линии огня, догоню.

- Раз плюнуть! – согласно воскликнул Уэйн, и они разделились.

Он направился к тем двоим, которых Мараси застрелила. Подобрал пистолет и несколько раз пальнул в направлении главной пещеры, не прицельно, а чтобы всех распугать. Рука

немного дрожала, и, опустошив магазин, Уэйн выбросил оружие. Он добился серьезного прогресса, посчитала Мараси, хотя и без огнестрельного оружия обходился прекрасно.

Оставив напарника, Мараси бросилась к смотровому окошку. Позиция идеально подходила для снайпера. Она отметила несколько вражеских групп за ближайшими ящиками, пока Уэйн расстреливал обойму второго пистолета.

Мараси осторожно достала из кармашка на поясе маленькую металлическую коробочку. Всю жизнь она расстраивалась, сталкиваясь с пренебрежением из-за своей бесполезной алломантической способности. Она умела замедлять время вокруг себя, от чего, мягко говоря, мало толку. Фактически эта способность делала ее неподвижной в глазах окружающих, давала преимущество противникам в бою.

Изредка ей все-таки находилось применение, но в целом Мараси смирилась с тем, что ее талант никому не нужен.

Пока не встретила Аллика.

Его народ восхищался всеми металлорожденными, будь то алломанты или ферухимики. Безусловно, Аллик был в восторге от Вакса и его ярких способностей, но и талант Мараси его впечатлял. Он утверждал, что ее умение – одно из наиболее полезных в алломантии. Звучало сомнительно, но суть была такова: с помощью небольших технологических премудростей даже она могла перевернуть мир кверху дном.

Алломантическая граната диаметром в полтора дюйма тихо загудела, когда Мараси разогла кадмий и впитала ее энергию. Мараси не окутал замедляющий пузырь; благодаря вышеупомянутым технологиям вся ее сила направилась в коробочку. Перед выходом она уже заряжала ее, но спустя несколько часов заряд требовалось пополнить.

Затем, тщательно выверив расстояние, Мараси метнула коробочку в группу врагов, укрывшуюся за ящиками. Месяцы тренировок не прошли даром; граната приземлилась в гущу гангстеров, которые так сосредоточились на Уэйне, что даже не заметили ее.

Граната была из эттметалла, распространение которого строго регулировалось малвийцами, и нельзя было винить бандитов в том, что они не почувствовали опасности. Даже сами малвийцы редко пользовались такими гранатами. Если гангстеры о них и слышали – что вероятно, учитывая их работу на Круг, – то никогда прежде не видели.

Секунду спустя вокруг гранаты поднялся пузырь замедленного времени, окружив около десятка мужчин и женщин. Мараси быстро зарядила и метнула вторую гранату, нацелив ее в группу врагов чуть дальше. Прицел вновь оказался точен, и еще восемь бандитов попались во временной пузырь.

– Металлорожденный! – закричал кто-то из гангстеров, заметив, что больше половины сообщников застыли.

Пойманные в пузырь медленными плавучими движениями пытались выбраться, но десятиминутный заряд гранаты кончится быстрее, чем им это удастся.

Вскинув винтовку, Мараси открыла огонь, подстрелив двух не попавших в пузыри бандитов. Тут в главной пещере появился Уэйн. Секунду он выглядел стремительным размытым пятном, после чего выскочил из скоростного пузыря и перепрыгнул через разлом в камне. Перед тем как поднять новый пузырь, ему требовалось некоторое время на отдых, но Мараси готова была поклясться, что эти паузы становились все короче.

Уэйн не приближался к замедленным бандитам; ими они займутся позднее. Пользуясь замешательством врагов, он подобрался к паре из них. Те заметили опасность, но Уэйн вновь превратился в размытое пятно и атаковал их сверху дуэльными простями.

На истошные вопли отвлеклись остальные, что позволило Мараси подстрелить еще двоих. После этого она бросилась назад к главному тоннелю. Она взгляделась в темную складскую пещеру и побежала, пригнувшись, внимательно следя за пузырями гранат, чтобы самой

не попасться в них. Ей было прекрасно знакомо ощущение погружения в густую патоку, пока все вокруг двигалось с быстротой молнии.

Мараси нашла укрытие за упаковочной машиной. К оставшимся гангстерам вернулось самообладание, и пули забарабанили по камню и металлу вокруг нее. В юности она много читала о подвигах Вакса в Дикоземье, и чем дольше работала констеблем, тем больше неточностей обнаруживала. Безусловно, в историях описывались перестрелки. Но обычно никто не упоминал, насколько громким был звук от попадания пуль. Грохот стоял такой, как будто малышу Максуду дали барабанные палочки и оставили его в посудной лавке.

Секунду спустя звук замедлился, словно у фонографа, проигрывающего запись на доле нормальной скорости. Воздух вокруг Мараси замерцал, и к машине привалился ухмыляющийся, несмотря на кровоточащую рану плеча, Уэйн.

– Недоглядел, – кивнула она на рану.

– Да ладно тебе, – ответил Уэйн. – Будто уже и пулю мимоходом словить нельзя. Тем более если бегаешь с двумя палками по комнате, где у всех остальных пушки.

– Сколько у тебя темпосплава?

– До фи́га.

– Точно?

– Ага.

– Уэйн, я тобой горжусь, – заявила Мараси. – Экономишь, как я просила.

Он развел руками как ни в чем не бывало, но Мараси на самом деле им гордилась. Уэйн получал строго ограниченные порции темпосплава в департаменте и поначалу истрачивал его весь. Мараси уже подумывала, не попросить ли капитана Редди увеличить норму, но выяснила, что Уэйн тратил темпосплав на всякую ерунду, не имевшую отношения к работе сыщика. На шалости, переодевания на потеху детям, редкие случайные кражи...

Ее радовало, что он исправлялся.

– Сколько обалдуев осталось? – спросил Уэйн.

– Одиннадцать, – ответила Мараси.

– Я до стольких считать не умею.

– Умеешь, если нужно вести учет выпитых рюмок, – парировала Мараси.

– Блин, и правда, – согласился Уэйн.

Они выглянули из-за машины, с помощью которой приколачивали крышки ящиков. Уэйн мгновенно отдернул Мараси. Замедленная пуля ударила в скоростной пузырь, пронеслась внутри стремительной вспышкой, прежде чем удариться со внутренней стороны и снова замедлиться. Внутри пузырей пули вели себя непредсказуемо, невозможно предугадать, куда повернут.

– Парень в костюме пытается уйти с черного хода, – сообщил Уэйн. – Хочешь его изловить или сперва разберемся с остальными?

– Придется разделить, – решила Мараси, задумчиво закусив губу. – Ты с многочисленными врагами лучше справляешься. Разберешься с этими?

– Ящики, небось, взрывоопасны?

– Да...

– Тогда повеселюсь на славу!

– Гранаты будут действовать еще минут восемь.

– Отлично, – ответил Уэйн. – Попробую взять всех живьем. Похватаю по одному из пузырей, воспользуюсь своими пузырями для противодействия. Я тренировался делать их больше и меньше. Попробую подходить с краю и поднимать свой пузырь так, чтобы захватывать одного человека и вытаскивать.

– Уэйн, звучит здорово! – изумилась Мараси. – А Вакс знает? Управлять размером пузыря очень непросто.

Он пожал плечами.

– Готова?

Мараси сняла с пояса светошумовые гранаты и передала одну напарнику. Затем выдернула из другой чеку.

– Готова, – сказала она.

Даже если у Уэйна оставалось «до фига» темпосплава, он был редким и дорогим. Нельзя тратить больше необходимого.

Уэйн сбросил пузырь, и Мараси метнула гранату. После взрыва они разбежались в разные стороны от машины. Уэйн – к оставшейся группе гангстеров, Мараси – за Циклом, который скрылся за укрепленной металлической дверью в углу пещеры. Мараси достигла двери секунду спустя и легко вскрыла замок. Покосилась на Уэйна, которого уже обступали враги. Тот укрылся за ящиком с пометкой «ВЗРЫВООПАСНО» и подмигнул, после чего выдернул из гранаты чеку и бросил внутрь.

Замечательно. Хорошо, если он знал, что делает. Способность Уэйна к самоисцелению невероятна, но даже у нее был предел. Если его метапамять сорвет взрывом, Уэйн погибнет, как Вседержитель, лишившийся Браслетов Скорби много веков назад.

Что ж, постоянно приглядывать за Уэйном она не могла. И тем более не могла пережить взрыв таких... да любых масштабов. Скользнув за дверь, она с громким хлопком закрыла ее за собой. Миг спустя пещера содрогнулась, но Мараси сосредоточилась на задании: спуститься в темный пещерный тоннель за Циклом, единственным в этой пещере, кто мог ответить на ее вопросы.

5

Вакс понуро брел по залу Сената, и все уступали ему дорогу. Никому, даже сторонникам, не хотелось сейчас встречаться с ним взглядом. Люди отворачивались, потягивались и болтали друг с другом.

В коридоре он направился к своей резиденции, шагая по плиточному полу под массивными люстрами. Хрусталь и мрамор. Такова теперь была его жизнь. Все, от чего он пытался сбежать в молодости, ныне окружало его, и даже тени, несмотря на яркий мерцающий свет, казались темнее обычного.

Он верил, что достижения Вакса-сенатора однажды затмят подвиги Вакса-законника хотя бы потому, что принесут пользу большему числу людей. Это означало, что цена ошибок была в разы выше. В Дикоземье ты мог полагаться на пистолет, на инстинкты и умение задавать правильные вопросы. Здесь приходилось полагаться на способность других поступать правильно. Пока что работа с политиками подрывала его веру в человечество сильнее, чем столкновения с серийными убийцами.

Вакс вошел в свои апартаменты и увидел, что вся семья – и даже гувернантка Кэт – уже в сборе. Он старался не выражать досады, но Макс все равно почувствовал дурное настроение отца и остался играть с Кэт и щенком Суни.

– Что ж, – проворчал Вакс, тяжело плюхнувшись в кресло, – год работы псу под хвост.

– Мы сделали все от нас зависящее, – сказала Стерис, усаживаясь рядом.

– Думаешь? – спросил Вакс, глядя на блокноты в ее руках. – Я помню, что ты шесть таких исписала планами убеждения тех или иных сенаторов. Еще бы немножко...

– Мы сделали все в разумных пределах, – поправилась Стерис, – учитывая наши прочие обязанности. – Затем задумалась. – Правда ведь, Вакс?

Он посмотрел ей в глаза и заметил, что она дрожит. Проклятье. Она переживала не меньше, чем он.

«Следи за женой, ржавый болван». Он взял Стерис за руку и крепко сжал.

– Правда. Стерис, мы все испробовали. В конце концов решение было не за нами.

Он не выпускал ее руки. Стерис была невероятно стойкой и поддерживала его все время после возвращения в Элендель, и до поры Вакс и представить не мог, сколько она будет для него значить. Но теперь он чувствовал, как она дрожит. И... ржавь его побери, если он и сам не дрожал. Они отдали все силы, чтобы остановить принятие акта. Проклятые сенаторы постоянно отговаривались и просили дать им еще время на раздумья. А теперь проголосовали вот так? Теперь они...

Нет. Все кончено.

– Нужно двигаться дальше, – сказал он.

– Верно. Дальше. – Стерис кивнула и посмотрела вокруг. – Может быть, уехать отсюда ненадолго. Сейчас я фантазирую лишь о том, как это здание рушится до основания от какого-нибудь стихийного бедствия.

Вакс фыркнул и помог Стерис собрать оставшиеся вещи. Мимоходом он заметил на краю стола конверт. Его ведь раньше здесь не было? Взяв его, Вакс почувствовал, как внутри прокатилось что-то тяжелое. Пуля?

Открыв конверт, он понял: нет. Серьга. А с ней – записка. «Сделай вторую, когда добудешь нужный металл».

Он понятия не имел, что это значит. Даже не стал задумываться. «В другой раз, Гармония, – подумал он. – Дай мне отдохнуть».

– Что это? – спросила Стерис.

– Подарок от Гармонии, – ответил Вакс.

Стерис подозрительно посмотрела на него.

– Как обычно, – добавил он, – безделушка.

Стерис поджала губы. Она следовала Выжившему и не почитала Гармонию, который являлся богом Пути – отдельной, но побочной религии. Но после всех совместных приключений и переживаний религиозные взгляды Стерис претерпели некоторые изменения. Так или иначе, она знала, что Вакс прежде почитал Гармонию.

А теперь... у них с его богом были сложные взаимоотношения. Вакс чувствовал, что после прямого разговора перед тем, как он надел Браслеты Скорби, их противоречия разрешились. Но все равно позволял себе редкие пренебрежительные ремарки. На этот раз он сунул конверт в задний карман и забыл о нем.

Они собрали вещи – ржавь, с появлением детей багаж невероятно разросся. Стерис хотела еще ребенка, но Вакс сомневался. Не хотел оставаться в меньшинстве.

Тем не менее... он не сдерживал улыбку, глядя, как Макс бежит по коридору, заставляя щенка Суни прыгать по черным мраморным клеткам, избегая белых. С детьми других сенаторов Вакс обычно не встречался; те считали, что приводить детей в Сенат неподобающе. Но если они так уважительно относились к этому зданию, почему опозорили его своим голосованием?

«Многие проголосовали так, как ты хотел, – напомнил себе Вакс. – Другие испугались, что их сочтут слабаками. Изобличат в коррупции. Не все они против тебя. Помни об этом. Как и в любой профессии, среди них есть хорошие люди». Просто... нет, сейчас он не хотел об этом думать.

На улице выстроились сенаторские автомобили. Все разъезжались по светским ужинам, презентациям и неформальным вечеринкам. Даже те, кто соперничал Ваксу, редко приглашали его на мероприятия. Только – для обсуждения дальнейшей стратегии. Как будто считали, что не в его духе снисходить до неформального общения, а может, просто чувствовали себя неловко в его компании.

Когда семья собралась, дожидаясь водителя, Макс потянул отца за пиджак.

– Па, чего киснешь? – спросил он громко. – Ваше не выношу кислые рожи. Смотреть тошно.

От его слов ближайшие сенаторы наморщили носы.

– Опять от дяди Уэйна говорю понабрался? – спросил Вакс, вздернув бровь.

– Ага, – тихо ответил Макс. – Он, правда, просил не признаваться, чтобы ты подумал, будто у меня самого такой талант. – Он улыбнулся. – Дядя Уэйн сказал поговорить так перед сенаторами, чтобы им досадить. Ведь есть за что? Из-за них вы с мамой расстроились?

Вакс кивнул и присел на корточки рядом с сыном.

– Да. Но не волнуйся об этом.

– Знаешь, что лучше всего помогает, когда грустно? – спросил Макс.

– Обнимашки с Тенни? – Вакс погладил по голове плюшевого кандру.

– Это тоже, – ответил Макс, – но прежде всего... ну... полеты? – Он с надеждой уставился на Вакса.

Рядом остановился автомобиль, и из него вышел водитель Хойд.

– Карета подана, сэр, – произнес он, открывая пассажирскую дверь.

Но ржавь побери, не откажешь ведь ребенку, когда он так на тебя смотрит?

– Спасибо, Хойд, – сказал Вакс. – Пожалуйста, отвези мою жену, куда ей будет угодно.

Кэт, портупея у вас?

– У меня, милорд, – ответила гувернантка, передала младенца Стерис и принялась рыться в необъятной сумке с одеждой и бельем.

Она передала портупею Ваксу, а тот отдал ей плащ и пиджак.

Радуюсь почти по-детски, он на виду у всех натянул портупею и пристегнул на спину Макса. Затем, горячо поцеловав Стерис и пообещав скоро вернуться, подкинул гильзу и повернулся к толпе.

– И неча тут завидовать! – крикнул Макс. – Папа и вас подбросит по дружбе, если будете паиньками, а не какашками!

Да... пожалуй, придется провести небольшую беседу с Уэйном. А пока Вакс махнул толпе и взмыл в воздух. Макс радостно и буйно заулюлюкал.

6

В тоннеле, где оказалась Мараси, виднелись следы древней цивилизации; поверх естественного грубого камня кое-где уложили кирпичи. Пол был гладким, тесаным и ровным. Крепления для факелов на стенах покрылись ржавчиной и выглядели тяжелобольными.

Она взяла последнюю гранату, ту, что зарядил Вакс. Эти устройства нового поколения могли часами держать заряд, лишь эффект по прошествии времени становился менее длительным. Если активировать гранату сейчас, то он продлится минуты три-четыре. Мараси все равно было спокойнее держать ее в руке, поэтому она неохотно отложила винтовку и взяла в другую руку пистолет. В пистолете меньше металла, чем в винтовке, из-за чего он мог оказаться чуть эффективнее против потенциального алломанта. По этой же причине она сняла мешочек с дополнительным запасом металлов, зато оставила пояс с несколькими неметаллическими приспособлениями, полезными в бою с алломантами.

С гранатой и пистолетом в руках Мараси покралась по сумрачному тоннелю. Гангстеры развесили по правой стене электрические лампы, обмотав провода вокруг старинных подфакельников, но светили лампы плохо, постоянно моргая, как будто вот-вот уснут. Вскоре Мараси очутилась у другой просторной пещеры и задержалась у входа, присев, чтобы рассмотреть, что впереди. Цикл точно прошел здесь, и ей отчасти хотелось погнаться за ним как можно быстрее. Но внутренний голос советовал сохранять спокойствие на случай засады.

Пещеру пересекала длинная узкая расщелина. Когда-то над ней раскинулся древний каменный мост, но уже давным-давно развалился, и на его месте соорудили новую конструкцию из досок и веревок длиной примерно в шестнадцать футов. От моста и пропасти Мараси

отделяло футов тридцать; на противоположной стороне расщелины снова продолжался тоннель.

Она не пошла к мосту. Она вообще не спешила входить в пещеру. Кирпичные стены казались очень древними. Кто сложил их, сколько веков назад? Могло это место быть ровесником Гробницы Первоначальных в самом сердце Эленделя? Прятались ли здесь люди, наблюдая, как рушатся стены и мост, пока Гармония переделывал мир?

Так или иначе, она беспокоилась. Цикл заметил ее, и интуиция подсказывала, что он так просто не сбежит, подставив спину. Следовало ожидать западни. Мараси осторожно осмотрелась и заметила среди камней на пути к пропасти темный силуэт. Скорее всего, Цикл рассчитывал, что она сразу бросится к мосту, и намеревался расстрелять ее сзади.

Но стоило Мараси обнаружить его укрытие, как он поднялся и прицелился. Мараси рефлекторно активировала гранату, которую прижимала к груди. Граната произвела эффект толкания стали, вырвав из другой руки пистолет и швырнув его далеко вперед, напрямик в пропасть.

Впрочем, среагировала она вовремя. Цикл разрядил в нее всю обойму, но пули прошли мимо, отклонившись, и вгрызлись в камень по обе стороны от Мараси. Она бросилась на врага, ориентируясь в сумраке по его яркому костюму. При ближайшем рассмотрении Цикл оказался не таким холеным, как она ожидала. Крепкая бычья шея, щетина на подбородке.

Мараси надеялась, что у него с собой был хоть какой-нибудь металл, и эффект гранаты дезориентирует его. Но Цикл всего лишь выронил пистолет, который перелетел через пропасть, ударился о стену и упал рядом с тропинкой.

Помимо этого, показалось, что он, как и Мараси, предусмотрительно не взял с собой ничего металлического.

– Полиция Четвертого октанта! – крикнула она, остановившись в десяти футах от врага. – Вы арестованы за уклонение от уплаты налогов, вымогательство и контрабанду оружия. Вы безоружны и окружены. Сдавайтесь, чтобы избежать более серьезных неприятностей.

В ответ Цикл ухмыльнулся и начал увеличиваться в размерах.

Пуговицы на рукавах расстегнулись, позволяя мускулам вырасти до нелепых пропорций. Пиджак остался на месте, но тоже увеличился благодаря хитрым расстегивающимся деревянным пуговицам.

Ох, проклятье. Ферухимик. Внешне он совершенно не напоминал террисийца – Впрочем, как и Уэйн. На глаз их не распознаешь.

Мараси отступила. Вязываться в рукопашную схватку с кем-то, кто постоянно накачивается силой, означало быстро отхватить по лицу. Вместо этого она выключила гранату, сохранив остатки заряда, и бросилась к мосту в надежде добраться до отброшенного на другую сторону пистолета. Цикл рванул наперерез и преградил путь. Затем со смехом сорвал веревки, удерживавшие мост.

Ладно. В одном ферухимики уступали алломантам. Они не могли просто взять и проглотить порцию металла, чтобы поддержать силы. Нужно попытаться его вымотать.

Цикл бросил веревку, и шаткая конструкция обрушилась в пропасть.

– Ты-то Треллу и нужна, законница, – бросил он невероятно писклявым для такого громадного тела голосом. – Спасибо, что сама пришла.

Мараси развернулась и побежала за винтовкой. Гулкие шаги преследовали ее, стремительно приближаясь, и пришлось броситься на землю, не добравшись до оружия. Благодаря этому она не угодила в лапы врагу.

Цикл ударил, но Мараси успела перекатиться по земле, и он со стоном поднял окровавленные кулаки. Ферухимическая сила была опасна, как и большинство металлических умений, включая ее собственное. Мараси уклонилась и от последующих ударов. К счастью, Цикл,

кажется, не любил тренироваться. Несмотря на специально подготовленную одежду, ему, очевидно, было неудобно драться в увеличенном теле.

Что это за ферухимик такой, если не тренирует свои способности? Мараси потянулась за винтовкой, приподнялась на корточки и оттолкнулась, но вместо прыжка практически упала. Цикл опередил ее мощным прыжком, схватил оружие, переломил его пополам и швырнул в Мараси стволом.

Она едва успела снова активировать гранату, и ствол полетел обратно в ферухимика. Но Мараси некрепко держала коробочку, и та едва не выскользнула от сильного толчка.

Стальные толчки. Перенос силы. Не только Цикл применял способности, к которым был непривычен.

Противник уклонился от метательного снаряда, и Мараси отключила гранату. Ствол винтовки отскочил от задней стены и покатился обратно к ней. Мараси попыталась поймать его, чтобы использовать как дубинку.

К несчастью, Цикл подскочил и схватил ее за левую руку, в которой была граната. Хватка у него была могучая, и, ржавь побери, кости едва не переломились. Разразившись руганью от боли, Мараси поискала кое-что на поясе. На глазах выступили слезы. Наконец ей удалось вытащить из ножен маленькое блестящее оружие и вонзить противнику в руку.

Цикл взвыл и выпустил ее, выдернув окровавленный клинок.

– Стекланный нож, – сказала Мараси. – Классика.

Он свирепо уставился на нее и поднял руку. Рана быстро затягивалась.

Проклятье. Ферухимическое исцеление? Теперь все встало на свои места. Мараси еще не встречала людей с двумя ферухимическими талантами. Этот пользовался запретным умением. Гемалургией.

Мараси схватила ствол винтовки и отступила, но в пылу сражения оказалось, что путь у нее остался один – к пропасти. Каждый шаг отдалял от тоннеля, которым она пришла и где могла скрыться. Ржавь.

Она шаг за шагом отступала, одной рукой сжимая импровизированную дубинку, а другой – гранату. Сколько еще осталось заряда? В суматохе она не уследила за временем.

Цикл наступал на нее, походя убрав нож за пояс. Затем его глаза вдруг засияли зловещим красным огнем.

– Трелл выбирает носителей, – произнес он. – Аватар, наделенных его силой. Законница, хочешь помочь мне доказать, что я достоин бессмертия? Будь добра, умри.

Мараси продолжала отступать, лихорадочно думая. Противник, кажется, ничуть не беспокоился о том, что его силы иссякнут. За считанные секунды он прижал ее к краю бездны, рядом со скоплением камней, за которыми сам недавно прятался. Мараси отступила за камни, но те были недостаточно высокими, чтобы полностью скрыть ее.

Мельком взглянув, она поняла, что пропасть была глубиной по меньшей мере в пятьдесят футов. Безопасно спрыгнуть не получится.

– У тебя за спиной бездна, – проговорил Цикл, надвигаясь. – Что будешь делать? Может, пора... как ты там сказала? Сдаваться, чтобы избежать более серьезных неприятностей?

Вместо этого она настроила гранату на срабатывание с задержкой и надежно вставила между камней. Затем крепко обхватила руками ствол винтовки и прижала к груди.

Противник нахмурился. И граната взорвалась.

Перенос силы. Любой толчок провоцирует равносильный толчок в другом направлении. Граната толкнула винтовочный ствол, который с невероятной силой увлек Мараси назад, за пропасть.

Она ударилась спиной о стену. Удар оглушил ее, но тут заряд гранаты иссяк. Мараси упала на землю. Как и планировалось, она оказалась на другой стороне, но получить при этом контузию совершенно не рассчитывала.

Сквозь слезы она увидела, как Цикл разбежался и перепрыгнул разлом. Слепленная болью, Мараси принялась ощупывать пыльные камни в поисках пистолета...

Нашла!

Зловещая тень противника нависла над ней. Рука вскинулась, чтобы разmozжить ей череп. В ответ Мараси трижды выстрелила Циклу в лицо. Тот упал.

«Проклятье», – подумала она, усаживаясь, несмотря на боль. Для Вакса такие приключения были обыденным делом. Прыжки со скал, удары о стены и так далее. Каким образом он до сих пор не превратился в калеку?

Мараси ощупала ребра, надеясь, что не сломала. Сильнее всего жаловалось левое плечо. Она поморщилась. Боль отвлекала, мешая сосредоточиться. Выстрел в голову должен был помешать кровотворцу исцеляться, но внутренний голос подсказывал, что лучше проверить.

Она склонилась над телом и обнаружила, что пулевые отверстия в голове Цикла затягиваются.

Адская ржавь.

Мараси перевернула обмякшее тело на спину и поспешно выдернула из-за пояса Цикла свой кинжал. Даже три пули в голову его не убили? Весьма подозрительно. Она выстрелила в него еще раз, но и это давало лишь кратковременную отсрочку.

Мараси разорвала на нем рубашку и увидела четыре штыря, загнанные глубоко между ребер. Все, как она и подозревала. Она принялась выковыривать их ножом. Работа была грязной и омерзительной. Осознав, что по крайней мере один стержень сделан из необычного металла с темно-красными пятнами, похожими на ржавчину, начала ковырять быстрее. Именно этот металл они искали много лет.

Глаза Цикла распахнулись, несмотря на дыры в черепе и сломанную челюсть. Мараси выругалась и стала орудовать ножом настолько быстро, насколько могла. Окровавленные пальцы с трудом извлекали первый из четырех стержней, настолько плотно засевший между ребрами, что он едва шевелился.

Глаза. Теперь они пылали красным.

– Снова надвигается пепел, – прохрипел ферухимик сквозь окровавленные губы. – Мир падет перед ним. Вас ждет заслуженная кара; все живое увянет под черным облаком, а землю укроет прах сожженных тел.

Стиснув зубы, Мараси тянула скользкий от крови красноватый штырь.

– Конец, – шептал Цикл. – Ваш конец близок. Вас убьет либо пепел, либо люди в золотом и красном. Золотом и...

Мараси наконец-то выдернула штырь. Красный огонь в глазах Цикла потух, тело вновь обмякло и перестало исцеляться. Мараси все равно пощупала пульс и, даже не обнаружив его, на всякий случай вытащила остальные штыри.

Тогда она с тихим стоном привалилась к стене. Оставалось надеяться, что Уэйн разобрался с остальными контрабандистами. У самой Мараси не осталось сил держать пистолет. Она закрыла глаза и постаралась не вспоминать зловещий голос покойника.

7

Макс подгонял отца, просил прыгать все выше и быстрее. Ликующие возгласы мальчика летели по ветру под аккомпанемент шелеста одежды. Ржавь, а его радость оказалась заразной. Вакс в детстве был угрюм, да и с возрастом не стал сильно веселее. Но даже он мог насладиться хорошо исполненным стальным толчком.

Резкое ускорение, затем, в верхней точке прыжка, почти полная остановка. Ощущение, будто желудок подкатывает к горлу в миг падения. Простой человек мог о таком лишь мечтать – по крайней мере, о прыжке без риска для жизни.

Вдали в город входил малвийский торговый корабль, медленно пролетая с помощью удивительных эттметаллических устройств. Вакс с сыном скакали по городу, любуясь видом. С высоты город одновременно и открывался, и закрывался. Виднелись октанты и крупные магистрали. Можно было почувствовать и понять атмосферу разных районов, беспощадность хорошо знакомых трющоб, пышность и уединенность особняков.

Когда-то Вакс считал, что эти ощущения – не только высота, но и движение над городом – всегда будут доступны лишь стрелкам. Но появились малвийские воздушные корабли и выбросили его предположения из окна с высоты в три тысячи футов.

Тем не менее он продолжал ощущать, что город принадлежит ему. Это – его город. Он вернулся сюда после долгого отсутствия и со временем полюбил. Город воплощал в себе лучшее, чего мог достичь человек, был настоящим памятником изобретательности, вместилищем тысяч идей, людей и переживаний.

Макс просил подняться еще выше, и Вакс отталкивался от небоскребов, пока не приземлился на крыше одного из них: башни Альстром. На верхнем этаже располагался их пентхаус. Вакс специально выбрал это место. Добраться с помощью толчков до крыши столь высокого здания, когда якоря далеко внизу, не так уж просто. К счастью, вокруг стояло еще несколько небоскребов, от которых можно было отталкиваться.

На этот раз Вакс не направился домой. Он запрыгнул на крышу, где находилась небольшая встроенная платформа для мойщиков окон, к которой те цеплялись. Вакс остановился и снял Макса со спины, но не отвязал портупею. В ее надежности не было сомнений, ведь ее разработала Стерис.

Макс достал мешочек с семенами клена и начал бросать их с крыши, наблюдая, как их крылышки вращаются на ветру. Даже с такой высоты были слышны гудки автомобилей. За каких-то шесть лет на дорогах почти не осталось конных повозок. Прогресс уподобился взрыву. Либо тебя бросало вперед взрывной волной, либо от тебя ничего не оставалось.

Платформа была с северной стороны. По левую руку раскинулась мерцающая гладь залива Хэммондар, протянувшегося, подобно шоссе, до... Вакс и сам не знал докуда. Жители Бассейна не были прирожденными исследователями. Многие любили байки о приключениях молодого Вакса или, того хуже, болвана Джека, но большинство были вполне довольны городской жизнью. В этом главная проблема Эленделя: зачем искать что-то еще, когда все необходимое под рукой? Элендельцы даже не догадывались о существовании целого Южного континента, пока оттуда не прилетел разведывательный воздушный корабль.

Да, то событие положило начало экспедициям. Но горожане все равно не стремились покидать город, и Вакс их понимал. Его усилия по улучшению уровня жизни сосредоточились на Бассейне. Он не знал, как быть с малвийцами. Пусть минуло уже шесть лет, он по-прежнему с дрожью думал о том, каким большим вдруг оказался мир.

Макс весело подпрыгивал, бросая кленовые семена горстями. Кэт с опаской воспринимала любовь мальчика к высоте – но как иначе, если с младенчества его постоянно носил отец, считавший традиционные способы передвижения слишком времязатратными?

Вакс посмотрел на север, в сторону Дикоземья. Там остались приключения, загадки и жизнь, которую он когда-то любил. Ему стало...

Ржавь. Ни капли не грустно.

Он моргнул и тряхнул головой. С самого возвращения Элендель был для него обузой. Снаружи манили приключения и комфорт. За прошедшие годы стало лучше, но он по-прежнему чувствовал его. Этот зов. До...

До этого дня. Теперь он с теплотой вспоминал прежнюю жизнь на севере, но больше не хотел ее вернуть. Здесь у него – жизнь, которую он любил не меньше. Может, даже больше, учитывая, как тепло становилось на душе от смеха Макса. Здесь... здесь теперь его место. Более того, здесь ему хотелось быть.

Осознание успокоило его. Он наконец-то... перестал сожалеть. Так?

Широко улыбнувшись, он подхватил Макса и крепко обнял, несмотря на то что тот еще с младенчества не слишком любил обниматься и постоянно извивался. Вскоре они начали игру, которую Макс изобрел несколько месяцев назад. Макс бросал соломенный мячик с крошечным металлическим утяжелителем в центре, а Вакс пытался закинуть его на крышу ближайшего здания. Солома ничего не повредит, а с помощью металла можно было целиться. Затем они прыгали на соседнюю крышу и подбирали мячик. Макс бросил, но Ваксу не удалось зашвырнуть мячик достаточно далеко.

– Кидай повыше, – предложил он сыну.

– Если брошу слишком высоко, он нам на голову упадет, – возразил Макс. – А я хочу, чтобы он вон на тот дом улетел.

– Высота важнее всего, – ответил Вакс. – Поверь мне. Чем выше подбросишь, тем дальше полетит.

Макс попробовал. С большей высоты Вакс легко закинул мячик на ту крышу, куда хотел сын. Они спрыгнули за ним. Интересно, что думали жильцы ближайших небоскребов, видя, как мимо окон носится сенатор с ребенком за спиной?

К сожалению, игра увлекла его ненадолго. Через полчаса, запрыгнув на крышу очередного небоскреба, Вакс замер, завороженный зрелищем. Малвийский корабль, замеченный ранее, приближался.

Деревянная конструкция, движимая гигантскими пропеллерами, зависла над Эленделем. Ваксу было известно, что в Бассейне проектировали воздушные корабли на гелии или горячем воздухе. Но даже при самых оптимистических прогнозах эти корабли не могли поднимать такие большие и тяжелые кабины, как малвийские. Их корабль напоминал летающую крепость.

Он был не торговым, как сначала показалось Ваксу, а военным. Демонстрация силы, но не враждебности. Он летел медленно и низко. Это – не угроза, а своего рода спектакль.

С крепко пристегнутым за спиной сыном Вакс взмыл повыше, желая выяснить, с какой целью прибыл корабль.

8

В конце концов Мараси удалось найти лестницы, спуститься в расщелину и подняться с другой стороны. Она приблизилась к главной пещере, едва держась на ногах и вздрагивая при воспоминании об услышанном и сделанном. Но без улик она не осталась: обыскав труп, нашла записную книжку с количествами и датами поставок.

Также она раздобыла кое-что более опасное. Четыре штыря. Тот, что был покрыт красными пятнами, почему-то не любил соприкасаться с остальными, отталкиваясь от них при приближении. Поэтому Мараси замотала их в тряпки и рассовала по отдельным карманам.

Протиснувшись за укрепленную металлическую дверь, она увидела суший хаос. Судя по отметинам на полу, большой взрыв породил череду маленьких. Всю пещеру усыпали осколки, обломки оборудования и трупы, коих было пугающе много.

Посреди всего этого сидел оборванный Уэйн и играл в карты с несколькими плененными гангстерами. Их руки были связаны за спинами, поэтому он сам раскладывал карты для них.

– Приятель, ты совсем сдурел с этого ходить? – Уэйн покосился на карту, которую пленник потыкал большим пальцем ноги.

– Это сильнейшая карта, – ответил бандит.

– Да, но ты уверен? – Уэйн присмотрелся к собственным картам.

– Ну... пожалуй.

– Блин! – Уэйн сбросил свою руку. – Кладу три восьмерки поверх девяток. Ты выиграл.

– Э... – промямлил другой пленник. – Ты же видишь наши карты. Почему ты так ходишь?

– Дружище, я играю так, как будто бы их не видел, – ответил Уэйн. – Иначе в чем интерес? Одно дело смухлевать, но раз ваши картишки у меня перед носом разложены... с тем же успехом можно самому с собой поиграть. Есть хитрые способы сделать такую игру веселее.

Мараси запнулась. Она насчитала пятнадцать задержанных в различном состоянии пленения. Как Уэйн и говорил, ему удалось противодействовать замедляющим пузырям с помощью ускоряющего и перехватать бандитов поодиночке. Его умения управлять способностями поистине невероятны.

Ее не удивило такое большое количество взятых живьем. Уэйн всегда предпочитал не убивать, и она разделяла его мнение. А вот что касается карточной игры... впрочем, и это было не столь удивительно. Мараси уже привыкла к выкрутасам Уэйна.

– Уэйн, мог бы и помочь. – Она присела на останки большого ящика.

– Пока я возился с этими ребятами, ты уработала парнягу в костюме, – ответил Уэйн. – Я увидел, что ты отдыхаешь, и решил не мешать.

Она даже не заметила. Ржавь, как же болело плечо. Мараси поморщилась и осмотрелась.

– Ну, э-э... – начал Уэйн. – Блин. Не говори мне, что ты теперь людоедством промышляешь.

Мараси опустила взгляд на пропитанную кровью форму.

– Людоедством? Других ассоциаций не нашлось?

– А какие еще могут быть ассоциации при виде девушки в крови? – удивленно ответил Уэйн. – Печенку поверженных врагов ест, как пить дать. Если что, я не осуждаю.

– Не осуждаешь? Уэйн, это же не заслуживает никакого снисхождения.

– Ты права. В таком случае выражаю тебе свое искреннее «фи».

Мараси тяжело вздохнула.

– И только я подумала, что привыкла к твоей уэйновости. – Она достала штыри, каждый был длиной в шесть дюймов и оканчивался толстой шляпкой, за исключением наименьшего и наиболее интересного, тонкого и едва достигающего четырех дюймов. – Вытащила из тела Цикла. Если бы оставила, он бы исцелился и ожил.

– Как? – удивился Уэйн. – Это так не работает.

– У него работало. Скорее всего, причина в этом штыре.

– Это что?..

– Треллиум? Да. Почти наверняка.

– Нужно будет отпраздновать. – Уэйн присвистнул. – Для меня печенка осталась?

Мараси смерила его уничижительным взглядом, но он лишь улыбнулся.

– Он шутит, – сказала она заволновавшимся гангстерам. – Мы людей не едим.

– Эх, Мараси, – вздохнул Уэйн. – Я тут усердно репутацию зарабатывал, а ты все испортила.

– Мы вломились к ним в пещеру, одолели жоака, взорвали почти весь товар, перебили половину и задержали остальных. Думаю, твоей репутации ничто не угрожает. – Она сощурилась, заметив, что все пленники были босиком. – Позволь спросить, зачем ты отнял у них обувь?

– Шнурки понадобились, – ответил Уэйн, и Мараси поняла, чем связаны руки бандитов. – Старый приемчик из Дикоземья на случай, если веревки не хватает. – Он кивнул в сторону, предлагая отойти и побеседовать с глазу на глаз. – Мараси, пленников много, и шнурки их надолго не удержат. В любой миг кто-нибудь достанет нож, который я не заметил при обыске, а может, и пистолет. Так что...

– Мгновенная подмога? – спросила она.

– Ржавь, нравится мне это кодовое имя.

– Если так я скорее доберусь до ванны, то давай. Иди в ту дверь, откуда я вернулась. В расщелине найдешь лестницы, а где-то дальше должен быть выход в город. – Она задумалась. –

Взглянешь еще разок на труп? Меня не покидает беспокойство, что я проглядела штырь и этот парень поднимется и захочет мне отомстить.

– Заметано, – ответил Уэйн, оглядываясь напоследок. – Хорошо мы постарались.

– Взорвали все вокруг и убили того, кто мог бы предоставить важные сведения.

– Главное, живы остались. А еще остановили банду контрабандистов, защитили город, не позволили врагу получить ценную амуницию и раздобыли редкие металлы. Как по мне, отлично сработано, ржавь побери. Мараси, хватит тебе прибедняться.

Пожалуй, он был прав. Недооценивать себя она привыкла с самого детства. Поэтому она кивнула, принимая комплимент, и почувствовала, как с плеч гора упала. Уэйн убежал прочь, а она направилась к связанным бандитам, угрожающе держа пистолет.

Судя по взглядам, дополнительного устрашения не требовалось.

– Вам повезло, – сказала она, в первую очередь чтобы отвлечь их. – Вас ждет справедливый суд. Только не делайте глупостей. – Она порылась в кармане и достала записную книжку, слегка пропитавшуюся кровью. – Я зачитаю вам ваши права. Слушайте внимательно, чтобы не забыть, какая защита и какие судебные привилегии вам положены.

Открыв книжку, она разожгла кадмий и подняла пузырь замедленного времени, накрыв всех пленников. Оставалось надеяться, что лекция увлечет их, иначе они могут заметить, что пламя за пределами пузыря гаснет слишком быстро.

Других подсказок, кажется, не было. На поверхности подвох можно было легко понять по движению солнца, падению листьев, стремительному перемещению пешеходов. В пещере ничего этого не было. В замедленном времени для Мараси и гангстеров должны были пройти считанные минуты, пока Уэйн не приведет подкрепление из полиции.

Закончив чтение, Мараси медленно обошла пленников, не убирая пистолет и продолжая жечь металл. Некоторые резко замирали при ее приближении; очевидно, они пытались распутать узлы на запястьях. Уэйн оказался прав. Столь большое число пленников могло вызвать опасную ситуацию. Чем быстрее придет подмога, тем лучше.

А пока Мараси задумалась о Цикле, чьи слова напомнили ей последнюю речь Стожильного Майлза. «Наступит день, и люди в золотом и красном, носители последнего металла, придут к вам. И вы покоритесь их власти».

Она дотронулась до треллиумового стержня в кармане.

«Надвигается пепел», – сказал Цикл.

Это было невозможно. Пепельный Катаклизм ознаменовал гибель и возрождение мира. Пепельные осадки остались в старых легендах и сказках. Теперь, когда кругом горели электрические фонари, а по улицам ездили автомобили, подобное не могло повториться. Ведь так?

Она поехала и покосилась на дверь в углу пещеры, надеясь увидеть там констеблей. С облегчением заметила размытое пятно, означавшее, что кто-то пришел. Мараси едва не сбросила пузырь, но вовремя спохватилась, поняв, что там всего лишь один человек. Кто? Уэйн? Размытый силуэт приблизился к границе пузыря и на миг остановился.

Этого мига хватило, чтобы Мараси разглядела женскую фигуру в темной одежде и черной тряпичной маске на лице. Не малвийской, а такой, какие частенько надевают воры, чтобы оставаться незаметными в ночи. Женщина была стройной, с прямыми черными волосами. Она на мгновение встретилась взглядом с Мараси и вновь расплылась.

Мараси уже была готова сбросить пузырь, но все слишком быстро закончилось. Пока она гадала, что происходит, в пещеру коричневыми пятнами ворвались констебли. Секунду спустя в пузырь замедленного времени вскочил Уэйн. Он воспользовался своим талантом, чтобы нейтрализовать талант Мараси и восстановить обычное течение времени.

Ржавь, могла ли она научиться так же умело обращаться со своими пузырями? Ее рабочий график был так загружен, что свободного времени на тренировки не оставалось, но все же... мастерство Уэйна поражало. Казалось невероятным, что замедляющий пузырь больше

на нее не действовал. Она повернулась к застывшим гангстерам, один из которых сумел-таки развязаться и теперь пытался сбежать.

– Ты как раз вовремя, – сказала Мараси, обратив внимание, что констебли уже выстроились вокруг с сетями и веревками. – Уэйн... тебе кто-нибудь встретился по дороге?

– Нет, – ответил он, нахмурившись. – А должен был? Твой покойничек на месте, в том же виде, в котором ты его упокоила.

– Кто-то входил сюда секунду назад, – сказала она. – В реальном времени... может, минут пятнадцать назад? Она посмотрела на нас, затем скрылась.

– Странно. Штыри на месте?

Мараси проверила карманы. Три штыря с одной стороны, один с другой. Нетронуты.

– Да. Давай сбрасывать пузыри. Готов?

Уэйн кивнул. Они сбросили пузыри, и Мараси тут же раздала приказы констеблям. Те методично сомкнули ряды, остановили одинокого беглеца и крепче связали остальных. Полицейские врачи на всякий случай осмотрели трупы, пока другие собирали улики. Те, что не взорвал Уэйн.

– Пойдем, – предложил Уэйн. – Дальше они сами справятся. Покажем Ваксу находки.

– Сперва бы помыться, – заметила Мараси. – Уэйн, от тебя разит так, что мне даже не хочется знать, как пахнет от меня. Но ты прав. Нужно обсудить все с Ваксиллиумом.

И не только штыри. Красные глаза и загадочную смерть. «Вас ждет заслуженная кара; все живое увянет под черным облаком, а землю укроет прах сожженных тел». Оставив других констеблей работать, она проследовала за Уэйном к выходу.

9

Прибытие военного корабля было громким событием, но не беспрецедентным. Они прилетали и раньше, получив необходимое разрешение.

Даже несмотря на то, что корабль шел на низкой высоте, Вакс не мог добраться до него с помощью алломантии. Чтобы толкнуть себя так высоко, требовался либо якорь огромных размеров, либо... металлы, к которым у него больше не было доступа.

Когда-то он держал в руках их все. Мимолетный прилив невероятной силы, как будто он испил из самого Источника Вознесения. Но лучше было не вспоминать о Браслетах Скорби, иначе все прочие воспоминания казались унылыми.

В этот день он привлек к себе внимание несколькими высокими прыжками рядом с кораблем. С корабля послали скиммер, чтобы подобрать их с Максом. На борту им выдали медальоны для снижения веса, хотя Ваксу такой не требовался. Когда он его вернул, малвийские воздухоплаватели заметно испугались, осознав, что он двурожденный.

Из пяти народов, населявших Южный Континент, с малвийцами Вакс встречался чаще всего. Они единственные прислали в Элендель посла. В последнее время официальное взаимодействие с Югом все больше шло через них. Насколько Вакс мог судить, за шесть лет Южный Континент пережил больше политических преобразований, чем Бассейн. Прежние ожесточенные конфликты угасли, государствам удалось достичь взаимопонимания. Зачем драться друг с другом, когда на севере живут демоны, способные напасть в любое мгновение? И не важно, что народ Вакса до сих пор не умел строить воздушные корабли.

Через несколько минут скиммер, напоминавший обликом летающую рыбацкую лодку без верха, пришвартовался к большому кораблю. Вакс отстегнул сына, и теперь тот терпеливо стоял, держа отца за руку. Попасть на борт воздушного корабля было для Макса настоящим приключением, и Вакс чувствовал, как сын вздрагивает от нетерпения. Едва их впустили на палубу – в коридор, отделанный темным деревом, с выпуклыми, как у трубы, стенами, – Макс отдал честь вышедшему к ним офицеру.

Судя по вычурной маске, это был не кто иной, как сам капитан. Маска была деревянной, резной, украшенной у глазниц узором из шести разных металлов. Мужчина посмотрел на ребенка, но, в отличие от констеблей, которые обычно весело отвечали Максусу на приветствие, не сделал ответного жеста. Маску он также не поднял.

– Достопочтенный металлорожденный, – обратился капитан к Ваксу с легким кивком, – и... простите, если ошибаюсь: достопочтенный прежний носитель Браслетов?

– Так точно, – ответил Вакс.

– А также присвоитель Браслетов, которые должны быть возвращены законным владельцам.

– Он самый. Надеюсь, вам не нужно напоминать, что я отдал Браслеты кандрам по договору, чтобы ни один народ не мог пользоваться их силой.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

– Адмирал Даал, – несколько неохотно представился малвиец. – Добро пожаловать на мой бывший корабль, Благословенный Вор.

– Бывший? – уточнил Вакс.

– Меня назначили новым послом Малвийского Содружества в вашей стране.

Малвийского... Содружества? Очевидно, объединение южных государств завершилось.

– А как же Йоннес? – спросил Вакс.

– Она вернется домой, – ответил Даал. – Было решено, что она слишком... влилась в здешнее общество.

Просто замечательно. Такие вот политические преобразования. Пожалуй, лучше ограничиться простым обменом любезностями, чтобы ненароком не усугубить межгосударственные трения.

– Тогда позвольте мне первым из сенаторов поприветствовать вас в Бассейне, – сказал Вакс. – Пусть между нашими государствами процветают согласие и выгодная торговля.

– Выгодная? – переспросил Даал. – Разве что для вас.

– Для обеих сторон. Вы ведь теперь можете пользоваться услугами наших алломантов.

– С ограничениями, – парировал посол. – И эти ограничения слишком серьезны, чтобы сравнивать с роскошными подарками, что получили вы.

– Три скиммера и горстка медальонов? Все это бесполезно, если у нас нет технической возможности поддерживать их в рабочем состоянии или создавать аналоги.

– Вы же не рассчитываете, что мы с вами и производственным оборудованием поделимся? Мы продаем товары, а не фабрики.

Всякий раз, когда они пытались выведать больше информации о медальонах у тех, кто в этом разбирался, от них отмахивались. Очевидно, такое поведение можно было списать на торговую тайну, но лишь отчасти. В диалогах с Алликом удавалось проследить несоответствия между его словами и реальной ситуацией. Если малвийцы умели с помощью ферухимии увеличивать физическую силу, скорость ума и прочие способности, то почему в их армии не было ни одного солдата-ферухимика? Почему не существовало алломантических медальонов? Чем больше они узнавали, тем сильнее Вакс уверялся в том, что есть какой-то подвох; что медальоны не настолько эффективны и многофункциональны, как уверяли малвийцы.

«Да, – подумал Вакс, – станешь тут беспокоиться о случайном усугублении политических трений...»

Он молча уставился на адмирала. Между ними повисло напряжение, как между дуэлянтами.

– Гм... Пап? – Макс потянул его за рукав.

– Чего? – отозвался Вакс, не опуская взгляда.

– Какать хочу.

Вакс тяжело вздохнул. Пятилетний ребенок ничуть не помогал снизить градус дипломатического напряжения. Впрочем, могло быть и хуже. Он ведь мог и Уэйна привести.

– Есть у вас туалет? – спросил он Даала.

– Подождет.

– Посол, у вас есть дети?

– Нет.

– Тогда запомните: пятилетние дети не могут ждать.

После очередной напряженной паузы адмирал вздохнул и развернулся, пригласив следовать за собой мимо матросов в масках. Вакс с сыном пошли. После длительного общения с Алликом и другими южанами Вакс чувствовал себя спокойно среди масок. И все же череда темных глаз выглядела несколько угрожающе. Никто не произносил ни слова, никто не приподнимал масок. Ваксу приходилось и выпивать, и веселиться с малвийцами, но эта команда, несомненно, была из другого теста.

Даал жестом указал на галюн.

– Ничего себе! – воскликнул Макс, заглядывая внутрь. При его приближении зажегся электрический свет. – Как тут мало места! В самый раз для меня!

– Сын, давай побыстрее, – поторопил Вакс.

Макс закрыл дверь и принялся делать свои дела, тихонько напевая. Ваксу стало неловко перед адмиралом. Пришлось признать, что тут Уэйн не помешал бы. Он как никто умел снизить градус напряжения... спровоцировав напряженность другого сорта. Такого, когда ты и твой оппонент смущаетесь настолько, что приходите к взаимопониманию.

«А вдруг он специально так делает?» – задумался Вакс. С Уэйном никогда нельзя было знать наверняка. Порой он делал весьма проницательные замечания, но всякий раз разрушал положительное впечатление о себе. Но кто знает...

– Браслеты Скорби, – спросил Даал, – они же в безопасности, ага?

– Полагаю, – ответил Вакс. – Я их не видел с тех пор, как передал.

– На границе города я заметил орудия. Мне о них докладывали. Какая у них предельная дальность? Тысяча футов? Две?

Вакс не ответил. Она была чуть больше, но, что бы там ни утверждала пропаганда, ненамного, особенно если стрелять вертикально вверх. Переданные Бассейну скиммеры могли летать на высоте в полторы тысячи футов. Но Вакс точно знал: некоторые малвийские корабли способны подниматься туда, где воздух становился настолько разреженным, что человек мог умереть, задержавшись там сверх необходимого.

– Я все думаю, – произнес Даал, – что случилось бы, встретись наши народы в более... воинственную эпоху? Одна бомбардировка, и от вашего города осталась бы груда камней.

– Значит, хорошо, что мы встретились сейчас, – ответил Вакс.

Адмирал повернулся к нему, глядя сквозь инкрустированные металлом глазницы маски.

– Что бы вы сделали, если бы мы просто напали?

– Не знаю, – признался Вакс. – Но вам бы пришлось гораздо тяжелее, чем вы думаете.

– Я нахожу странным, что ваши газеты постоянно повторяют одно и то же. Восхваляют убийц-кандр и солдат-алломантов. Хотя я знаю, что ваши бессмертные демоны не способны никого убить. А алломанты... скажите, как вы попали на этот корабль? Своими силами, или...

Какой милый человек.

– Разумеется, – не унимался Даал, – мы живем не в столь... жестокие времена. Достопочтенный двурожденный, я не собираюсь развязывать войну. Не смотрите на меня таким оскорбленным взглядом. Но я солидарен с теми из нас, кто считает, что ваш народ пользуется нашей... мягкостью. Особенно в случае с Браслетами Скорби. Они принадлежат нам и должны находиться у нас.

Ваксу хотелось поспорить. Объяснить, что Браслеты нашли на территории Бассейна. Их создал мастер с Севера, а не с Юга. Что в отношении них был принят справедливый договор. Но посол, очевидно, провоцировал его, а Вакс, какие бы заслуги за ним ни водились, не мог говорить за весь Элендель. Он был лишь одним представителем народа из многих.

Он не собирался вестись на провокации.

– Об этом вы можете побеседовать с губернатором и нашими законодателями. И может быть, с Богом.

Адмирал в маске пристально посмотрел на него, но ничего не сказал. Ржавь, если трения усилятся...

«Хуже момента не придумаешь», – с досадой подумал Вакс. После принятия акта о главенствующей роли Эленделя Бассейн мог утратить политическое единство. Как на это ответят на Юге? Даал обещает, что войны не будет, но вдруг южане решат, что ослабленный Бассейн – легкая цель?

При первой встрече южане были восхищены. Северная земля, кишачая металлорожденными и ходячими легендами? Но чем больше они взаимодействовали, тем сильнее каждая сторона убеждалась в том, что в другой стороне нет ничего особенного. Легендарные герои оказывались обычными людьми. А убивать людей обе стороны прекрасно умели.

Макс наконец-то вышел, демонстрируя влажные руки в подтверждение того, что он их помыл. Даал отвел их назад, и Вакс снова пристегнул сына к портуpee.

– Рад был встретиться с вами, Ладриан, – сказал посол. – Это было весьма полезно, ага? Позволяет понять, в какие истории верить.

– И в какие же?

– В правдивые, разумеется, – ответил Даал, жестом скомандовав матросу открыть двери. В проеме им явился город. – Не сомневаюсь, что проведу здесь время с пользой.частливого дня, сенатор.

Со вздохом Вакс спрыгнул с корабля под радостное улюлюканье Макса, для которого пребывание на корабле, очевидно, стало вершиной и без того запоминающегося дня.

Вакс осторожно замедлился с помощью толчков, после чего быстрыми короткими прыжками вернулся к башне Альстром. Пентхаус был оборудован посадочной платформой, и спустя несколько секунд они уже оказались внутри. Вакс предусмотрительно запер за собой дверь.

Стерис укладывала Тиндвил спать. Вскоре она вышла в гостиную и увидела, что Макс собирает мозаику, а Вакс смешивает коктейль.

– Мам! – обернулся Макс. – Я покакал на воздушном корабле!

– О! – воскликнула Стерис с энтузиазмом, который такая тема может пробудить лишь у матери. – Ничего себе!

– Смотри, какая у них странная туалетная бумага! – Он поднял прихваченный с корабля клочок. – Белая, а не коричневая! Я на нее поменялся, как дядя Уэйн учил!

– Ну да. И что ты оставил взамен, сынок?

– Ну... – Макс смутился. – Это...

– Ясно. Как же иначе. – Стерис подошла к Ваксу за барной стойкой и приобняла его за талию. – Что случилось?

– Новый посол не шибко нас жалует, – ответил Вакс. – Хочет вернуть Браслеты. Сыплет расплывчатыми угрозами.

– И выбрал для этого лучший день, – заметила Стерис.

– Ты в точности спрогнозировала их объединение, – сообщил Вакс. – Посол объявил о создании нового содружества государств под малвийским флагом.

– Нам это не на пользу. Принятый сегодня акт будет представлен сенатом как попытка построить страну из грызущихся между собой городов в пику малвийскому империализму.

– Внутренняя уzurпация, – произнес Вакс, потягивая коктейль.

Иногда он критиковал элендельский виски... но, по правде говоря, здесь можно было добыть поистине потрясающие напитки. Крепкие, плотные, со сложным букетом. Он полюбил их больше, чем произведенные в Дикоземье, и уж точно они были лучше того, что гнал в своей ванне Джуб Хендинг. От его пошла кожа слоями облезала. А вот по хорошему дикоземскому пиву Вакс скучал.

– Ладно. У меня есть потенциально хорошие новости, – сказала Стерис, доставая из кармана конверт. Она категорически отвергала юбки без карманов, какими бы модными они ни были. – Прислали, пока тебя не было.

Вакс достал из конверта карточку.

Приходите в особняк к трем. Есть важные новости.

Мараси

Они со Стерис переглянулись.

– Макса возьмем? – тихо спросил Вакс.

– А взрывы по программе запланированы? – спросила Стерис.

– С нами никогда не предугадаешь...

– Значит, останется с Кэт. К тому же к нему должен прийти учитель истории.

Вакс кивнул.

– Схожу сполоснусь, и пойдем.

10

Вернувшись в полицейское управление Четвертого октанта, Мараси сразу почувствовала себя лучше. Она помылась и переоделась в любимую форменную рубашку, пиджак и юбку до голеней.

Сыщикам по особым делам было необязательно носить форму, но Мараси все равно носила. Форма была своего рода символом. Она означала, что Мараси представляет не только себя, а жителей всего Бассейна, и защищает их интересы. При виде констебльской формы люди успокаивались – по крайней мере, те, кто чувствовал себя безопаснее в присутствии констебля. А для тех, кто промышлял темными делишками, она служила предупреждением, напоминанием, что закон работает.

Когда она вошла, младшие констебли в штаб-квартире отложили рапорты и прекратили болтовню, устремив взгляды на Мараси. Затем раздались аплодисменты.

Ржавь, ее всегда это смущало. Зачем коллегам тебе аплодировать? Почти все новобранцы – в основном женщины – тарачились на нее, когда она проходила мимо. А Вильгельметта и Гемдвин так и вообще подались в констебли, вдохновленные ее примером.

Ее охватывали из-за этого противоречивые чувства. С одной стороны, хотелось бы, чтобы газеты уделяли ей поменьше внимания. С другой – если это вдохновляло других женщин...

Так или иначе, она была рада, шагая по коридорам мимо кабинетов старших по званию констеблей. Некоторые из них тоже поздравили ее. Кое с кем она даже поболтала, расспросила о ходе исследований. Как бы ей ни хотелось заниматься исключительно своей работой, обмениваться мнениями было важно. Никогда не знаешь, где понадобится чужой опыт.

К тому же было приятно обзавестись друзьями среди коллег. На это понадобилось немало времени.

Наконец она подошла к кабинету Редди. В дверях ей встретился констебль Горглен, высоченный, едва не достававший головой до потолка. Он кивнул ей и пропустил. Редди хмуро склонился над столом у дальней стены просторного кабинета. За прошедшие годы его длинные усы поседелели, и Мараси бросалось в глаза, что форма главного констебля тяготит Редди. Он, считай, перекавалифицировался из полицейских в политики, значительную часть времени проводя на встречах с городскими властями.

– Констебль Колмс, – обратился он к ней, почесывая подбородок. – Может, вы в этом разберетесь? – Он показал грубую зарисовку, изображавшую констебля Горглена в образе жирафа в форме. Внизу было подписано: «Одобрено экспертами».

– Я поговорю с Уэйном, – пообещала она.

Редди тяжело вздохнул и убрал рисунок в толстую папку на краю стола. В ней хранились все жалобы на Уэйна. В какой-то момент Редди перестал убирать ее в шкаф.

– Приношу свои извинения, сэр, – произнесла Мараси.

– Извинения? – удивился Редди. – Ржавь, констебль. Извинения? Скольких вы сегодня задержали? В любом случае не извиняйтесь за него. Подозреваю, если бы вы не приглядывали за констеблем Уэйном, эта папка была бы раз в десять толще.

– Он прекрасно справляется, если его подталкивать... к продуктивной деятельности, – улыбнулась Мараси.

Редди фыркнул и взял другую папку.

– Он весьма забавно меня пародирует. Только не говорите ему. А вот о том, что его опять искала эта парочка в котелках, предупредите.

– Вы знаете, кто они? – спросила Мараси.

– Представители какой-то финансовой конторы. Наверное, коллекторы, – предположил Редди. – Похоже... Уэйн задолжал денег важным шишкам. Из тех, с кем даже мне не сладить.

– Я разберусь, – со вздохом сказала Мараси. Браслеты Гармонии... хотелось бы верить, что Уэйн не украл чего-то действительно ценного.

– Хорошо. – Редди постучал по папке костяшками пальцев. – Губернатор мне на шею сел, требуя доказательств незаконных поставок оружия в Отдаленные Города, и вы их предоставили. Спасибо, Мараси. От всего сердца.

– Сэр, я надеюсь добыть еще информацию, – ответила она. – У главаря контрабандистов была записная книжка, где указаны весьма любопытные данные о поставках. – Она достала книжку и показала Редди в открытом виде. – Нужно снять копии и дать дешифровальщикам на случай, если мы что-то пропустили. Но я уже обнаружила много интересного.

Она указала на первые страницы.

– Вот здесь указаны результаты тестовых поставок, которыми занимался Цикл, проверяя, что можно провезти в Элендель, не привлекая внимания таможни и инспекторов.

– Подождите, – перебил Редди. – В Элендель? Не наоборот?

– Именно так.

– Запретов на ввоз товаров в Элендель нет, – сказал главный констебль. – Эта банда нарушала закон, вывозя товары из города.

– В этом-то и загадка, – ответила Мараси. – Перечень товаров весьма банален. Продукты, древесина... но они отметили все, что подверглось досмотру, какие габариты сочли подозрительными и так далее.

– Это весьма... смущает, – признался Редди. – Хуже того, я не знаю, какие выводы делать.

– Я разберусь, – пообещала Мараси. – А пока попрошу писарей скопировать записи. Это неопровержимые доказательства того, что конфискованное сегодня оружие и взрывчатка предназначались для отправки в Билминг. Эта партия, как и многие другие, отправлялась из города. – Мараси задумалась. – У меня есть идея.

– Выкладывайте...

– Мне понадобится разрешение на проведение расследования за пределами города. И если возможно, новости по этому делу следует держать в тайне от прессы. Пусть другие констебли не болтают. Понимаю, задача сложная, но это поможет мне выследить тех, кому предназначался товар.

– Что у вас на уме?

– Если верить этой книжке, кто-то в Билминге ожидает поставку весьма скоро. Оружие, взрывчатку и... продукты.

– Совпадает с найденным в пещере. – Редди сверился с первичным отчетом. – Там было много продуктов.

Весьма любопытно. Зачем поставлять в Отдаленные Города сухпайки? Для солдат? Или моряков?

– Как бы то ни было, – сказала Мараси, – сейчас Круг старается держаться тише воды ниже травы. В пещере не было радио – слишком глубоко, чтобы проходил сигнал, – и наши враги, скорее всего, до сих пор не знают, что банда задержана. А значит...

– ...мы можем отправить товар, – закончил за нее Редди. – И если повезет, задержать тех, кто за этим стоит.

– По крайней мере, продвинуться в поисках руководителей.

– Они наверняка будут ждать кого-то из своих. – Редди снова почесал подбородок. – Маскарад долго не продержится.

– Сэр, у нас есть труп Цикла.

– Колмс, вы ведь понимаете, что многие вообще не верят в существование тайной организации, за которой вы гоняетесь?

– Сэр, а вы верите?

– Все, кого мы допрашивали шесть лет назад, очевидно были в чем-то замешаны, – сказал Редди. – Но я до сих пор не уверен наверняка, что это не просто заговор Отдаленных Городов. Да и не нравится мне думать, будто здесь замешано какое-то злое божество. Но я уже усвоил, что против вас лучше не ставить.

– По крайней мере, вы должны признать, что дядя Ваксиллиума был вовлечен в некую военизированную группировку.

– Это так, – согласился Редди. – И кто-то убил его в тюрьме заодно с подельниками. Если вы считаете, что это Круг, я поверю вам на слово. Но, прошу, не забывайте: губернатор и его окружение хотят, чтобы мы сосредоточили усилия на предотвращении угрозы, исходящей из Отдаленных Городов, а не на поисках тайного общества, которое может дергать за ниточки за кулисами.

– Так точно, сэр, – ответила Мараси. – Но я считаю, что мы можем достичь обеих целей. Большинство задержанных – не члены Круга, а простые уличные гангстеры. Полагаю, единственным, кто контактировал с Кругом, был хозяин этой записной книжки. Это объясняет отсутствие радиосвязи. Он не мог рисковать быть подслушанным до поставки, поэтому в Билминге не станут ждать от него вестей. Думаю, мы сможем их облапошить. У нас ведь есть труп.

– Постойте. Как труп нам поможет?

– Хочу попросить Гармонию одолжить нам кандру, чтобы изобразил этого Цикла на время операции. Уэйн сыграет роль подручного; у него отлично получается имитировать билмингский говор.

– А. Ну... хорошо. – Редди почувствовал себя неловко, услышав, как фамильярно она отзывается о Гармонии, особенно учитывая, что ни разу не встречалась с ним лично. Она куда лучше знала Смерть, чем Бога.

Так или иначе, Редди не любил связываться с кандрами. Безликие Бессмертные доводили его до мурашек еще с дела Кровопускательницы. Он бы предпочел, чтобы Мараси делала свои дела, не рассказывая подробностей. Но ей хотелось, чтобы все было по правилам.

В департаменте имели право знать, как Мараси добивается результатов – с помощью малвийских устройств, одолженных у Аллика, и благодаря связям с Безликими Бессмертными. Сама Мараси изначально надеялась, что ее репутация опустится до разумного уровня, когда люди об этом узнают. Но ошиблась. Тем не менее у этого были свои преимущества.

– А что с моими предложениями по реформированию департамента? – спросила она. – Надзор за трущобами, полноценные тренировки констеблей? Есть подвижки?

– Другие главные констебли согласны по всем пунктам, – ответил Редди. – Только Джеммс артачится, но, думаю, после сегодняшнего дня поменяет мнение. Останется получить лишь подпись губернатора. – Он прищурился. – Мне нравится ваша идея по контрабанде. Составьте подробный план.

– Есть, сэр. С этим нельзя тянуть.

– Полная поддержка департамента вам гарантирована, – уверил Редди. – Губернатор тоже будет доволен сегодняшними результатами и наверняка согласится выделить дополнительные средства. Пока вы составляете план, я отправлю людей, чтобы восполнить запас уничтоженных товаров.

– Благодарю вас, сэр. – Мараси с удовлетворением вздохнула.

– Констебль, что-то не так? – поинтересовался Редди.

– Нет, сэр, – ответила Мараси. – Просто... радуюсь тому, какой путь выбрала и куда он меня привел.

– Радуйтесь в свободное время, констебль!

Мараси уставилась на Редди, и тот одарил ее редкой улыбкой.

– Мне положено так говорить, – признался он. – Губернатору нравится, когда я груб с подчиненными. Это соответствует его ожиданиям. Кстати, чуть не забыл. Констебль Матью говорил: вы что-то хотели мне показать? Что-то, о чем умолчали в рапорте. Эту книжку?

– Кое-что еще, сэр, – ответила Мараси, вытаскивая из наплечной сумки штыри. – Пожалуйста, передайте эти три в университет на экспертизу. – Она оставила четвертый, более тонкий. – А вот этот я пока придержу.

– Разрушитель... – прошептал Редди. – Это что, атиум?

– Нет, но не менее легендарный металл. Думаю, это треллиум, металл, не встречающийся в нашем мире.

Редди пристально посмотрел на нее. Разговоры о других мирах тоже смущали его, и Мараси подозревала, что главный констебль так до конца и не поверил в ее рассказы о Трелле.

– Не с его ли помощью тюрьму взорвали? – спросил Редди.

– Не знаю, верить ли этой версии, – призналась Мараси. – На теле дяди Вакса этого металла так и не нашли.

– Все равно будьте осторожны. Если он так же плох, как эттметалл...

– Буду осторожна. Я собираюсь передать его для изучения лорду Ладриану.

Редди фыркнул:

– Он же в отставку ушел.

– Это как посмотреть, – сказала Мараси, убирая треллиумовый штырь обратно в сумку. –

Ради этого может и вернуться.

– Я официально не лишал его констебльских полномочий. – Редди утер лоб платком. – Только пусть не ввязывается в... инциденты. Если он берется за дело, жди беспорядков.

– Постараюсь присматривать за ним, сэр.

– У него, случаем, не осталось еще каких-нибудь родственничков, замышляющих устроить конец света, или полоумных жен со сверхъестественными способностями?

– Если таковые объявятся, заставлю отчитаться. И постараюсь отложить конфронтацию с ними до следующего квартала, чтобы не выйти за рамки бюджета.

– Колмс, что бы я без вас делал, – улыбнулся Редди. – Вы не просто мне работу облегчаете. Хорошо, когда рядом есть разумный человек, способный... ну, уравновесить всеобщее сумасшествие. Ступайте. Разведайте, что к чему, и сообщите, если понадобится помощь.

Мараси кивнула, с чувством глубокого удовлетворения покинула кабинет и прошла обратно по коридору. Она уже многого добилась как в этом деле, так и в жизни в целом. Она пришла всерьез и надолго.

Но ничего ли она не забыла? Мараси отогнала навязчивую мысль и поспешила в столовую, схватила сэндвич и принялась активно жевать. До встречи с Ваксом оставалось мало времени. Тем не менее она не доела и половины, когда уборщица пришла за ее подносом.

– Я еще не доела, – сказала Мараси, показывая половину сэндвича.

– Спасибо, – ответила дама, выхватывая сэндвич у Мараси и откусывая кусок. – Я так голодна!

– Уэйн, – приглядевшись, со вздохом произнесла Мараси. – Что ты вытворяешь?

– Прячусь от этих крохоборов.

– Тех двоих в костюмах и котелках? – уточнила Мараси. – Уэйн, они опять донимали капитана Редди. Кому ты на этот раз задолжал?

– Не твое дело, – пробубнил он с набитым ртом.

Незнакомый с Уэйном человек мог бы подумать, что в переднике и чепчике он выглядел бы нелепо, но на самом деле – да еще и с накладной грудью – смотрелся вполне сносно. В чувстве стиля Уэйну было не отказать. А вот со вкусом – проблемы.

– А я думаю, мое, – парировала Мараси.

– Ничегошеньки подобного, – возразил Уэйн. – Я позабочусь, чтобы они больше не тревожили беднягу Редди. С Ваксом связалась?

– Послала записку. Встречаемся в три.

– Так чего ж мы теряем время на всякие переодевания? За работу!

11

Вакс приземлился у дверей особняка Ладриан, своего семейного дома. Стерис отпустила его, – как обычно, во время полета она вцепилась в него мертвой хваткой, но при этом ни на секунду не переставала радостно улыбаться.

Они поднялись по лестнице, и Вакс открыл замки с помощью особой последовательности стальных толчков. Дверь распахнулась перед ними. Другие жители дома обычно пользовались ключами, но теперь здесь почти никого не осталось. Прислуга переехала в башню с Ваксом и Стерис, а единственный жилец то приходил, то уходил.

– Аллик, это мы! – объявил Вакс.

За последние годы особняк стал не только временным жильем для малвийца, но и терпел ряд иных изменений. В пентхаусе в башне Альстром было тесновато, и Вакс со Стерис хранили здесь материалы для увлечений и хобби.

Стерис заняла три комнаты на верхнем этаже под каталоги, блокноты и учетные книги, и время от времени просматривала их. Она покупала столько, как ей казалось, необходимых вещей – которые теперь доставляли почтой, – что в доме меньшего размера они бы не поместились. Впрочем, Вакс не жаловался; ее скрупулезность вновь и вновь помогала ему в работе.

Стерис зашла в ванную поправить прическу после полета, а Вакс задержался у двери, рядом с которой висели два длинных дикоземных пыльника. Один белый, другой – его старый пыльник – разрезанный на два слоя плотных лент. Туманный плащ. На крючках над каждым пыльником висело по дикоземной шляпе. Нельзя было в полной мере назвать эту композицию памятником, ведь один из тех, кому она посвящалась, был еще жив – просто сменил род деятельности. Тем не менее Вакс остановился, поцеловал кончики пальцев и дотронулся ими до дерева под шляпой Лесси. Это не было ритуалом. Просто привычкой.

Из-за балюстрады второго этажа высунулась голова в маске.

– О, привет! – воскликнул Аллик.

На этот раз его маска была ярко-красной, с желтыми крапинками посередине. В ней он выглядел разгоряченным, как будто лучащимся солнцем. Затем он поднял маску и еще лучезарнее улыбнулся.

Несмотря на невысокий рост, хилое телосложение и нелепую бороденку, с Алликом шутки были плохи. Особенно когда дело касалось выпечки.

– Ваше Преголоднейшество! – крикнул он Ваксу. – Новая партия почти готова!

– Аллик, не начинай! – рявкнул Вакс. – Я сюда не еСТЬ пришел.

– Но еСТЬ-то вы все равно будете, ага?

– Ага, – признал Вакс.

– Вот и славно! – Аллик снова натянул маску и скрылся в комнате на втором этаже, где без конца топил камин, а заодно и духовку, потому что малвийцам никогда не бывает жарко. Фактически он был «младшим послом доброй воли» в Бассейне; его назначили таковым два года назад, когда он изъявил желание на полупостоянной основе поселиться в Эленделе. Вакс был этому рад. О причинах регулярных «случайных» визитов Аллика к Мараси догадывались все.

К тому же его выпечка действительно была отменной!

Мараси с Уэйном запаздывали, и Вакс заварил чаю, пока Стерис пошла наверх за «парочкой» дневников. Она вернулась, едва удерживая в руках добрую пару десятков, и плюхнулась с ними на диван в гостиной. Вакс налил ей чаю и вдруг почувствовал странный запах и с хмурым видом отправился на поиски источника.

Не успел он выудить из кармана туманного плаща половинку старой булочки, как в дверь вошла собака. Большая серо-белая короткошерстная псина, достигавшая Ваксу до пояса.

– Эй, – сказала собака человеческим голосом. – Макс с вами?

– Нет, – ответил Вакс. – Я запланировал парочку экспериментов. Сама знаешь, как они обычно выходят.

– Взрывоопасно? – уточнила собака – Ме-Лаан. – Ну блин. И зачем я тогда превращалась?

– Тебе нравится бегать за палками? – спросил Вакс, выбрасывая заплесневелую булочку. – Мне казалось, большинство из вас терпеть не могут нечеловеческие тела.

– Да, они ниже нашего достоинства, – ответила Ме-Лаан, усаживаясь на задние лапы. – Дело в том, что тело... влияет на тебя. Смертным это сложно объяснить. Оно как одежда. Оденешься с иголки, выйдешь в сверкающий огнями город, и сразу хочется танцевать и веселиться. Наденешь грубые штаны, возьмешь в руки топор, и так и подмывает что-нибудь крушить. Я надеваю такие тела, только когда задание того требует. Но стоит мне их надеть... – Она пожала плечами, что выглядело весьма странно в исполнении собаки. – Ладно, значит, сегодня никаких палок. Пойду переоденусь.

Она направилась в комнату, где Вакс позволил ей хранить сменные тела: кости, волосы, ногти. К счастью, большинство костей были ненастоящими. Ме-Лаан предпочитала тела, которые кандры называли Истинными, из камня, хрусталя или металла.

Вакс вернулся в гостиную к Стерис и успел дочитать до середины свежую газету – мальчик-почтальон ежедневно доставлял их Аллику – когда услышал в прихожей Мараси и Уэйна. Эти двое шумели, как товарный поезд. Вакс покачал головой и глотнул чаю.

– Мы здесь! – крикнула Стерис, и секунду спустя на пороге появился Уэйн. – Уэйн, не мог бы ты хоть иногда вытирать обувь, прежде чем входить в дом? Здесь тебе не Дикоземье.

– Это всего лишь земля, – ответил он. – Стерис, мы с Мараси сегодня побывали в чреве земли, и там было полно того, что обычно бывает в чреве.

– Омерзительное в своей точности описание, – ответила Стерис.

– Ой, не жалуйся. – Уэйн нетерпеливо переступил с ноги на ногу. – Мы такое нашли. Такое!

Подошла Мараси и достала из сумочки нечто длинное и тонкое. Изысканный штырь, похожий на длинный острый гвоздь. Серебристый металл покрывали красноватые пятна, особенно бросающиеся в глаза на свету.

– Неужели нашли?! Как? – У Вакса захватило дух.

– Помнишь, я рассказывала про банду в канализации? – ответила Мараси. – Их возглавлял член Круга, усиленный гемалургией.

– К счастью, – вставил Уэйн, – Мараси шустро с ним разделалась, и этот штырь ему больше не понадобился.

– Технически он мог бы ему понадобиться, – поправила Мараси, – и именно поэтому мне пришлось его извлечь. Вакс, у него было аж четыре штыря. Не столько ли нужно Гармонии, чтобы управлять человеком?

– Предположительно, – ответил Вакс.

С Лесси был тот же случай. Требуемое количество зависело от типа живого существа, но принцип одинаков: вставь в себя достаточно штырей, и Гармония сможет управлять твоим телом. Это свойство гемалургии широко применялось еще в древности, когда Разрушитель напрямую контролировал инквизиторов, включая самого Смерть.

Но потом Мараси стали попадаться члены Круга, обладавшие слишком многими особыми талантами. Поначалу Вакс в это не верил, но с появлением неоспоримых доказательств...

– Наверное, ограничение как-то обошли, – предположил Вакс, разглядывая треллиумовый штырь. – Возможно, дело в расположении этого штыря, в его роли как связующего звена?

– Вакс, – сказала Мараси, – эта банда снабжала Билминг оружием и продовольствием.

Вакс переглянулся со Стерис. Ржавь... В Отдаленных Городах, очевидно, считали, что война неизбежна. А после сегодняшнего голосования шансы еще возрастали.

Спустя столько лет найти еще один треллиумовый штырь... Вакс вспомнил, что случилось с Лесси, но заставил себя не думать об этом. Этот штырь – не из ее тела. Никто не знал, могли ли треллиумовые стержни привести ее к безумию. Кандры утверждали, что виной всему вовсе не штыри, но что-то же направило ее против Гармонии, пробудило в ней манию преследования. Нечто завладело женщиной, которую Вакс любил, и превратило в Кровопускательницу. Он до сих пор отказывался верить, что она поступала по своей воле.

Старые раны давно затянулись, и он смог взять в руки штырь и изучить его. Металл, предположительно, был воплощением божественного тела. Как гармоний, также называемый эттметаллом. Что можно было узнать по этому образцу?

Дверь распахнулась, и на пороге предстала Ме-Лаан в модных голубых брюках и рубашке на пуговицах. В последнее время она предпочитала образы неопределенного пола, с короткими светлыми волосами и почти без груди. Для удобства друзей она оставляла внешность примерно одинаковой. Сегодняшнее лицо, например, походило на ее обычное, только было чуть более узким, менее выражено женственным.

Тело у нее было привычно высоким и гибким, не меньше шести футов и четырех дюймов. На голове красовалось полотенце – она всегда мыла волосы после того, как надевала новое тело, чтобы потом лучше причесать и придать нужную текстуру.

– Ого! – воскликнула она, заметив штырь в руках Вакса. – Это то, о чем я думаю?

– Угу, – ответил Уэйн. – Чтобы его добыть, Мараси пришлось сделать из одного хмыря отбивную.

– Круто! – восхитилась Ме-Лаан.

– Никаких отбивных я не делала, – заметила Мараси.

– Да, она больше по печенке, – сказал Уэйн и удостоился испепеляющего взгляда.

– К слову о мясе, – вставил Вакс. – Это ты мне булочку в карман подложил?

– Ну... – замялся Уэйн. – Это было... ну...

– Понимаешь, что мне теперь придется в прачечную его сдать? Платить за это кто будет?

– Эй, у тебя нет доказательств, что это сделал я.

Вакс лишь просверлил его взглядом.

– Основываясь на одних догадках, приговор не вынесешь. – Уэйн демонстративно сложил руки. – Я знаю свои права. Мараси всегда зачитывает их задержанным, когда мы прекращаем их колотить. Мне полагается суд присяжных.

– Верно, – заметила Стерис. – Но где найти столько бездельников за короткий срок?

Уэйн повернулся к ней и после короткой паузы широко улыбнулся. Вакса радовало, что они наконец-то подружились. Он вернулся к изучению штыря. Какие у него свойства? Можно ли его расплавить? Можно ли...

Он задумался и порылся в заднем кармане. Там лежал подзабытый конверт, который он ранее нашел на столе. Вакс открыл его и достал железную серьгу, традиционный элемент религии Пути и средство общения с Гармонией. Связь с Богом устанавливалась с помощью вставленного в тело металла. Благодаря этому он получал над тобой определенную власть.

«Сделай вторую, когда добудешь нужный металл», – прочитал он снова.

Ржавь. Почему Гармония просит его сделать вторую серьгу, да еще и из треллиума?

Разумеется, никаких объяснений в письме не было. Гармония знал Вакса как облупленного. Загадки привлекали его сильнее, чем объяснения.

Будь он проклят.

Он снова убрал конверт.

– Молодец, – сказал он Мараси. – Просто молодец.

– Спасибо, – ответила та. – Вскоре мы должны выйти на след других членов Круга. Я задумала кое-какую провокацию.

Она повернулась к Ме-Лаан, со сложенными руками прислонившейся к стене. Для той, кто всю жизнь занимался тайными делами, притворялся другими людьми и выполнял поручения самого Бога, кандра любила выделяться. На этот раз она намеренно оставила щеки прозрачными, чтобы из-под кожи проглядывали изумрудные кости.

– Ме-Лаан, мне понадобится твоя помощь, – сказала Мараси. – Есть труп, который нужно поднять и заставить ходить, чтобы обдурить Круг.

– Я бы с радостью. – Ме-Лаан скривилась. – Но... у меня дела...

– Мы тебе поможем справиться побыстрее, – предложила Мараси.

– С этим могут возникнуть трудности, – ответила Ме-Лаан. – Это на другой планете...

– Другой планете? – изумилась Мараси.

– Ну, вернее, между планетами? – уточнила Ме-Лаан. – Я сама толком не уверена. Гармония хочет отправить нас в экспедицию, чтобы узнать больше о Космере. Очевидно, что Космер-то о нас уже знает. – Она кивнула в сторону штыря в руках Вакса.

– Каково это? – спросила Мараси с некой... алчностью в глазах. – Путешествовать туда? Как вы вообще это делаете?

– Это сложно, – ответила Ме-Лаан. – Как попасть на другую сторону, которая является словно бы изнанкой истинного мира, так и перемещаться там. Боюсь, меня отправят уже совсем скоро, но выяснить планы Круга для Гармонии приоритетно. Попрошу его прислать кого-нибудь вам на помощь.

Вакс покосился на Уэйна. Ме-Лаан их покидает. И совсем скоро? Нужно будет хорошенько расспросить друга, что он об этом думает.

В дверях появился Аллик с подносом горячей, с пылу с жару, выпечки.

– Ага! – воскликнул он, приподняв маску, чтобы одарить всех улыбкой. – Все в сборе. Кому коричных булочек с горячим шоколадом? По озабоченным лицам я вижу, что вы вновь задумали спасти мир. Тут без шоколада никуда, ага?

Вакс улыбнулся. Энтузиазм Аллика был заразителен. Он оправился от потери множества друзей несколько лет назад – Круг запытал их до смерти, выведывая информацию о воздушных кораблях.

«Люди гибки, – подумал Вакс. – Мы можем бесконечно перекраивать себя. Даже если нам уже не быть такими, как прежде, это хорошо. Значит, мы растем и развиваемся».

Аллик передал Мараси до смешного огромную кружку горячего шоколада и подмигнул. Она взяла его за руку и с улыбкой пожала. Спустя четыре года флирта и два – официальных отношений эти двое по-прежнему вели себя как школьники. Вакс был в курсе, потому что Стерис делала об этом заметки и то и дело спрашивала, следует ли ей вести себя с ними в равной степени нелепо.

– Вакс, еще кое-что, – сказала Мараси. – У убитого Цикла была записная книжка. Взгляни вот на эту страницу.

Она передала книжку, и Вакс развалился на диване, вслух читая записи и даты. Стерис заглядывала ему через плечо.

– Похоже на... – начал он, – график ввоза товаров в Элендель? «Один ящик, ярд на ярд, с пометкой „продовольственные товары“, досмотрен четыре раза из шести. Большой ящик с пометкой „опасно“, досмотрен и отправлен на карантин. Ящик два ярда на два, конфискован во всех случаях...»

– Похоже, они ведут учет товарам, которые подвергаются досмотру при ввозе в город. – Стерис нахмурилась.

– Странно, правда? – сказала Мараси. – Ввозить товары в Элендель довольно просто. Только вывозимые товары облагаются налогом за использование наших железных дорог. Это наглядно иллюстрирует проблему: Отдаленные Города устали платить нам за посредничество при перевозе их продукции между городами.

– Верно, – согласился Вакс. – Но почему Круг заботит, что можно, а что нельзя провозить в город?

– Может, они хотят вооружить повстанцев? – предположила Стерис.

– Но ведь целью их операции является вывоз оружия из Эленделя, а не наоборот, – ответила Мараси. – С вооружением повстанцев в Эленделе никаких проблем не возникнет.

Они молча обдумали это. Вакс косился на Стерис, та качала головой. Никаких идей. Наконец он вернул записную книжку Мараси. Пока Аллик продолжал раздавать булочки, Вакс подошел к Уэйну, который, ко всеобщему удивлению, отказался от горячего шоколада. Аллик отдал его кружку Ваксу.

– Эй, – обратился Вакс к другу. – Сколько ты здоровья скопил? Мне может понадобится твоя помощь с кое-какими экспериментами.

– Извини, дружище, – ответил Уэйн. – У меня встреча.

– Опять во что-нибудь влип?

– Наоборот, – возразил Уэйн и взглянул на карманные часы – безусловно, прежде принадлежавшие Ваксу. – На самом деле мне пора. Не хочу, чтобы пристрелили за опоздание.

– Уэйн, можно тебя на минутку? – спросила Ме-Лаан.

– Мне правда... – начал он.

– Это важно. Очень важно.

Уэйн сперва поник, затем с печальным видом кивнул. Вакс пожал ему плечо, словно желая передать другу немного сил. Этого было не избежать – Ме-Лаан была кочевницей.

Когда Уэйн и Ме-Лаан вышли, Вакс снова попробовал сосредоточиться на удивительном подарке Мараси. Целый треллиумовый штырь!

– Пойду очки возьму, – сказал он.

Порой Уэйн притворялся героем. Каким-нибудь старым ржавым персонажем из сказок, отправляющимся вершить подвиги: убивать чудовищ или путешествовать в царство Смерти.

В последнее время притворяться было непросто. Особенно когда правда смотрела на него из зеркала. Он многого добился, притворяясь. Люди считали, что у него к этому талант, и никогда не спрашивали, от кого или чего он прятался.

В этот день он бы многое отдал, чтобы в действительности стать кем-то иным. Ме-Лаан в своем новом очаровательном теле – любое ее тело, безусловно, было очаровательно – отвела его по коридору в комнатку в другом крыле особняка. По пути Уэйн попытался схватить со стены свою счастливую шляпу, но не дотянулся.

Ме-Лаан усадила его в чересчур мягкое плюшевое кресло, и он почувствовал себя ребенком. Ощущение усиливалось из-за того, что Ме-Лаан в этом теле была ростом с Вакса. Она взяла его за руку и присела рядом, посмотрев в глаза.

– Уэйн, прости, – нежно сказала она. – Мне придется тебя покинуть. Сегодня. Все кончено. Я пыталась подготовить тебя... но, наверное, не стоило тянуть. Так вышло даже болезненнее.

– Не знаю, – ответил он. – Опыта нет. Мне впервые в жизни разбивают сердце.

– Уэйн... – Ме-Лаан поморщилась.

– Извини. Знаю, у тебя свои дела. Глупо встречаться с бессмертной слугой Бога и надеяться, что когда-нибудь подвинешь этого светящегося хмыря на второе место. – Уэйн нахмурился. – Он же светится?

– Я не думала, что ты так ко мне привяжешься, – сказала она, сжимая его руку.

– С чего ты это взяла? Я очень крепко привязываюсь, особенно к чужим вещам. Сам не замечаю, как набиваю ими полные карманы.

Она скривилась.

– Получается... для тебя эти шесть лет ничего не значили? – спросил он.

– Значили, – ответила Ме-Лаан. – Просто... не то, что для тебя. Понимаю, этого следовало ожидать. Тен-Сун и Улаам предупреждали. Смертные иначе воспринимают время. Они мне объясняли. Прости, Уэйн.

– Ме-Лаан, не проси прощения за то, чего не чувствуешь. Это не твоя вина.

«Моя».

– Я... сама напросилась на это задание, – призналась она. – Потому что поняла, я слишком увлекла тебя, и чем дольше это продолжалось бы, тем большее было бы расставание. Поэтому я не могу остаться и помочь вам. Мне пора. Пока я не сорвалась.

– И что в этом плохого?

– Все. Уэйн, это самообман. Я бы осталась не потому, что на самом деле хочу, а лишь чтобы не ранить тебя.

Если вопрос стоял так, незачем желать, чтобы она осталась. Но он желал. Желал, будь он проклят.

Но он удержал язык за зубами. Иногда, если вас расстреливают, нужно просто стоять и терпеть.

– Это крайне интересное задание, – сказала Ме-Лаан. – Я отправлюсь через туманную неизвестность в темное бескрайнее пространство, что Гармония зовет Шейдсмаром. Я стану первой кандрой, отправившейся туда с длительной официальной миссией.

Уэйн, я буду исследовать Космер. Увижу множество диковинных миров, которые только можно представить. Я буду помогать людям – не одному или двум, а целым народам.

Он тупо кивнул.

Она поднялась, наклонилась и поцеловала его. Ему хотелось отстраниться, но... потом он бы об этом пожалел. Один долгий прощальный поцелуй с существом, чей язык не подчинился привычным законам анатомии.

– Хочу сказать тебе кое-что важное, – прошептала Ме-Лаан, отступая. – Очень важное.

– Ну?

– Уэйн, – она напоследок еще раз сжала его руку, – ты был очень хорош в постели.

– Правда?

– Правда. Честно говоря, думаю, лучше всех.

– Тебе ж семьсот лет. И за все это время я был лучшим?

Она кивнула.

Да уж, действительно важная информация. Важнее некуда.

– Спасибо, – буркнул он. – Очень мило с твоей стороны сказать мне об этом. Это условно... поможет.

– Так я и думала. Прощай, Уэйн.

Она отпустила его руку и вышла. Зная ее, можно было предугадать, что за оставшимися телами она кого-нибудь пришлет. Сегодня она выбрала изумрудное, потому что оно – из ее любимых. На задание она возьмет его и алюминиевое, а остальные оставит.

Уэйн еще долго пялился на дверь. Шляпы на нем не было, поэтому приходилось быть просто собой. Настоящим Уэйном, который чувствовал эту боль. Она была его спутницей на многих пыльных дорожках. Его невидимой подружкой с самого раннего детства.

Эту боль вызывало осознание того, кто он на самом деле.

Того, насколько он бесполезен.

13

Вакс спускался в подвал первым, слыша за спиной шаги Стерис и Мараси. Верхние этажи особняка отвели под увлечения Стерис и нужды его друзей, а вот подвал всецело принадлежал Ваксу. И он кое-что там переделал.

Он занялся металлургией еще в Дикоземье, где в любом шахтерском городке можно найти оборудование для анализа чистоты металлов и тому подобного. Вакс сам удивлялся, каким полезным оказалось это хобби. Например, мало кто из преступников знал, что по анализу гильз можно выследить поставщика боеприпасов.

В Эленделе любопытство Вакса возросло десятикратно. Его подвал был набит образцами металлов, кислотами, растворителями, горелками, микроскопами и даже оснащен кузницей с наковальней. Тут все в хорошем смысле напоминало о Дикоземье. О том, как смеялась Лесси, когда он делал новые открытия. О вечерах, когда он гнул металл и представлял себя не новичком, изготавливающим столовый прибор, а древним воином, кующим богоборческое оружие.

В последнее время он увлекся электролизом и гальваникой, а также много времени проводил за уникальным электрическим спектрометром. С помощью этого прибора и таблиц с указанием спектров всех элементов он был способен опознать почти все, что угодно. Что, если прогнать через прибор треллиум? А потом испытать неизведанный металл кислотами и магнитами?

Вопросы распалили энтузиазм. Они приводили Вакса в чистое, искреннее возбуждение, которое с возрастом посещало его все реже. Когда жизнь катится кувыркком, такие одновременно простые, но познавательные вещи уже не приносят былой радости.

Вакс натянул сварочные очки. Стерис последовала его примеру и достала планшет. Передала передник мужу, и тот взял – на нем был один из лучших сюртуков, а вот галстук он удосужился снять. Передник самой Стерис был массивнее и плотнее, напоминая бронежилет. Ваксу

лишь недавно удалось убедить ее не носить две пары сварочных очков разом, а заказать вместо этого одни, но потолще.

Они устроились у верстака, и Вакс зажал штырь в тиски.

– Какие вы милые, – с улыбкой заметила Мараси, оставшаяся у порога.

– Кажется, меня не называли милым с тех пор, когда я был в возрасте Макса. – Вакс переглянулся с женой.

– Думаю, ей нужно к окулисту, – ответила Стерис. – Мараси, дорогая, справа в ящике стола лежат очки с корректирующими линзами.

– Обойдусь, – ответила Мараси, входя внутрь.

Стерис щелкнула языком и указала на табличку над входом. «БЕЗ ОЧКОВ НЕ ВХОДИТЬ». Предупреждение помечалось звездочкой, а снизу виднелась корявая приписка карандашом: «Уэйна не касается».

– Хорошее правило, – сказал Вакс. – У нас тут всякое бывает, сама знаешь.

– Всякое? – переспросила Мараси, выбирая подходящие очки. – Взрывы, что ли?

– Не только, – ответила Стерис. – То кислота прольется, то загорится что-нибудь. Оружие может произвольно выстрелить. Хотя это тоже своего рода взрыв. Как твердость?

– Твердый, – бросил Вакс, проверяя штырь различными методами. – Алмазом царапается, а вот корундом уже едва ли. Чуть выше девяти баллов.

– Запишу.

– А еще он хрупкий. – Вакс взялся за долото. – Совсем не похож на гармоний; тот пластичный, почти как золото. Зажжешь горелку?

Стерис подожгла газ. Вакс отбил кусочек треллиума и положил в вольфрамовую чашу, после чего поставил на огонь и стал наблюдать. Кусок металла быстро раскалился добела, но не расплавился.

– Температура плавления крайне высока, – сообщил Вакс. – Выше двух тысяч пятисот градусов.

– Почти как у гармоний, – заметила Стерис. – Попробуешь электрическую плавилку?

Вакс кивнул. Плавилка пропускала через металл мощный ток, нагревая его сильнее, чем обычная горелка. С гармонийом она отчасти помогла. А вот треллий даже не изогнулся, хотя и вновь раскалился добела.

– Ржавь, – прошептал Вакс, глядя на яркий кусочек металла сквозь затемненные очки. – Какая же у него прочность?

И как прикажете делать из него серьгу?

Он в самом деле собирался ее сделать? Если подумать, неизвестно, кто на самом деле прислал конверт. Кто угодно мог. Лучше не совершать необдуманных поступков, а переговорить с Гармонией.

– Тен-Сун говорил, что металлы – воплощение тела божеств, – сказала Стерис. – Так называемые божественные металлы в предзеленые времена были источником туманов.

– И почему у всех легкие не сгорели? – спросил Вакс. – Если он не плавится даже при трех тысячах с лишним градусов, то испаряться должен вообще при какой-то заоблачной температуре.

– Возможно, эти металлы, в отличие от простых, переходят из одного состояния в другое не при нагревании, а под действием других факторов.

Вакс задумчиво кивнул.

– Он пропитан силой, – сказала Мараси, подходя к верстаку и глядя на стержень. – Это гемалургический штырь, так что он...

– «Инвестирован», как сказали бы кандры, – закончил Вакс. – В нем хранится взятая у человека с помощью гемалургии часть души. Это вроде... батарейки с жизненной энергией.

– То есть это нечто вроде трупа? – Мараси заметно поежилась.

– Орудие убийства – уж точно. – Стерис отключила горелку.
– Вакс, – неуверенно сказала Мараси, – когда я вынимала штырь из Цикла, тот начал болтать какой-то вздор. Вроде Майлза перед казнью.

– Что он говорил? – Вакс отвлекся от эксперимента.

– О людях в золотом и красном, как и Майлз. А потом... про пеплопад, как при Катаклизме. Возвращение дней тьмы и пепла.

– Это невозможно, – ответил Вакс. – Земля теперь иначе устроена. Пепельные горы либо уснули, либо прекратили существование. Тектоническая активность нулевая. Никаких пеплопадов не будет.

– Уверен? – спросила Мараси.

Вакс задумался и покачал головой:

– Когда Гармония показал, как планету охватывает влияние Трелла, даже он казался сбитым с толку. Нашему миру и нашему богу всего лишь триста пятьдесят лет от роду. Есть сущности куда более древние. И куда более коварные.

В лаборатории установилась тишина; лишь электрическая плавилка тихо гудела, пока Вакс не отключил ее.

– Значит, придется нагонять. – Стерис постучала карандашом по планшету. – Что дальше?

Нужно признать, в громадных очках и массивном переднике-бронезилете поверх нарядного платья она действительно выглядела мило. Вакс заметил, что из кармашка платья торчит его галстук.

– Спектроскопия, – ответил он. – Пожжем стружку.

– Подождите, – перебила Мараси. – У вас же не вышло его расплавить. Как жечь будете? Вакс прошелся по штырю напильником, подбирая стружку на кусок картона.

– Мараси, почти любой металл можно поджечь, если взять очень маленький кусочек и использовать достаточно кислорода. С гармонием получилось, хотя он тоже не полностью расплавился.

– Как-то это... странно?

– Пожалуй, – ответил Вакс. – Но у нас тут, как уже было подмечено, божественные тела.

Он настроил спектроскоп, поджег стружку с помощью кислородопровода и принялся ждать результатов. Затем снова нагрел кусочек металла, пока тот не начал излучать световые волны, и снял показания. Наподобие сейсмографа, машина была оборудована карандашом, который бегал по бумаге, только здесь верхние и нижние точки означали оптические частоты. Различным элементам соответствовали различные световые структуры.

На этот раз прибор начертил прямую перпендикулярную линию – полный спектр. Однако в самом конце спектра, в красной зоне, машина вдруг попыталась задрать линию выше максимума, что было бы невозможно, не столкнусь Вакс уже однажды с таким ее поведением.

Он ослабил крепление карандаша и перезапустил прибор. Снова полный спектр до красной зоны, после чего держатель рывком соскочил с бумаги.

– Похоже, у нас действительно божественный металл, – выдохнул Вакс.

– Точно, – согласилась Стерис, делая пометки в темноте.

– Объясните тупому констеблю, что происходит, – подала голос Мараси. – Что это доказывает?

– Штука сложная, – ответил Вакс. – У каждого элемента есть характерная особенность, своего рода визитная карточка, выражающаяся в спектре излучения при нагревании. По ней можно определять элементы и сплавы, как по отпечаткам пальцев опознавать людей.

– Этот металл, – добавила Стерис, – каким-то образом излучает полный спектр, словно состоит из чистого белого света. Но в красной зоне происходит нечто странное, как будто есть еще некий потусторонний свет, который машина не может распознать.

– Я такое только раз видел, – сказал Вакс.

– У гармониаума? – догадалась Мараси.

– Да. – Он постучал по столу и помотал головой. – Многие свойства этих металлов противоречат законам физики. Я как будто экспериментирую с чем-то опасным и неподвластным уму.

– Пора в бункер? – спросила Стерис.

– Думаю, это будет разумно, – ответил Вакс. – Особенно если собираемся опустить стружку в кислоту.

«Бункером» Стерис называла небольшой укрепленный бокс, встроенный в заднюю стену подвала. Площадь в три фута и на три фута углубленный, отделанный алюминием и сталью, он был оснащен массивной, как у сейфа, дверью. В дверь было встроено толстое и крайне прочное смотровое стекло; ее не могла взять ни граната, ни взрыв в результате химической реакции между эттметаллом и водой.

Эттметалл – он же гармониаум – был крайне нестабилен. Его необходимо было держать в масле, так как он вступал в реакцию даже с воздухом. Не зная, как на кислоту отреагирует треллиум, Вакс перенес все необходимое в бункер и запер дверь. Снаружи он с помощью тонких механических манипуляторов мог бросить по кусочку треллиума в каждую из десяти пробирок с кислотами и две пробирки со щелочью.

На гармониаум не действовали кислоты, но с новым металлом стоило попробовать. Любая мелочь могла стать зацепкой, помочь понять. Пока Вакс работал, Мараси подошла к стене, где они со Стерис развесили заметки с идеями, результаты экспериментов и прочие записи относительно гармониаума. Ржавь... самой старой было уже больше пяти лет. Вакс едва не впал в уныние, подумав, сколь малого они с тех пор добились.

– Ничего себе, – произнесла Мараси, читая записки. – Я впервые все это вижу... Вы хотите его разделить? – Она повернулась к Ваксу. – Разбить гармониаум на базовые металлы? Создать атиум?!

Он оглянулся на нее, продолжая опускать стружку в кислоту.

– Не только атиум... – продолжала Мараси. – Лерасиум – это металл, который создал рожденных туманом. Так говорится в дневниках Гармонии. Алломантия появилась, потому что Вседержитель дал своим последователям лерасиум; они сожгли его и изменились. Эти мифические рожденные туманом обладали невероятной силой. Вы хотите это повторить?

– Нет, – возразил Вакс. – Я хочу понять, можно ли это повторить.

– За столько лет вы так и не сказали мне, зачем вам больше эттметалла. Я думала, вы работаете над проектом воздушного корабля, как и все!

– Мы почти ничего не добились, – ответил Вакс, закончив эксперимент и отойдя от бункера. – Мараси, разве ты не видишь? Круг хочет вернуть людям древние силы, и для этого использует евгенику, гемалургию, что угодно. Если возможно заново создать лерасиум, мы должны об этом знать.

– Но от меня-то зачем скрывать? – надулась Мараси.

– Я хотел сперва добиться хоть каких-то результатов. – Вакс подошел к ней, обойдя Стерис, которая ковырялась в треллиумовом штыре. Он снова взглянул на стену с заметками. Вспомнил, с каким энтузиазмом когда-то изучал гармониаум.

Добыча треллиума вновь пробудила те эмоции. Но теперь, глядя на доску, он вспомнил и другие. Медленное, неотвратимое осознание нерешаемости загадки. Ему приходилось достаточно работать с безнадежными делами, чтобы понимать – это дохлый номер.

Он был не экспертом, а дилетантом. Он делился наблюдениями с университетскими профессорами, они благодарили его, хотя, очевидно, уже давно пришли к тем же выводам. Если в изучении эттметалла и состоится прорыв, то совершат его настоящие ученые. Они построят

для Эленделя воздушные корабли, изготовят алломантические гранаты и ферухимические медальоны.

Рано или поздно придется отдать им и треллиумовый штырь. Можно позволить себе позабавиться несколько дней, но столь важную находку нельзя скрывать от специалистов.

– Ваксиллиум? – окликнула его Стерис. – Взгляни-ка на это.

– Что? – обернувшись, спросил он.

– Треллиумовый штырь реагирует на гармоний.

14

Уэйн нырнул в переулок как раз вовремя. Парочка в котелках прошла мимо считаную секунду спустя. С колотящимся сердцем Уэйн присел и сосчитал до ста, прежде чем расслабиться. Пронесло.

Он почти пришел в себя после разговора с Ме-Лаан. На самом деле он весьма стойко его выдержал. Ничего не сломал, только сломался сам, но его можно было починить тремя стаканами виски. Вдобавок он понимал, что собой будет представлять грядущий день.

Ржавые похороны.

В помойку важные задания. Сегодня у него похороны, и точка. На нем были лучший сюртук и подходящая шляпа, модная и приличная. Даже цветок в петлице имелся, за который он заплатил. Настоящими деньгами. Шик-блеск.

Он снова слился с уличной процессией. Да, они, похоже, знали о похоронах. Многие понурили головы, вместо того чтобы улыбаться солнцу. Столько унылых лиц, будто эти люди сами были мертвецами, но по-прежнему вставали и шли... почему? Так на работу надо – чем еще в городе заниматься?

Интересно, чем покойники считали похороны? Праздником? Обрядом посвящения? Днем рождения наоборот?

Уэйн тоже потупил взгляд, прикидываясь частью толпы. Слишком много народу в этом городе. Целые людские потоки в этой части октанта, в квартале финансистов, и все в трауре. Где, как не здесь, должны встречаться все типы людей и любой мог сойти за своего? Но по какой-то причине в этом квартале люди превращались в клубок одинаковых галстуков и туфель на шпильках. Непросто было даже различить в нем террисийцев и потомков колоссов.

Ржавый воздушный корабль заслонил небо, но его можно было не замечать, опустив голову. Может, сегодня хоронили весь город. Или, по крайней мере, его наивное легкомыслие.

«Пьяная шпора» находилась на шоссе Федера, на углу Семьдесят третьей улицы. Раскачивающаяся деревянная вывеска и манекены в дикоземных костюмах сразу привлекали внимание. В престижных кафе редко использовали манекены, но это место было особенным. Вроде пацана, обожравшегося грязи. Но Джексы тут нравилось, поэтому приходилось терпеть. Уэйн вообще был терпеливым, да-да.

Он вошел и постарался не схватиться рукой за лицо от вида официанток. Дикоземные шляпы. Ярко-красные рубашки. Ковбойские штаны? О ржавь. Он чуть не подавился. По крайней мере, встречающий был в приличном костюме.

– Позвольте вашу шляпу, сэр, – обратился он к Уэйну.

Уэйн отдал шляпу и тут же схватил со стойки звонок.

– Э-э-э, сэр... – Встречающий в замешательстве уставился на звонок.

– Отдам, когда получу назад шляпу, – ответил Уэйн. – Сами понимаете, мало ли что.

– Ну...

– Где мой столик? К нему должны прилагаться две прекрасные дамы, одна милая, а другая наверняка грозилась вас пристрелить, пока вы их усаживали.

Встречающий указал на столик. Действительно, они уже были на месте. Уэйн кивнул и двинулся к ним. Наряды официантов совершенно не подходили для такого дня. Кто наряжается в гамаша на похороны? Разве что те, кто на конях приезжает. Или старый Даг Три-Зуба. Вот он был любитель в гамашах пощеголять.

Ранетт была в своем репертуаре: в слаксах, донельзя аппетитная, хотя Уэйну запрещалось об этом заикаться. На Джекси было тонкое белое платье, короткие светлые волосы закручены в тугие кудряшки и украшены бриллиантовыми заколками. Ей нравилось сверкать. Уэйн ее понимал. В жизни маловато блеска. В детстве ему говорили, что взрослые могут надевать что угодно. Так почему же почти никто не наряжался столь ослепительно?

Он сел рядом с Ранетт и Джекси и ткнулся лбом в стол, да так, что посуда задрожала.

– Сразу мелодрама, – иронично процедила Ранетт. – Как мило.

– Уэйн? – спросила Джекси. – Что с тобой?

– Бррр-мррр, – промычал он в скатерть. – Мрррр.

– Не потакай ему, – сказала Ранетт.

– Нет, потакай, – буркнул Уэйн. – Ему это ой как нужно.

– Что случилось? – спросила Джекси.

– Меня бросили. Официально. А еще я почти протрезвел. Дурацкое тело. Выводит из себя токсины, как будто я не специально их поглощаю. – Он поднял голову. – Может, вырезать печень и оставаться пьяным всю жизнь? Как думаете?

– Вот в этом желании можно и потакать, – бросила Ранетт.

– Уэйн, бедняжка. – Джекси погладила его по голове.

– Да ничего, – ответил он. – Спасибо, что принарядилась для похорон.

– Чего?.. – опешила Джекси.

– Не слушай его, – сказала Ранетт, но потом смягчила тон. – Эй, Уэйн. Ты и не в таких передрыгах бывал. Жить будешь.

– И в каких же?

– Помнишь, как тебя насквозь ядром прострелило?

– Ох, блин. – Он приподнялся. – Попробуй такое забудь.

Джекси побледнела.

– Больно было?

– Не настолько, как можно представить, – ответил Уэйн. – Ну да, порвало меня пополам. Но тело, скорее, просто обалдело и не поняло, что делать. Не каждый день тебя располовинивает.

– К счастью, – добавила Ранетт, – его метапамять осталась на той половине, где была голова. Иначе...

Уэйн заставил себя сесть ровно, вздохнул, поставил звонок на стол и позвонил. Потом еще раз. В самом деле, зачем эти штуковины, если на них все равно никто не отзывается? Лишь по третьему звонку появилась официантка.

– Водки, – попросил Уэйн. – Самой ядреной. Чем ближе по вкусу к моче, тем лучше.

– Уэйн, – перебила Ранетт, – это элитное заведение.

– Точно, – согласился он. – Киньте сверху оливку или что там положено.

– Это хоть наша официантка? – засомневалась Джекси, когда девушка отошла.

– Я стараюсь слишком к ним не приглядываться, – ответила Ранетт. – Слишком ужасные наряды.

– Во-во, – согласился Уэйн. – Кому вообще пришло в голову открыть тематический дико-земный ресторан? У настоящего дикоземного заведения в меню одна похлебка должна быть. А потом она заканчивается, и ты кормишь людей голой фасолью.

– А мне тут нравится, – сказала Джекси. – Вполне мило.

– Это оскорбительно, – парировала Ранетт.

– Может, лучше обо мне поговорим? – занял Уэйн. – Мне сейчас так же паршиво, как виноградному жмыху после отжима.

– Бедняжка, – повторила Джекси.

– Джекс, не сюсюкайся с ним, – посоветовала Ранетт.

– Вы же старые друзья.

– Это все потому, что он никак помереть не может.

– Ранетт... – с укоризной произнесла Джекси.

– Ладно. – Ранетт хлопнула Уэйна по плечу. – Уэйн, у тебя стойкий характер. Справишься. – Она взяла стакан с подноса вернувшейся официантки и подала Уэйну. – Вот твое пойло.

– Спасибо, Ранетт, – ответил он, принимая. – Так, как ты, меня никто не подбодрит.

– По правде говоря, Уэйн, я тобой горжусь, – добавила Ранетт. – Ты хорошо держишься.

Почти как взрослый.

– Как взрослый? – Он залпом приговорил водку.

– Почти.

– Ну ладно, предположим, не будь я взрослым, мне бы не подали алкоголь, – согласился Уэйн. – Но... это все... – Он вздохнул и откинулся. – Я не думал, что когда-нибудь встречу кого-то, кто понимал бы, каково почти все время притворяться другим человеком. А она понимала, Ранетт. Понимала.

– Ну... найди кого-нибудь другого? – предложила Ранетт. – Кого-нибудь получше? Что я еще должна сказать? Конечно, вряд ли такое возможно, потому что мало кто сравнится с Безликой Бессмертной. И...

– Ох, Ранетт. – Джекси покачала головой.

– Чего? Из меня плохая утешительница.

– Уэйн, – сказала Джекси. – Тебе будет больно. Ничего страшного. Боль означает, что тело и разум признают, что тебе плохо.

– Спасибо, – буркнул Уэйн. – Джекси, ты настоящий друг. Вот только вкус у тебя ужасный.

– Эй! – возмутилась Ранетт. – Не ты ли за мной почти пятнадцать лет ухлестывал?

– Ну? И какой в таком случае вкус у меня?

– Я... – Ранетт осеклась. – Тьфу. Умеешь же ты задеть за живое. А мы-то в дружелюбной обстановке пообедать собирались.

– Извини. – Он поставил локти на стол и обхватил руками голову.

Их настоящая официантка так и не появилась, в чем была логика. Чем моднее место, тем презрительнее отношение к клиентам.

– Послушай, я в самом деле тобой горжусь, – сказала Ранетт. – Уэйн, ты повзрослел. Очень повзрослел. Мы уже столько лет обедаем втроем, а ты ни разу не попытался со мной флиртовать.

– Я же пообещал. Ты занята, а я не браконьер. – Он поник и ссутулился. – Мне было бы не так худо, если бы этот день не близился.

– Этот день... – повторила Ранетт. – Тебе пора возвращать деньги той девушке?

Уэйн кивнул.

– Ольриандре, – сказал он. – У них с сестрами из-за меня не осталось отца.

День, когда приходилось с ней встречаться, всегда был худшим днем месяца. С тех пор как он убил отца Ольриандры, прошло уже больше двадцати лет, но ему всякий раз приходилось вновь каяться.

«Ты знаешь, что не прощен».

«Знаю».

«Ты знаешь, что никогда не будешь прощен».

«З-знаю».

Ранетт наклонилась и постучала ногтем по солонке. Солонка была в форме дикоземного сапога. Такая вычурная, что вся окружающая безвкусица вдруг показалась верхом стиля.

– А что, если в этом месяце ты с ней не увидишься? – предположила Ранетт.

– Должен, – ответил Уэйн.

– Почему?

– Это мое наказание.

– Кто сказал?

– Космер. Ранетт, я отнял у нее отца. Нельзя об этом забывать. О том, каков я на самом деле. Я должен посмотреть ей в глаза и дать понять, что не забыл.

Женщины переглянулись.

– Уэйн, – начала Джекси, – я... хотела с тобой об этом поговорить. О твоём отношении к этой девушке. Понимаю, сегодня, возможно, не лучший день...

– Да не, – отмахнулся он. – Валяй, Джекси. Я и так почти ничего не чувствую. Мочи изо всех сил.

– Почему ты постоянно встречаешься с ней лично? – спросила Джекси.

– Чтобы она меня отчитала.

– А ей этого хочется?

– По-моему, ей это нравится.

– Правда? Уэйн, ты уверен? По твоим рассказам складывается впечатление, что она не хочет тебя видеть.

– Просто она чересчур снисходительна, – объяснил Уэйн. – А я снисхождения не заслуживаю.

– Джекс, – перебила Ранетт, – я же тебе говорила. У него самосознания как у погрызенного сэндвича.

Уэйн нахмурился. На что это она намекает?

– Не знаю никого, кто понимал бы других людей так, как Уэйн, – сказала Джекси. – До него дойдет.

– Он понимает людей, когда ему это выгодно, – поправила Ранетт. – Но не тогда, когда нужно видеть то, что ему видеть не хочется.

Уэйн отвернулся. Ранетт наговорила много неприятных вещей, но они были... ну, не такими уж неприятными. Он шутил, она шутила. Да, порой в ее словах звучала горькая правда, но друзья на то и друзья. Заставляют тебя выглядеть немножко глупо, когда вы вместе, чтобы ты не выглядел крайне глупо, когда вы порознь.

Но последнее замечание уязвило его. Он действительно понимал людей. Вакс и Мараси – прекрасные сыщики. Но им был нужен некто вроде Уэйна, человек, понимающий людей, что живут по колено в грязи – и радуются, что не по шею. До поры до времени.

– Уэйн, – продолжила Джекси, – чего, по-твоему, хочется этой девушке? Можешь поставить себя на ее место? Подумай, действительно ли ей хочется, чтобы ты ежемесячно напоминал о ее утрате?

– Я... хочу, чтобы она была счастлива. Что поможет лучше, чем унижение того, кто сделал ее несчастной?

– Уверен? – ласково спросила Джекси. – Или дело в тебе? Ты сам наложил на себя наказание. Уэйн, всякий раз, когда ты не обращаешь внимания на просьбы этой девушки, ты отнимаешь у нее толику счастья и обращаешь в собственное страдание.

Он крепко зажмурился.

– Ты понимаешь. – Джекси хлопала его по руке. – Вижу, что понимаешь.

– Appetit пропал, – произнес Уэйн, встал из-за стола и побрел к выходу из ресторана.

– Говорила я тебе, – донесся до него голос Ранетт. – Джек, он не такой плохой, каким я его малюю. Но и не такой хороший, как кажется тебе.

Он вернул звонок в обмен на шляпу и утащил у встречающего только одну запонку – честная компенсация за дурацкий неработающий звонок, ради которого пришлось расстаться с такой прекрасной шляпой. Но стоило ему выйти, как он тут же столкнулся с парочкой в костюмах и котелках.

Ржавь и Разрушитель! Попался.

– Сэр, – обратился к нему более высокий крохобор. – Нам нужно обсудить ваши финансы.

– А шо с ними? – Уэйн убрал руки в карманы.

– Да многовато их у вас, – заявил более низкий. – Сэр, прошу. Обсудим вашу инвестиционную стратегию! Вы совсем не разделяете капитал, что в наше время – преступление.

Ох, в пепел все. День умудрился стать еще хуже. Уэйн позволил им затащить себя в свой катафалк и отвезти в морг. Точнее, в бухгалтерскую фирму, ведущую учет его сбережениям. Какая разница?

В любом случае прежний Уэйн умер.

15

Треллиум шевелился.

Стерис достала образец гармониума, чтобы изучить его взаимодействие с треллиумовым штырем, и треллиуму это не понравилось.

Вакс приблизил к треллиуму пробирку, внутри которой в масле покоился гармониумовый шарик. Треллиум откатился.

– Занятно, – прокомментировал Вакс. Затем, как по наитию, разжег внутри немного стали.

Треллиумовый штырь снова откатился.

– Я не толкал, – заметил Вакс. – Он отреагировал на простое разжигание стали.

– Уже что-то! – воскликнула Стерис, отчаянно делая пометки. – Вакс, это весьма полезное наблюдение.

Ну... да, наверное. Таким образом можно было понять, что кто-то неподалеку жжет металл. Это умели делать Охотники, но если появится механический способ...

– А! – спохватилась Мараси. – Совсем забыла. У этого штыря была похожая реакция на другие стержни.

– Как алломантия, – сказала Стерис. – Треллиумовый штырь словно совершает алломантический толчок.

– Нет, – возразил Вакс. – Больше похоже на магнитную реакцию. Треллиум реагирует на другие источники Инвеституры так, как один магнит реагирует на другой.

– Стремится отдалиться, – заключила Стерис.

– Скорее, у них просто одинаковый заряд. Вряд ли он к чему-то «стремится».

Хотя если считать его частью бога, кто знает? Впрочем, насколько Ваксу было известно, другие инвестированные предметы с одинаковым зарядом друг друга не отталкивали.

Краткий эксперимент позволил понять, что два металла, гармониум и треллиум, отталкивали друг друга тем сильнее, чем ближе он пытался их свести. Как магниты. Реакция на гармониум была сильнее, чем на разжигание металла Ваксом.

Вакс сверился с таблицей на стене; он переписал ее из книжки, полученной Мараси от Смерти. Когда-то Ваксу казалось, что эта встреча была самым невероятным событием, что только можно вообразить. Теперь такие вещи казались обыденными.

В записной книжке описывались способы использования гемалургии. Он досконально их изучил и нарисовал схему точек в человеческом теле, куда можно было вставлять штыри.

Составил список их функций и перечень связующих стержней, необходимых для работы системы.

Круг продолжал эксперименты с гемалургией. Сестра Вакса, Тельсин, занимала в Круге высокий пост и где-то скрывалась. Семь лет назад он решил, что ее похитили... но ему стоило догадаться. Тельсин всегда была крайне амбициозна, и это сочеталось с целями Круга.

В результате она и в себя вставила штыри. Прибила к своей душе частицы других душ. Ваксу становилось тошно, когда он думал о том, скольких людей ради этого убили, о том, что творили Тельсин и Круг. В его руках сейчас была не просто реликвия давно забытого божества, а потрепанный символ отторгнутой сестрой человечности.

Ржавь. Придется в самом деле поболтать с Гармонией. Ваксу это совсем не нравилось, но если впутался – то впутался. Нужно закончить начатое много лет назад, когда он сбежал из Эленделя, бросив свой дом на откуп сестре и дяде.

Шаги на лестнице возвестили о возвращении Аллика. Тот принес еще перекусить. Вакс не знал, что движет бывшим воздухоплавателем: необходимость играть роль радушного хозяина в доме, который он уже привык считать родным, или простое желание угостить гостей выпечкой. Так или иначе, от одного взгляда на его широкую улыбку под вздернутой на лоб маской у Вакса приподнималось настроение. А от подносов с шоколадным печеньем – и подавно.

– Надеюсь, вы соблюдаете меры предосторожности? – спросил Аллик. – Не концентрируете слишком много этметалла в одном месте, ага?

– У меня его не так много, чтобы об этом беспокоиться.

– Все равно не забывайте, – настаивал Аллик. – Это главное правило обращения с ним.

У его народа были странные правила обращения с металлами, и Вакс с трудом отделял научно обоснованные выводы от суеверий. Считалось, что нельзя помещать слишком много этметалла в одно место, так как это провоцировало необъяснимые реакции, но какие именно – Аллик не знал.

Бойкий южанин подскочил к Мараси и протянул поднос с угощением.

– О! – Мараси схватила печенье. – Мое любимое!

Вакс тоже взял одно. Печенье, к которому он привык, в экстренной ситуации могло использоваться как бронезилет. Такое уж пекли в Бассейне. А это было мягким, даже вязким. Непривычно, но на вкус недурно.

Аллик во все свои изделия стремился напихать побольше сладкого шоколада, и Мараси это особенно нравилось.

– Тепленькие лучше всего, – с набитым ртом поделилась она, когда Аллик уселся напротив нее. Вакс понадеялся, что протер этот стол! – А еще ты почему-то выглядишь симпатичнее, когда я ем шоколад. Странно.

– Ты просто хочешь выклянчить еще, – ответил Аллик.

– Разумеется, – сказала Мараси, запихивая в рот новое печенье.

Вакс сидел на табурете, наслаждаясь десертом, и думал о разложенных на верстаке металлах. Гармониум и треллиум. Они отталкивали друг друга. Чем ближе свести, тем сильнее толчок...

Интересно...

Он собрал материалы, чтобы устроить новый эксперимент в бункере, и в этот миг кто-то еще спустился по лестнице. Все замерли. Вакс незаметно достал из патронташа пули и приготовился толкать. Но когда дверь открылась, на пороге появился статный мужчина в коричневом костюме с иголки. У него были яркие светлые волосы, идеально причесанные, и очки в металлической оправе. Весь его педантичный вид как бы говорил: «Со мной лучше даже не шутить, я ведь проверю».

– Вен-Делл? – неуверенно спросил Вакс, убирая пули.

У кандры было новое тело, но аура осталась прежней.

– Он самый, лорд Ладриан, – ответил Вен-Делл, входя в комнату и на ходу открывая чемоданчик. – Извините, что без спроса. – Он положил на стол рядом с Мараси листок бумаги. – Мисс Колмс, это для вас.

– Что это? – спросила та, вытирая пальцы салфеткой, которую непонятно откуда достала Стерис.

– Нашли на месте вашей стычки с Кругом, – ответил Вен-Делл. – Ли-Мар прикарманила ее, прежде чем другие констебли заметили.

– Стоп, – перебила Мараси. – Среди констеблей есть еще незнакомые мне кандры?

– Несколько, – признался Вен-Делл.

– Кто?

– Например, Кассиле. Ли-Мар заняла ее место примерно шестнадцать месяцев назад, когда настоящая констебль погибла в налете на базу Кочевников.

– Да мы с Кассиле на прошлой неделе вместе обедали! – У Мараси отвисла челюсть.

– Все так. Она за вами приглядывает, – ответил Вен-Делл.

– Она мне ничего не сказала!

– А должна была? – рассеянно бросил кандра и принялся к печени, предложенному Алликом. – Какой кошмарный запах!

– Э-э-э, – протянул Аллик и разом поник.

– Мастер Аллик, я вам говорил, – пояснил Вен-Делл. – Я падальщик и убежденный мясоед. Эти... творения... мне не по вкусу. Но, возможно, вас может заинтересовать кругленькая сумма в обмен на одну из ваших масок?

– Что? – Аллик невольно схватился за маску, по-прежнему водруженную на лбу. – Мою маску?

– Кандры тут обсуждали ваши маски. Многие считают, что они настолько же неотъемлемая часть вас, как волосы или ногти. Фактически продолжение вашего скелета. Таким образом, мы решили начать собирать их для будущих тел. Есть у вас какие-нибудь на продажу?

– Ну... – Аллик задумался. – Странный вы человек.

– Я вообще не человек, – поправил Вен-Делл. – Предложение в силе; сообщите, если захотите обсудить. Разумеется, маска мне понадобится только после вашей смерти. Если вы столь же упрямо будете проводить время с этой компанией, за этим дело не постоит.

Вен-Делл подошел к Ваксу и протянул руку.

– Можно взглянуть?

Вакс тяжело вздохнул и повернулся к бункеру, где собирался проводить эксперимент. Достал треллиумовый штырь и отдал Вен-Деллу. Кандра посмотрел треллиум на свет.

– Думала, вам нельзя к ним прикасаться, – заметила Стерис, не поднимаясь из-за стола.

– Ошибаетесь, леди Ладриан, – ответил Вен-Делл. – Этот штырь не принадлежал кандре, а значит, трогать его не запрещено.

– Я его не отдам, – поспешил предупредить Вакс. – Мне нужно его изучить.

– К несчастью, я и не собирался его забирать, поэтому нам не суждено увидеть, как вы будете мне мешать.

– Вам он не нужен, потому что не принадлежал кандре? – уточнил Вакс. – В отличие от тех, что были у Лесси. Их-то вы у нас украли.

– Вы отдали их добровольно.

– Я был не в том эмоциональном состоянии, чтобы делать что-либо добровольно, – парировал Вакс. – Мне по-прежнему хочется знать, насколько этот металл, треллиум, повлиял на случившееся с ней.

– Поведение Паалм было прямым следствием ее решения извлечь один из штырей, – сказал Вен-Делл. – Треллиумовые штыри могли усугубить ее состояние, но не были первопричиной.

– А Гармония намекал на иное.

Вен-Делл покрутил штырь, но ничего не ответил. Вместо этого качнул головой в сторону бункера.

– Чем занимаетесь?

– Хотел размягчить гармониум электричеством. – Вакс указал на приборы: устройство подачи мощного тока, подсоединенное к крошечному фрагменту гармониума, покрытому маслом для защиты от коррозии. – Подобраться ближе к разделению пока не получается.

– Его нельзя разделить, – сказал Вен-Делл. – Пока Гармония остается Гармонией. Я это уже объяснял.

Подошла Стерис с планшетом, и они с Ваксом переглянулись. Это правда: гармониум фактически не был сплавом. Однако внутри Гармонии одновременно находились и Разрушитель, и Охранитель, а следовательно, этот металл был одновременно атиумом и лерасиумом, соединенными вопреки научным обоснованиям.

Казалось логичным, что его можно было разделить. Однако опыты с кислотой не увенчались ничем. Различные способы нагревания с целью заставить металлы разделиться, пребывая в жидком состоянии, тоже не дали результата. Электролиз не помог.

Как и еще десяток манипуляций. В какую-то минуту Вакс начал терять мотивацию для работы над проектом. Но из всех опытов, что они пробовали, пропускание тока через металл оказалось наиболее действенным. Вакс запустил прибор и даже не стал закрывать дверь бункера. Он достаточно часто проводил этот эксперимент, и был уверен, что лишние предосторожности ни к чему.

Кусочек гармониума нагрелся. Подошли Мараси с Алликом, наблюдая за тем, как фрагмент начинает светиться изнутри. Затем Вакс активировал другую часть прибора, которая разделила металл надвое.

Гармониум был пластичным металлом, особенно при нагревании. В размягченном состоянии он становился более стабильным и не так резко реагировал на воздух. Как будто... как будто превращался в иную субстанцию.

Прибор продолжал пропускать ток через специальные зажимы, которые теперь сдвинулись и начали растягивать металл. Продолжая эксперимент, можно было разделить фрагмент гармониума надвое, что само по себе не столь удивительно. Но прибор был настроен так, чтобы растянуть металл на несколько шестнадцатых дюйма и остановиться. В конечном итоге получились два шарика гармониума, соединенные между собой тонкой нитью металла.

– И зачем это? – спросил Вен-Делл.

– Смотрите, – ответил Вакс.

С помощью затемненных очков видно было лучше. Через несколько секунд металл начал перестраиваться. Левый шарик засветился бело-голубым, а правый стал причудливо-серебристым и зеркальным. Его поверхность казалась удивительно гладкой, как у жидкой ртути.

– Это?.. – спросила Мараси.

– Нет, – ответил Вакс. – Если сейчас разрезать его пополам, то, когда остынет, останутся два куска гармониума. Но в этом состоянии металлы почти разделены. Левая половина – почти чистый лерасиум. Правая... соответствует описанию атиума.

– Кажется, ему хочется разделиться, – заметила Стерис. – Он как будто готовится к этому.

– Разрушитель и Охранитель, – прошептала Мараси. – Атиум и лерасиум.

– Думаю, поэтому гармониум так нестабилен, – объяснил Вакс. – Гармония ведь мало во что может вмешиваться? Он сам говорил: два его аспекта противоборствуют друг с другом, мешая принимать решения и как-либо влиять на события.

– Он попросту находится в равновесии, – ответил Вен-Делл. – В равной степени ощущает потребность защищать и позволять вещам разрушаться естественным образом.

– Что ж, – сказал Вакс, – зато у нас тут есть другой бог, которому никакое равновесие не мешает. Сперва я сомневался, но Мараси меня убедила.

– Вен-Делл, этот Трелл опасен. – Мараси сощурилась от яркого света. – Мы должны вмешаться. Нельзя полагаться на Гармонию.

– Почти убедили, – признался Вен-Делл. – А что скажете про записку?

– Ничего не понимаю, – ответила Мараси. – Никакой конкретики.

Вакс покосился на нее.

– Я объясню, – сказала она, – но сперва... продолжим? – Она кивнула на бункер, у которого все столпились.

– Что ж, – Вакс забрал треллиумовый штырь у Вен-Делла, – мы заметили, что этот металл отталкивает все формы Инвестируры, а сильнее всего – гармониум. Я подумал... что, если растянуть фрагмент, как я сделал сейчас, а затем разрезать его с помощью треллиума? Оттолкнет ли это две части сильнее и позволит ли отделить атиум от лерасиума?

Он окинул взглядом собравшихся.

– А какова вероятность... что дело закончится взрывом? – спросил Аллик.

– Учитывая, что мы имеем дело с гармониумом? – ответила Стерис. – Я бы сказала, крайне высокая. Но попробовать стоит.

– Для чего нам еще бункер? – добавил Вакс. – К тому же фрагмент гармониума крайне мал. Сколько в нем может быть энергии?

Вопрос остался без ответа.

– Итак... – предположил Аллик, – нам лучше выйти и держаться от него как можно дальше, ага?

– Ага, – согласилась Мараси.

Вакс перевел дух и кивнул.

– Поставлю таймер, – сказал он. – Подвал укреплен таким количеством бетона, что можно целое шоссе замостить, так что наверху должно быть безопасно.

– Может, попросить кандру провести эксперимент? – предложила Мараси. – Они ведь практически бессмертные.

– Практически, – заметил Вен-Делл, – не значит «абсолютно», мисс Колмс. Меня попросили помочь вам с вашей, с позволения сказать, операцией – кстати, где там тот труп? – а не рисковать жизнью ради невозможного.

– Значит, ставлю таймер, – заключил Вакс.

– Я отобью небольшой кусочек треллиума, – сказала Стерис, – чтобы не использовать целый штырь.

– Годится, – ответил Вакс.

Придется перепрофилировать гидравлический пробойник...

На это ушло добрых полчаса. Все это время Ваксу не давала покоя мысль: что, если он действительно разделит гармониум? У него останется два металла, два божественных тела, и каждое будет способно на удивительные вещи, описанные в древних легендах. Например, манипулировать временем или создавать существ с мифическими способностями рожденных туманом. Что делать с таким могуществом? Как оно его изменит?

«Никак, – подумал он. – У меня уже было такое могущество. И я воспользовался им, чтобы спасти друзей».

Закончив настройку, он выставил таймер на пять минут. По истечении времени манипулятор должен направить крошечный осколок треллиума между двумя нагретыми бусинами гармониума.

Он задраил дверь бункера, и вся компания быстро поднялась по лестнице, заперев за собой массивную металлическую дверь. Затем... Вакс подумал, что пять минут – чересчур долго.

– И так... – Он достал часы. – Что в той записке?
– Она была в пещере, в ящике, – объяснил Вен-Делл. – Неповрежденном взрывом.
– Во время операции, – добавила Мараси, – я заметила темную фигуру в маске. Я была в замедляющем пузыре, и поэтому фигура была крайне размытой. Я едва ее заметила, но думаю, записка от нее.

Она передала листок Ваксу.

«Мы наблюдаем, – гласило простое сообщение. – Весьма впечатляюще».

Внизу были нарисованы три пересекающихся ромба. Ваксу символ показался смутно знакомым, хотя вроде бы раньше не встречался.

– Видели такое? – спросил он Вен-Делла.

– Ох... – тяжело вздохнул тот. – Мне запрещено отвечать на этот вопрос. Простите, лорд Ладриан.

– Запрещено? – спросила Стерис. – Кем?

– Лично Гармонией, леди Ладриан, – ответил Вен-Делл. Впервые, насколько помнил Вакс, кандре было неловко. – Лучше вам самим его спросить.

– Просто замечательно, – произнесла Мараси. – Как же здорово знать, что, пока мы тут планету спасаем, Бог ведет себя как смущенный от первой любви ребенок.

– Таковы эти ложные боги, – бросил Аллик, чем привлек хмурые взгляды. Он развел руками.

Все умолкли. «Почему, – подумал Вакс, – несколько минут ожидания всегда кажутся вечностью?»

– Кстати, – подал голос Вен-Делл. – Лорд Ладриан, вы не передумали насчет ваших костей...

– Не продаются.

– Но...

– Не продаются.

– Ладно, – сдался кандра. – За спрос денег не берут. Жаль будет потерять столь уникальный скелет...

Весь особняк содрогнулся от мощного взрыва. Задрожали люстры, окно справа от Вакса треснуло, а на кухне попадали тарелки.

– Ржавь, – вырвалось у Мараси. – Это наверняка в соседнем октанте было слышно. Интересно, бункер выдержал?

– Сейчас узнаем. – Вакс направился ко входу в подвал.

– По крайней мере, на этот раз мы были к этому готовы, ага? – сказал Аллик.

– Рядом с Ваксом всегда нужно быть готовым к взрыву, – ответила Стерис. – Мороки меньше.

Вакс распахнул дверь и начал спускаться.

16

Внутри бухгалтерская контора «Колл, сын и дочери» не выглядела как морг, но Уэйн все равно не отрекался от своей оценки. Только мертвец может получать удовольствие от работы в таком месте.

Высокий Зануда и Низкий Зануда усадили его и с ходу принялись бальзамировать, причем какой-то гадостью. Уэйн был согласен на любой напиток, но они почему-то предложили ему чернила.

А перед этим хорошенько его отрезвили.

– Мастер Уэйн, – обратился к нему Высокий Зануда, – ваши вложения крайне рискованны. Нужно сбалансировать портфель.

– Сколько у меня денег? – понуро спросил Уэйн.

– На данный момент чуть больше двадцати миллионов.

Ну елки-палки.

– Я же вам говорил, – сказал Уэйн, – раздать все бездомным!

– Да, и ваш проект доступного жилья оказался крайне успешен, – ответил Низкий Зануда, вскакивая за grossбухом. – Удивительно, как вам удалось предугадать субсидии...

– А та девушка с говорилками в стенах?

– Мастер Уэйн, революционные электроприборы, разработанные мисс Тарксель, во главе вашей финансовой империи! – с улыбкой заявил Высокий Зануда. – Прибыль просто астрономическая.

– Вы удачно вложились в недвижимость, – добавил Низкий Зануда, – но нужно продать часть акций «Электрической компании Тарксель» и вложить средства в другие, молодые компании, чтобы создать защитную подушку от конкурентов. Их появляется все больше, потому что сроки действия патентов истекают.

– Ребята, – промямлил Уэйн, – может, вам лучше подружек найти?

– Мастер Уэйн, у нас уже есть, – сказал Низкий Зануда. – Гарисель вообще весьма популярна. Вы бы знали, какими горячими могут быть бухгалтерши! Вот, скажем, прошлым вечером...

– Тихо, – буркнул Уэйн. – Не сыпьте соль на рану. – Он решил прекратить сопротивление. С собственных похорон не убежишь. Мертвец не волк, ноги уже не кормят. – Я согласен. Дайте мне какую-нибудь распроклятую шляпу.

Финансисты переглянулись. Уэйн нетерпеливо помахал рукой, и Высокий Зануда наконец додумался снять с крючка собственный котелок и передал Уэйну.

Уэйн надел шляпу, тем самым официально заверив свою смерть. Ржавь его побери до самых костей. Он посмотрел на grossбухи, почесал пальцем подбородок. Это не дало желаемого результата, и Уэйн машинально достал из сюртука Низкого Зануды очки и сунул себе в карман.

Все равно недостаточно.

– Будьте любезны, – попросил он, – принесите мне чаю с медом, лимоном и маленькой веточкой мяты. Чтобы вкус был, но не переборщите. Вы меня поняли, Гарисель? Молодец, молодец.

Получив свой чай, он принялся изучать grossбухи. В них его фамилия указывалась как «Террисиец», потому что настоящей у него не было. Он читал внимательно.

Так, так. Цифры. Цифр было много, как и положено. И они были крупными – услада для глаз бухгалтера. Почти ни следа красных чернил. Да, гм. А вот в чае маловато меда.

По grossбухам все было предельно понятно. Уэйн умер. А вместо него жил какой-то щеголь. Нет, не так. Напыщенный богатей.

– Скажите-ка, где там мой темпосплав? – спросил он.

Помощник приволок огромный мешок. Стоимость содержимого примерно равнялась стоимости трех автомобилей.

– Нормально, – кивнул Уэйн. – Вот что вы должны будете сделать. Посмотрите. – Он достал из кармана сложенную листовку, приглашающую мальчиков для участия в играх местной носбольной лиги. – Профинансируем этим ребятам экипировку и построим стадион для игр.

– Сэр, но зачем? – удивился Низкий Зануда.

– Стадион будет с трибунами, – объяснил Уэйн, – чтобы могли приходиться зрители. Понимаете, сейчас каждому хочется на кого-нибудь поорать. Вот и дадим людям такую возможность. Организуем большую носбольную лигу с командами из каждого октанта. Господа, я решил, что пришло время накрыть этот город благопристойным и контролируемым дурманом.

– Не понимаю, – признался Высокий Зануда.

– Для чего нужны бары? – объяснил Уэйн. – Это контролируемое заведение, в котором люди выпивают. Люди никогда не откажутся от привычки устраивать возлияния, и для общества лучше, чтобы они делали это по плану.

В октантах сейчас напряженная обстановка. Люди обозлены. Отдаленные Города вообще бунтуют! Вот мы и дадим возможность выплеснуть эмоции аналогичным пьянству способом – предоставив специализированное заведение, где каждый сможет выразить кому-либо свою неприязнь.

Финансисты тупо уставились на него.

– Позволим ребятам навалить друг другу, – сказал Уэйн говором простого работяги. – Если у каждого октанта появится своя команда, зрители будут поддерживать своих и ненавидеть всех остальных. Приличным подобающим образом.

– А! – сообразил Низкий Зануда.

Что за народ сейчас пошел. С каждым нужно просторечно объясняться. Уэйн подозревал, что эта парочка даже не знает, как правильно чистить золотой унитаз! Ужас какой!

– Да... – произнес Высокий Зануда. – Теперь понимаю. Это будет вроде клубов, только в городском масштабе.

– Людей хлебом не корми, дай поболеть за своих, – объяснил Уэйн. – А мы пустим эту потребность в нужное русло.

– Строительство стадионов достаточного размера весьма дорого обойдется, – заметил Низкий Зануда. – Даже вам.

– Значит, будем билеты продавать, – предложил Уэйн. – Потратив на что-либо деньги, человек обычно получает от этого больше удовольствия.

– Да... – согласился Высокий Зануда. – Да, идея интересная. Монетизация соперничества... вкупе с личной заинтересованностью... будет основополагающим фактором этой деятельности...

– Это мой любимый фактор в любой деятельности, – признался Уэйн.

– Отлично, – кивнул Высокий Зануда. – Поручим это нашим лучшим сотрудникам.

– Не, – возразил Уэйн. – Поручите это худшим. Здесь лучше справятся пройдохи и бездельники. А теперь давайте обсудим, почему бить слуг вовсе не так плохо.

Ржавь, эта шляпа. Уэйн снял ее и утер лоб. Дурацкие деньги и дурацкие богатейские шляпы. Эта даже была проложена изнутри алюминием для защиты от алломантии.

Несомненно, носбольный проект его разорит. Ничего хуже он до сих пор не придумывал, притом что был набитым дураком. Он крутнул шляпу на пальце и задумался. Что, если Вакс – или того хуже, Мараси – прознают, что он богат? Они же ему спуска не дадут.

– Вы в самом деле хотите... – Высокий Зануда потеревил воротник, – чтобы мы рассмотрели возможность телесных наказаний для некоторых ваших, гм, сотрудников?

– Не, – отмахнулся Уэйн. – Мы же не в армии.

– Сэр, – сказал Низкий Зануда, – а как насчет отчислений в резервный фонд? Мы заметили кое-что необычное, что хотели бы обсудить.

– Нет. Дальше.

– Ситуация с вашим жильем...

– Нет. Дальше.

– Ваксиллиум отдает себе отчет в том, что передал вам права на использование его образа?..

– Нет. Дальше.

– Что делать с вашим автопарком?

Машины Уэйн любил.

– А что с ним?

– Вышла новая «Виктори», – сообщил Низкий Зануда и достал изображение. У машины не было крыши. Можно было ехать и плевать по ветру, если захочешь.

– Выглядит сногшибательно, – согласился Уэйн. – Берем.

– Как пожелаете, сэр, – сказал Низкий Зануда. – Какую долю в компании?

Уэйн прищурился:

– Ах вот к чему вы клоните.

Финансисты сделали невинные глаза.

– Не больше пяти процентов, – сказал Уэйн. – А когда носболисты станут известными на весь город, выдайте им по машине, пусть ездят, повышают свою популярность и все такое. А, и давайте переименуем носбол. И поменяем правила расположения бегунов, чтобы можно было брать на эти две позиции металлорожденных. То же самое с вратарем. Так игра станет интереснее.

– Как пожелаете, мастер Уэйн.

Он крутанул шляпу на пальце. «Не знаю никого, кто понимал бы других людей так, как Уэйн». Да, он мог влезть даже в шкуру финансиста.

Сможет ли влезть в шкуру девушки, которая его ненавидит?

Для начала неплохо бы вспомнить, что он натворил. Он заслужил такое отношение.

А она? Уэйн закрыл глаза и задумался, каково ей каждый месяц встречаться с ним. «С этим человеком. С этим ужасным человеком. Почему он не оставит ее в покое?»

«Он поймет...»

А если он не хочет понимать?

Проклятье. Уже слишком поздно.

– Эй, Колл. – Он открыл глаза и посмотрел на Низкого Зануду. – Организуйте мне доставку. Мне нужно выплачивать некоторую сумму одной девушке и ее семье. Гм, ежемесячно. У нее теперь ребенок, и деньги должны поступать без задержек. Раньше я передавал их лично, но теперь... слишком занят. Да, слишком занят, сами понимаете...

– Мастер Уэйн, у многих наших клиентов схожие ситуации, – сказал Низкий Зануда. – Назовите адрес, и мы обо всем позаботимся без лишней огласки.

Почему он так сказал? Тем не менее Джекси была права. Если уж Уэйн твердо вознамерился стать мертвецом, то лучше быть вежливым и не вылезать из леса в грозу, чтобы кого-нибудь сожрать.

Даже мертвецы должны придерживаться нравственных норм.

17

В последнее время, как казалось самой Стерис, она неплохо научилась понимать окружающих. Когда-то она полагала, что у всех людей такие же заботы, как и у нее, просто им лучше удается скрывать тревогу. Став старше, она поняла нечто невероятное. Люди попросту не тревожились.

Беспокойство не было их постоянным спутником, не терзало мозги напоминаниями о том, что они забыли нечто важное. Люди не просиживали часами, обдумывая прошлые ошибки и дела, которые можно было сделать лучше. Они постоянно жили в состоянии то ли благословенного удовлетворения, то ли пугающего неведения.

Потом Стерис стала еще старше. Вышла замуж за Ваксиллиума. Завела настоящих друзей – и все стало еще понятнее. У каждого человека – свой взгляд на мир, и Выживший создал людей таким образом, чтобы они дополняли друг друга. Металл и сплав. На каждый рывок есть свой толчок.

Ее спутники отреагировали на взрыв в подвале с удивительным возбуждением и даже восторгом, помчавшись к дверям наперегонки. А вдруг ступеньки разрушились? У Стерис

был целый перечень действий на случай взрыва в лаборатории, на составление которого она потратила три ночи.

Она любила друзей. Ей хотелось закричать, предупредить их, удержать, запретить рисковать жизнью. Она понимала, что иногда перегибала палку. Это стало для нее главным открытием последних лет, сделать его существенно помогли женщины из литературного кружка. Некоторые ее предосторожности не приносили никакой пользы. Понимание, где проводить черту, было ключом к пониманию себя.

Она была вынуждена признать, что в тот день друзья демонстрировали проблески благоумия. Первым, по ее предложению, пустили Вен-Делла, которому не навредило бы падение с лестницы. Следом пошел Вакс, способный перелететь разрушенную лестницу. Спустившись, они выждали время на случай, если последуют еще взрывы, и лишь потом открыли укрепленную дверь.

– Стойте! – Стерис покопалась в сумочке. – Маски.

Она раздала всем по тряпичной маске, даже Аллику, деревянная маска которого не фильтровала воздух. Все приняли маски рассеянно, а кто-то даже закатил глаза. Только Вакс надел ее с улыбкой.

Ему нравилась дотошность, с которой Стерис готовилась ко всему. Он считал ее очаровательной. Но главное – он ее ценил. Находил не назойливой, а полезной.

– К чему нам готовиться согласно твоему списку? – спросил он.

Стерис обрадованно выудила из сумочки книжку с перечнем чрезвычайных домашних ситуаций. Да, она могла перегнуть палку. В то же время составление списков давало своего рода целительный эффект. Когда она записывала, ее страхи проходили. Если она о чем-то вспоминала, отмечала и обдумывала, это больше не имело над ней власти; наоборот, власть переходила к Стерис.

– Если пролились кислоты, – начала она, – они могли выделить ядовитые испарения. Старайтесь не наступить на битое стекло. Могут быть повторные взрывы, особенно от незащищенного гармониума. Это самое опасное.

– Мараси, – пораздумав, окликнул Вакс девушку, уже успевшую толкнуть дверь. – Я использовал в опытах соляную и хлорноватистую кислоту.

– И?

– Берегитесь хлора, – ответил Вакс.

Вен-Делл схватил Мараси за руку. Кандры крайне не жаловали кислоту.

К удивлению Стерис, все ее послушались. Мощные вентиляторы в подвале не работали, поэтому пришлось принести комнатный и запустить. Затем все вышли на улицу, дожидаясь, пока подвал проветрится. Спустившись, все без возражений надели маски и позволили Стерис проверить воздух с помощью приборов. Войдя внутрь, все смотрели под ноги.

Дверь бункера пронеслась через комнату и теперь наполовину торчала из дальней бетонной стены. Стальные стены самого бункера восстановлению не подлежали. А все остальное...

Что ж, вероятно, придется заказать новый спектрограф. И центрифугу. И пробирки. И... ну... отремонтировать стены...

Ей стоило немалых усилий не начать сразу подметать осколки стекла, чтобы никто уж точно на них не наступил. Вместо этого она подошла поближе к Ваксиллиуму. Вдруг обнаружит что-нибудь интересное?

– Ржавь, – выругался он, приближаясь к останкам бункера. – Он ведь выдерживал взрывы гармониума до трех унций. А тут содержание вещества было в десять раз меньше.

Он потянулся к потолку камеры.

Стерис махнула перед ним перчаткой.

– Точно. – Он взял перчатку и натянул, после чего ощупал сломанный стальной каркас. На руке осталась черная пыль – мельчайшие металлические фрагменты. Сзади подошел Вен-Делл. Мараси осматривала дверь бункера, а Аллик сходил за шваброй и принялся подметать.

Стерис он и так нравился, в первую очередь за хорошее отношение к ее сестре. Но теперь Аллик еще больше вырос в ее глазах.

– Нужно проанализировать эту пыль, – сказал Вакс. – Но... на атиум или лерасиум она не похожа. Скорее, железо от приборов.

Стерис все равно собрала образцы в пробирки. Ваксиллиум заглянул в разбитый бокс, после чего карманным напильником соскоблил что-то изнутри.

– Гармониум, – пояснил он Стерис, которая тут же раздобыла для образца пробирку с маслом. – Размазался по задней стенке. Похоже, эксперимент не удался. Он не разделился.

– На самом деле, – вставил Вен-Делл, – вам удалось нечто куда более опасное. – Он достал маленький блокнот. – Сколько гармониума вы использовали? Пару граммов?

– Около полуграмма.

– Такая взрывная мощь... – задумчиво произнес Вен-Делл, – такая разрушительная сила... от столь крохотного образца вещества. Это возможно, только если...

– Что? – перебил Вакс.

– Если к взрыву привело не разделение металлов, – объяснил Вен-Делл. – Такой выброс энергии мог случиться, только если часть Инвеституры или самой материи преобразовалась в энергию.

Заметив всеобщее замешательство, он продолжил:

– Помнится, я весьма подробно рассказывал вам о природе Инвеституры. Это, можно сказать, мое главное хобби, помимо изучения черепов...

– Мой не продается, – напомнил ему Вакс.

– А мой – да, – сказала Стерис.

Оба уставились на нее.

– Зачем он мне после смерти? – недоуменно спросила она. – А деньги могут сейчас пригодиться.

– Как я не устаю напоминать, – сказал Вен-Делл, – после вашего недолговечного существования останутся прекрасные внутренние оболочки. Кости человека – словно песчаные медальоны из океана. Долговременное напоминание о вашем пребывании на Скадриале. Леди Ладриан, давайте обсудим условия сделки позже. А пока расскажу вкратце: все в Космере состоит из трех субстанций. Первая – вещество. Сюда относятся все физические предметы, что вас окружают. Они состоят из акси, мельчайших известных нам частиц.

– То есть существуют вещи, которые... не являются веществом? – спросила Стерис.

– Конечно, – ответил Вен-Делл. – Например, энергия. – Он указал на потолок, где еще работали две встроенные укрепленные лампы. – Электричество, тепло, свет... вы, люди, в последнее время неплохо научились их использовать. Хорошо. Современно.

– А третья субстанция? – спросил Вакс.

– Инвеститура. Сущность богов. Во всем есть частица Инвеституры, как правило, недоступная без особых способностей. Лорд Ладриан, когда вы разжигаете металл, вы извлекаете Инвеституру из Духовного мира и пользуетесь ею, как эти лампы используют энергию. Но основная идея такова: Инвеститура, вещество и энергия – суть одно и то же.

– Я это почувствовал, – отстраненно проговорил Ваксиллиум. – Когда держал Браслеты. Все сущее есть одна субстанция.

– Вот именно! – ответил Вен-Делл. – Состояния могут переходить из одного в другое. Энергия может стать Инвеститурой. Это основа ферухимии. Инвеститура может стать веществом. Так появился гармониум. А вещество может стать энергией.

– И примером этого... – начала Стерис.

Вен-Делл кивнул в сторону уничтоженной комнаты.

– Мы только что стали этому свидетелями. Внутри вещества заключена энергия невообразимой силы. Вам удалось выпустить небольшую часть, лишь крошечную долю того, что вы поместили в этот ваш бункер, но тем не менее. Если найти способ реализовать весь потенциал... гм, Гармония говорит, что столь разрушительная сила пугает его. Крайне пугает.

– Еще бы, – ответил Ваксиллиум. – Это оказалось просто. Слишком просто.

– Однако для вашего эксперимента потребовалось два редких вещества, – заметил Вен-Делл. – И большой запас энергии, верно?

– Очень большой для такого крошечного образца, – признал Вакс. – Чтобы повысить эффективность, потребуется гораздо больше электроэнергии. Но разрушительный потенциал...

– Согласен. – Кожа Вен-Делла не просто побледнела, а стала прозрачной. – Мне надо... доложить об этом. Если позволите, я удалюсь наверх побеседовать с Гармонией. Извините.

Ваксиллиум покосился на Стерис.

– Худший прогноз? – спросил он.

Она задумалась. Что может быть хуже всего? Ответ казался очевидным.

– Что, если в Круге уже об этом известно? – ответила она. – Мараси цитировала слова умирающего о возвращении пепла. Может, они собираются все взорвать?

Вакс мрачно кивнул. Он и сам об этом задумывался.

– Если Круг узнал о реакции при взаимодействии треллиума и гармониаума, случайно или в результате эксперимента вроде нашего, об этом могли остаться записи.

– Можно изучить данные по взрывам неизвестной природы в Отдаленных Городах, – предложил Вакс. – Разумно. Пепел... что, если взрывное устройство установят под одной из старых Пепельных гор? Можно будет их оживить?

– Звучит более чем пугающе. – Стерис затосило. Почему она раньше об этом не подумала? Похоже, ее планирование дало сбой. Но всему свое время. – Затребую в библиотеке газеты из Отдаленных Городов и попрошу доставить в пентхаус. Там посмотрим.

Вакс кивнул:

– А с помощью Мараси можно получить доступ к полицейским отчетам.

Отличное предложение. Стерис пересекла комнату, пройдя мимо Аллика, горестно разглядывавшего размазанные по стене остатки печенья, и подошла к Мараси. В последнее время ей... нравилась ее компания. В детстве они далеко не всегда питали друг к другу теплые сестринские чувства. Их отец, ныне ушедший на покой в загородном поместье, стыдился незаконнорожденной дочери. Стерис всегда беспокоилась, что Мараси сочтет это своим недостатком, а не отцовским.

Мараси выглядела погруженной в мысли, и Стерис недоумевала, что такого интересного она могла найти в сломанной двери. Однако отвлекать сестру не стала. Тишина не напрягала Стерис. Она относилась к ней вполне нейтрально.

– Как же быстро меняется мир, – наконец прошептала Мараси. – Я еще к электрическим лампам толком не привыкла, не говоря о воздушных кораблях. А тут появляется этот бог... из другого мира. Крупица металла взрывает целую комнату...

– Меня это тоже беспокоит, – призналась Стерис. – Знать бы заранее, что такое случится.

– Я все думаю, – сказала Мараси, – зачем занимаюсь расследованием убийств и мелких преступлений. Понятно, это тоже важно... но, Стерис, есть люди, которым подвластно все. Которые способны изменить судьбу планет. Насколько я могу судить, они не допускают оплошностей и наверняка крайне рады, что мы гоняемся за простыми преступниками и не вмешиваемся в их дела.

– Поэтому ты гоняешься за Кругом. – Стерис кивнула. – И тратишь на него столько усилий, тогда как другие констебли считают это чрезмерной тратой времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.